ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 14 МАРТ 1986

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 14 (3063)

29 МАРТА — 5 АПРЕЛЯ

Циклотрон — микроскоп микромира.

МИРНЫЙ

К 30-ЛЕТИЮ ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДУБНЕ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ
Фото Юрия ТУМАНОВА

«Знание требует от человека мужества... Есть физическая связь поколений, она продиктована природой. Но есть и другая — работа, творчество, любовь, то, что остается, когда исчезает и человек, и его имя...» Эти слова Жолио-Кюри всегда приходят мне на память в Дубне — городе физиков.

Помню, как десять лет назад я беседовал с профессором Честмиром Шимане из Чехословакии, тогда вице-директором Объединенного института ядерных исследований.

— Своей судьбой я обязан двум большим физикам и замечательным людям,— говорил профессор.— Один — мой учитель Фредерик Жолио-Кюри, второй — Игорь Васильевич Курчатов.

С начала пятидесятых годов наступил период в ядерной физике, когда ученым стало ясно: для самого скромного результата необходимы сложнейшие приборы, огромные средства, необходим мощный экономический и «мозговой» потенциал. И поэтому небольшие страны, как, скажем, моя Чехословакия, для того, чтобы вести физические исследования, особенно остро нуждались в объединении усилий. Это прекрасно понимал советский ученый Игорь Курчатов и пришел нам всем на помощь. Именно ему принадлежит благородная идея создания здесь, в Дубне, Международного научного центра социалистических стран — Объединенного института ядерных исследований.

— В пятьдесят восьмом году, когда в Дубну приезжал ваш учитель Жолио-Кюри, вы уже работали здесь? — спросила я.

— Да, конечно. Я тут фактически с самого начала, с двадцать шестого марта пятьдесят шестого года, когда было подписано соглашение о создании Объединенного института ядерных исследований.

...Сегодня в этот институт входят ученые одиннадцати социалистических стран. Сотрудничают с ним многие ведущие лаборатории мира. Исследования, выполненные в Дубне, вошли в золотой фонд мировой науки.

Мне приходилось бывать в Дубне в разное время года, и, надо отметить, всегда хорош этот город. Но особенно ранней весной. Зима еще мягко и сыро лежит на крышах домов, но с Волги уже дуют весенние ветры, и воздух свеж и прозрачен, как это бывает в России только в это время года. Ветер колышет флаги социалистических стран — участниц института, что вывешены перед административным корпусом. В их числе героический Вьетнам, далекая Куба. Ее приняли на двадцать первом году жизни Объединенного института ядерных исследований. Растет дружная семья интернационального города физиков.

Управляется Объединенный институт ядерных исследований Комитетом полномочных представителей. Он собирается ежегодно и обсуждает важные вопросы развития института:

См. стр. 10—11.

Наследники Ломоносова — так назвали эту фотографию на одной из фотовыставок в Дубне. Лауреат Ленинской премии академик Дмитрий Иванович Блохинцев пускал первую атомную станцию в Обнинске, был первым директором Объединенного института ядерных исследований в Дубне.

АТОМ

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

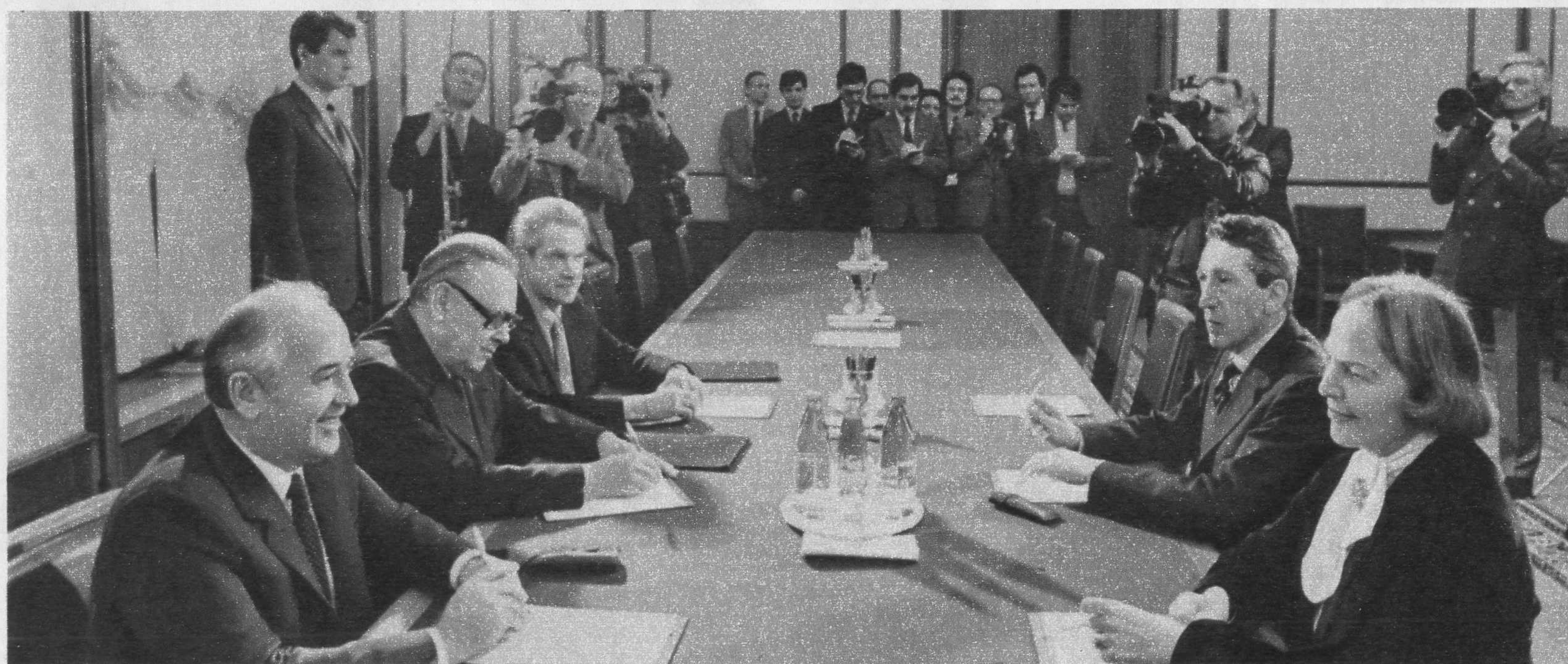
По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 25 марта в Москву с официальным дружественным визитом прибыл Президент Алжирской Народной Демократической Республики, Генеральный секретарь партии Фронт национального освобождения Шадли Бенджедид.

В Кремле, в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, Ш. Бенджедида приветствовал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

На церемонии встречи в Кремле присутствовали товарищи Громыко А. А., Шеварднадзе Э. А., Соколов С. Л., Добрынин А. Ф.

На снимке: встреча в Кремле.

Фото А. Гостева



БЕСЕДА М. С. ГОРБАЧЕВА С Л. ЙОТТИ

25 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев встретился с председателем палаты депутатов парламента Италии, членом Руководства Итальянской компартии Л. Йотти, находившейся в Советском Союзе по приглашению Верховного Совета СССР.

Участники встречи, которая прошла в дружественной атмосфере, подтвердили обоюдное стремление к продолжению советско-итальянского диалога в целях дальнейшего развития добрых отношений и сотрудничества между СССР и Италией.

На снимке: во время беседы.

Фото ТАСС

ПРИЕМ М. С. ГОРБАЧЕВЫМ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФРАНЦИИ

24 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял министра иностранных дел в новом французском правительстве Ж.-Б. Рэмона, покидающего пост посла Франции в Москве.

Тепло поздравив Ж.-Б. Рэмона с высоким назначением, М. С. Горбачев выразил уверенность, что традиционные связи между СССР и Францией будут и дальше развиваться во всех областях. Это отвечает интересам обеих стран, приобретает сейчас еще большее значение как для общеевропейского процесса, так и по причине неотложности и остроты проблем, порождаемых гонкой вооружений.

Со своей стороны Ж.-Б. Рэмон высказался за развитие сотрудничества между Францией и СССР, что является постоянной величиной во французской внешней политике.

Беседа прошла в конструктивной, доброжелательной атмосфере.

Во время беседы.

Фото ТАСС

СЪЕЗД ЧЕХОСЛОВАЦКИХ КОММУНИСТОВ

24 марта в Пражском дворце культуры начал работу XVII съезд Коммунистической партии Чехословакии. В его работе участвуют представители около 130 братских коммунистических, рабочих партий, прогрессивных движений и организаций мира, в том числе делегация Коммунистической партии Советского Союза. Ее возглавляет член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС М. С. Соломенцев.

В повестке дня съезда — обсуждение Политического доклада ЦК КПЧ, письменного отчета ЦК КПЧ о выполнении решений XVI съезда партии, утверждение «Основных направлений экономического и социального развития ЧССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года», изменений в Уставе КПЧ, избрание руководящих органов Коммунистической партии Чехословакии.

С Политическим докладом Центрального Комитета КПЧ XVII съезду партии выступил Генеральный секретарь ЦК КПЧ Густав Гусак.

Во время открытия съезда.

Телефото ТАСС

ВЫЗОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

В субботу утром 22 марта на полигоне в штате Невада Соединенными Штатами был произведен очередной ядерный взрыв мощностью до 150 килотонн. Он потряс не только землю Невады, но и все миролюбивые силы на Земле и явился вызовом всему человечеству. Таким оказался ответ Белого дома на призывы миллионов людей как в самих Соединенных Штатах, так и в других странах присоединиться к советскому мораторию на ядерные испытания и тем самым приостановить гонку вооружений.

Новый акт милитаризма США отозвался эхом по всей планете. Люди Земли протестуют против ядерного взрыва, против гонки вооружений на Земле и планов переноса ее в космос. «США,— подчеркивает газета «Вашингтон пост»,— продемонстрировали свое пренебрежение к предложению Москвы, проведя подземные ядерные испытания». Член президиума правления СДПГ Эгон Бар заявил: «Этим испытанием взорван еще один барьер, сдерживавший форсирование ядерных вооружений. США не ответили должным образом на введенный Советским Союзом в одностороннем порядке мораторий на все ядерные взрывы. Совершенно очевидно, что тем самым нанесен ущерб отношениям между Западом и Востоком».

На снимке: «Сократить военные расходы, направить средства на социальные программы!» — требуют участницы многотысячной манифестации женщин японской столицы.

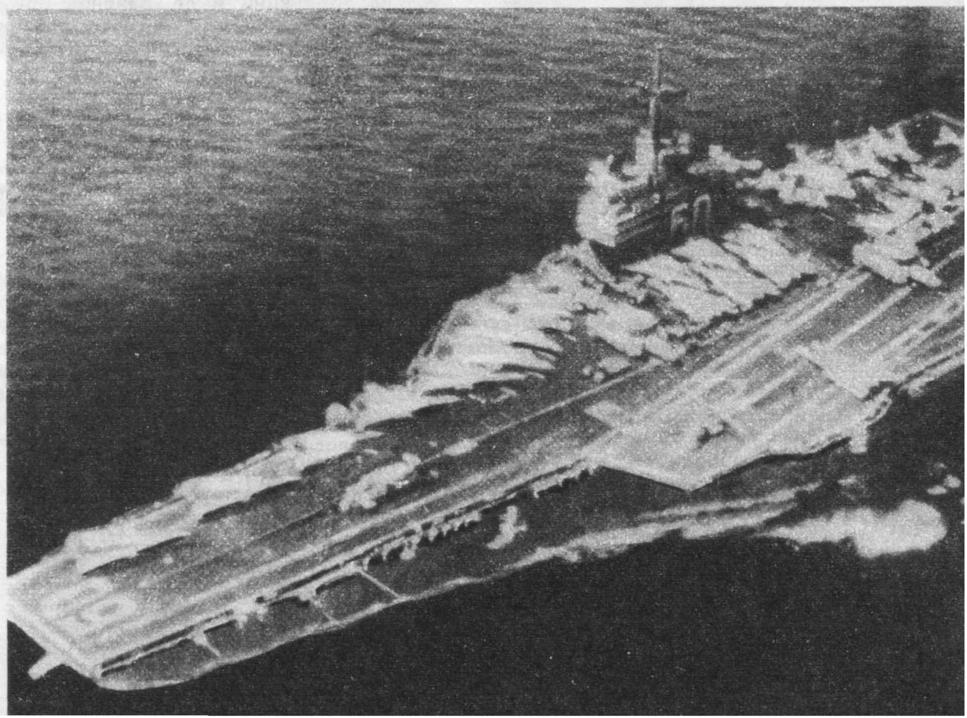
ПРОВОКАЦИЯ

24 марта авиация США вторглась в воздушное пространство Ливии над заливом Сидра. После того как средства ПВО Ливии открыли по нарушителям огонь, американские самолеты, базирующиеся на авианосцах 6-го флота США, нанесли ракетно-бомбовый удар по предместьям города Сирт на побережье Средиземного моря. Бомбардировке было подвергнуто также ливийское гражданское судно.

Секретарь Народного бюро по внешним связям Ливии К. Х. аль-Мансур направил генеральному секретарю ООН Х. Пересу де Куэльяру ноту, в которой указывается, что непрекращающиеся маневры американской военщины близ берегов Ливии, а также постоянные угрозы вооруженной агрессии против Джамахирии представляют собой откровенное посягательство на суверенитет, свободу и безопасность ливийского народа. Подобные акции Вашингтона создают серьезную угрозу миру в регионе и во всем мире.

Министр обороны США К. Уайнбергер заявил, что маневры ВМС США в непосредственной близости от ливийского побережья будут продолжены. Высказывание шефа Пентагона свидетельствует о том, что Вашингтон не намерен прекращать попытки оказать военно-политическое давление на ливийское руководство с целью заставить его изменить свой политический курс.

Тем временем в самих Соединенных Штатах новая милитаристская вылазка Пентагона вызвала негодование и возмущение. «Абсолютно ясно, что мы пытались спровоцировать военную конфронтацию с Ливией,— указал известный политический деятель США Дж. Джексон.— Администрация просто помешана на планах бомбардировок Ливии и Никарагуа. Это составная часть очень опасной внешней политики». На провокационный характер маневров ВМС США у ливийских берегов указал сенатор Дж. Сэссер. Разыгравшиеся у берегов Ливии события, подчеркнул он, продемонстрировали, как легко Соединенные Штаты могут начать прямые военные действия.



На снимке: «Саратога» — один из трех авианосцев, составляющих основу военно-морской группировки США у ливийских берегов.

Фото из журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»

4 АПРЕЛЯ —
ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВЕНГРИИ ОТ ФАШИЗМА

КООПЕРАТОРЫ ИЗ ДОМШОДА

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

Янош Юхас и Ласло Бараж рядом с их детищем — биозаводом.
Фото Петера Зая (журнал «Орсаг-вилаг»)

Биотехнология в Комплексной программе научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 года названа в числе пяти приоритетных направлений современной НТР. Одна из задач, решая которую ей предстоит выйти на авангардные рубежи,— глубокая и эффективная переработка сельскохозяйственных, промышленных и городских отходов для получения биогаза и высококачественных удобрений. Это особенно важно для Венгрии, располагающей весьма ограниченными природными ресурсами, ведь половина всех энергоносителей приобретается за рубежом.

Как отбросы превращаются в топливо и ценные вещества, повышающие плодородие земли, наш корреспондент познакомился в сельскохозяйственном кооперативе «Дожа», расположенном недалеко от Будапешта.

Янош Юхас, заместитель председателя кооператива по экономике и промышленности,— человек слова и предельно пунктуален. Как и договаривались, из Будапешта мы выехали ровно в восемь ноль-ноль.

День выдался серый. Над городом плотная мгла, в которой растворились контуры зданий. «Солнце в золе», по образному выражению венгерского поэта, активного участника революции 1848—1849 годов Шандора Петефи... Но Юхас настроен оптимистично, не дает возможности поддаваться «туманному» настроению. Уверенно ведя свои «Жигули», рассказывает. Сам он из области Ноград, из шахтерского села. Успел еще до армии поработать на шахте, но хорошо знает историю местности, по которой едем.

Мы вырвались на простор загородного шоссе, уходящего на юг. Из тумана прорисовываются оголенные ветви деревьев, ранняя весна... Все ближе Домшод — традиционный поставщик молока Будапешту. Когда-то тут жили кочевники и скотоводы. Какие только завоеватели не приходили сюда: монголо-татары, турки... Вся, начиная с древних времен, история Венгрии пронизана неукротимым духом борьбы за национальную независимость. В 1514 году вспыхнуло крестьянское восстание, которое возглавил Дьёрдь Дожа. «Это наш Пугачев,— поясняет Юхас,— восстание было подавлено. Дожу сожгли, как сказал поэт Петефи, на «раскаленном троне». Но дух его живет в народе, уничтожившем «клеймо бесправия». Оттого и назван кооператив именем вождя восстания».

А погода, пока мы мчались, переменилась. Ветер разогнал небесную «золу». Под солнечными лучами радостно зазеленели озимые. Промелькнули одноэтажные дома правления кооператива, машины для мелиорации и грузовики, стоящие на приколе хоздвора,— сегодня выходной. Вдали зеркально заголубела гладь искусственного пруда. В кооперативе рыбное хозяйство — одна из многочисленных его отраслей.

На визитной карточке Юхаса пестрая эмблема: колосья, лоза винограда, голова овцы и шестеренка крупным планом. Я спросила:

— Как же появился этот сугубо индустриальный символ на типично аграрном фоне?

— Веление времени, процесс урбанизации! В 1949 году, когда на бывших поместьях крестьяне стали объединяться в кооперативы, сельскохозяйственной техники было очень мало. Все почти что делалось вручную, примитивные орудия обработки почвы и уборки урожая. В «Дожа» трудилась на полях целая армия — две тысячи пятьсот человек. В 1959—1961 годах, когда ВСРП на принципе строгой добровольности стала проводить в жизнь ленинский кооперативный план, в Домшоде, как и по всей республике, из мелких хозяйств был создан один крупный кооператив. Он получил большую самостоятельность. Была введена контрактация, закупка продуктов по договорам. Вот тогда-то и пришли на фермы специальные машины для каждой культуры, облегчавшие труд и заменявшие людей. Тем не менее молодежь уходила на заработки в город. Особенно из Домшода: отсюда до Будапешта всего пятьдесят километров. Столица, разумеется, не могла всех принять. Через несколько лет государство совершило еще один шаг, знаменательный для сельского хозяйства Венгрии: разрешило в селах и поселках развивать свою местную промышленность. Так и перед нами встала задача найти людям работу здесь, в Домшоде.

Собеседник, энергично жестикулируя, широко раскинул руки.

— Сначала у нас в кооперативе индустрия носила подсобный, второстепенный характер: переработка продукции и ее хранение, обслуживание машин. А теперь промышленный сектор по отдаче превзошел аграрный.

На полях занято не две с половиной тысячи, а всего пятьсот человек. Производительность труда возросла в двадцать раз. Люди не уходят в город: им есть чем заняться. У нас фабрики по переработке шерсти, пошиву белья и модной одежды. Отправляем ее на продажу даже в Будапешт. Бетонный завод — делаем плиты для автодорог, панели и продаем их. В кооперативе теперь тридцать предприятий, на них работает восемьдесят дипломированных инженеров.

Голос моего собеседника с характерными гортанными нотками звучал торжествующе. Этому инженеру, 14 лет назад окончившему факультет сельскохозяйственного машиностроения местного университета, предприимчивости не занимать!

— Можно ли ознакомиться хотя бы с одним из ваших предприятий?

— Конечно.— Юхас остановил машину возле корпуса.— Да только жаль, что сегодня нерабочий день.

Мы увидели в цехе аккуратно разложенные на стеллажах стержни и формы из воска для литья. За стеной индукционные печи и короба для деталей из стали, дюраля и других сплавов.

— Запасные части для трансформаторов. Выполняем заказ Норвегии. Выпускаем также запасные части и для автомобилей. В смену трудится тут 35 человек. Какие заработки? В среднем 65 тысяч форинтов в год. (18 форинтов — соответствуют примерно одному рублю.) Доярки получают у нас по 70—80 тысяч. У нас свой ремонтный завод, сами восстанавливаем и делаем новые детали и гидравлические узлы. Стремимся заменять некоторые части из металла пластмассовыми. Экономия везде и во всем! Экономим электричество, тепло и даже воду. Да вот вам пример. Захотите помыть в конторе руки сегодня — не получится: выходной. Вода в служебных помещениях в нерабочие дни отключается. Кстати, вода у нас дорогая. Я сам живу в поселке неподалеку. Пятнадцать лет назад кубометр воды там стоил 1,5 форинта, сегодня — тринадцать. К 2000 году будет стоить 25 форинтов. А почему? Все больше засоряется бытовыми отходами, в том числе и фекалиями, верхний слой почвы, происходит загрязнение воды, а ее очистка стоит дорого. Проблема? Проблема! Решить ее в сельских местностях помогут биозаводы. Вот мы и подошли к главной, интересующей вас теме. Между прочим, я не случайно рассказывал о промышленном секторе кооператива: если бы не было у нас своей индустрии, мы не смогли бы построить биозавод. Кислотоупорный стальной лист получили по импорту из вашей страны и других. Но многое делали своими силами и сами строили.

— Очевидно, не все кооперативы имеют такую базу и такие возможности, как у вас?

— Разумеется! Вот мы и предлагаем свои услуги. Все берем на себя: проектирование, строительство, ввод в эксплуатацию установок любой мощности в зависимости от количества отходов. Добавлю: нами спроектирована животноводческая ферма на 1200 голов скота, которая будет строиться под Каиром. Выясняется также возможность строительства там и биозавода.

Вот это размах! Однако еще один вопрос оставался невыясненным — средства: кто финансировал кооператив «Дожа»?

— Министерство сельского хозяйства. Государственный технический инвестиционный банк. Затраты на наш биозавод окупятся через несколько лет.

А вот и биозавод. Ярко-оранжевые громадины поднялись над равниной. Этакие толстухи — круглые башни, опутанные элеваторами, шнеками и множеством ажурных лесенок. Приходится запрокидывать голову, чтоб разглядеть кабину управления наверху. Не выбрасывают установки ни дыма, ни гари, нигде ничего не грохочет.

Там, в этих башнях, в ферментаторах, под действием невидимок бактерий, стимуляторов брожения, и нагнетаемого снизу теплого воздуха происходит сложнейший процесс биоконверсии. Продолжается он 28 дней. За это время помет животных, подстилка с ферм, стебли кукурузы и солома, домашние и коммунальные отходы, опилки и ветки — все, что мы называем отбросами, превращается в очень нужные продукты.

Особо следует сказать об отходах свинофермы. Чтобы их переработать, нужно немало времени — не менее года. Только после того, как они перепреют, компост можно вывозить на поля. Однако при этом теряется часть полезных веществ, чего на биозаводе не происходит. Одновременно с производством удобрений, подобно джинну из сосуда волшебника, начинает выделяться горючий газ — метан, идущий в сеть.

Завод может работать и на сточной воде, сам очищает ее, сам отапливает себя и еще отдает биогаз на обогрев всего поселка. Что же касается удобрений, то они наивысшей кондиции: содержат калий, азот и фосфор в лучшем для растений соотношении да еще необходимые органические вещества. Появляется возможность меньше вносить химических удобрений, что очень важно для экологии.

— Какова производительность биозавода «Дожа»?

— Из двадцати тысяч тонн биомассы за год получается восемнадцать тысяч тонн биоудобрений и количество газа, эквивалентное 440 тоннам жидкого топлива. Установки такого типа способны перерабатывать отходы бумаги, тканей, кожи, словом — всего, кроме металла и стекла. Неразлагающиеся искусственные материалы после измельчения в закрытых системах можно преобразовать по способу, напоминающему крекинг.

Янош Юхас имел в виду пагубные последствия, к которым приводит сжигание мусора на городских свалках,— к кислотным дождям, засоряющим атмосферу.

Я не спрашивала у заместителя председателя кооператива об «ав-

торах» биозавода. Они значатся на рекламном проспекте: Карой Ковач, научный сотрудник аграрного университета в Гёдёллё, и Янош Юхас, инженер. О них мне рассказывал Роберт Купер, генеральный директор внешнеторгового объединения «Конструмекс», еще в Будапеште. Ковач со своими коллегами разработал технологию и давал консультации, Юхас сделал общую компоновку и конструктивные расчеты «в порядке хобби», по выходным дням и праздникам. Потому что у заместителя председателя иного времени не оставалось. «Энтузиаст! У него немало изобретений, есть даже патент, но это за другой завод — по производству виноградных вин и соков, получивший золотую медаль на ярмарке в Пловдиве,— добавил Купер.— До семидесяти процентов всех кооперативов пользуются технологией этого завода в «Дожа»...

— Сколько же человек работает на вашем биозаводе?

— Пусть об этом скажет его начальник,— предложил заместитель председателя, представив совсем еще молодого Ласло Баража.

Ласло — местный специалист. Он и родился тут, в Домшоде. Окончил технологический институт, специализировался по энергетике. Сюда приехал, когда тут еще клали бетон. Не посчитался с тем, что диплом в кармане,— очень хотелось знать, что и как здесь будет, трудился на равных с монтажниками. Теперь вот начальник биозавода. Пускал завод в 1983 году. Газ пошел через три месяца. Это был настоящий праздник!

— Биозавод может быть разной мощности, в зависимости от поголовья скота,— от двухсот до двенадцати тысяч животных,— рассказывал Ласло.— Этим определяется и количество обслуживающего персонала: от шести до десяти человек. У нас работает восемнадцать: семь на установках, остальные — шоферы, подвозящие биомассу.

— И далеко за ней приходится ездить?

— Да вот они, фермы, рядышком, семь серебрящихся гофрированным металлом строений. По сто пять коров в каждом. И еще множество боксов для телят.

В кооперативе есть и большая свиноферма, которая тоже является солидным поставщиком биомассы. Используются отходы винзавода, с приусадебных участков, различных предприятий. На биозавод поступает также городской мусор одного из районов Будапешта. В общем, поставщиков достаточно!

Ученые подсчитали, что сельское хозяйство такой страны, как Венгрия, могло бы к 2000 году, утилизируя отходы, полностью обеспечить себя электроэнергией. Для решения этих проблем в масштабах всей страны принята специальная правительственная программа. В ее осуществлении участвуют более пятидесяти научно-исследовательских учреждений и предприятий.

На этом, поставив точку, можно и распрощаться с предприимчивыми кооператорами Домшода.

...Возвращались мы не той дорогой, по которой приехали сюда. Неожиданно на развилке Юхас остановил «Жигули» и пригласил к гигантскому, в десять обхватов, дубу, что стоял на повороте.

— Под этим могучим деревом Шандор Петефи написал свое стихотворение «Уж краснотой подернут лист...». Люди свято берегут этот уголок. Когда одна из больших ветвей обломалась, местные мастера вырезали из нее лица друзей поэта.

Тишина. Невольно кажется, что и сам поэт здесь, с нами...

Будапешт — Москва.

МЫ ВМЕСТЕ БУДЕМ БОРОТЬСЯ ЗА МИР

«Мне хочется, чтобы моя поездка в Америку принесла хотя бы небольшую пользу делу мира»,— сказала московская школьница Катя Лычева в аэропорту города Чикаго. Она приехала в Соединенные Штаты в составе делегации Советского комитета защиты мира по приглашению общественной организации «Дети как миротворцы», которая посвятила эту поездку памяти Саманты Смит — американской девочки, страстно мечтавшей о мире и дружбе между детьми и народами СССР и США.

«Добро пожаловать в нашу страну, мы вместе будем бороться за мир» — с этими словами 10-летняя школьница из Сан-Франциско Стар Роу вручила маленькому «послу» из Советского Союза букет роз. Они вместе совершат двухнедельную поездку по Соединенным Штатам и встретятся со своими ровесниками в Чикаго, Нью-Йорке, Вашингтоне, Хьюстоне и Лос-Анджелесе.

На снимке: Катя Лычева и Стар Роу во время встречи в аэропорту Чикаго.

Телефото ЮПИ—ТАСС

Пентагоновская упряжка.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Заколоченные окна пустующих домов слепо уставились на обитель отчаяния. Люди без крова и дома без жителей — вот он, парадокс капитализма.

ГОРОДОК ОТЧАЯНИЯ

**Владимир СИМОНОВ,
собкор АПН в Нью-Йорке.
Фото автора**

Пустырь между авеню «Си» и «Ди», рядом с Шестой стрит, существовал в Нью-Йорке десятки лет. Никто на него не обращал внимания. Но сегодня о нем пишут в газетах, этот адрес называли даже на слушаниях в Верховном суде штата.

Дело в том, что еще прошлой осенью здесь самочинно возник городок бездомных. Восемь американцев, у которых, как и у трех миллионов их соотечественников, нет крыши над головой, соорудили себе хибары или шалаши — уж не знаю, как и назвать их,— из старых ящиков, кусков картона, обрывков полиэтилена. Кое для кого домом стали брошенные автомашины.

В годы великой депрессии 30-х годов такие лагеря именовались «гувервиллями»— в честь тогдашнего президента. Сегодня, значит, это уже «рейганвилль». Новые времена — прежнее отчаяние.

Я провел несколько часов в беседах с обитателями этого городка. Все они довольно молодые люди с профессиями, с образованием, с жаждой приложить свою энергию на пользу обществу, но общество «равных возможностей» и «самой развитой демократии» повернулось к ним спиной.

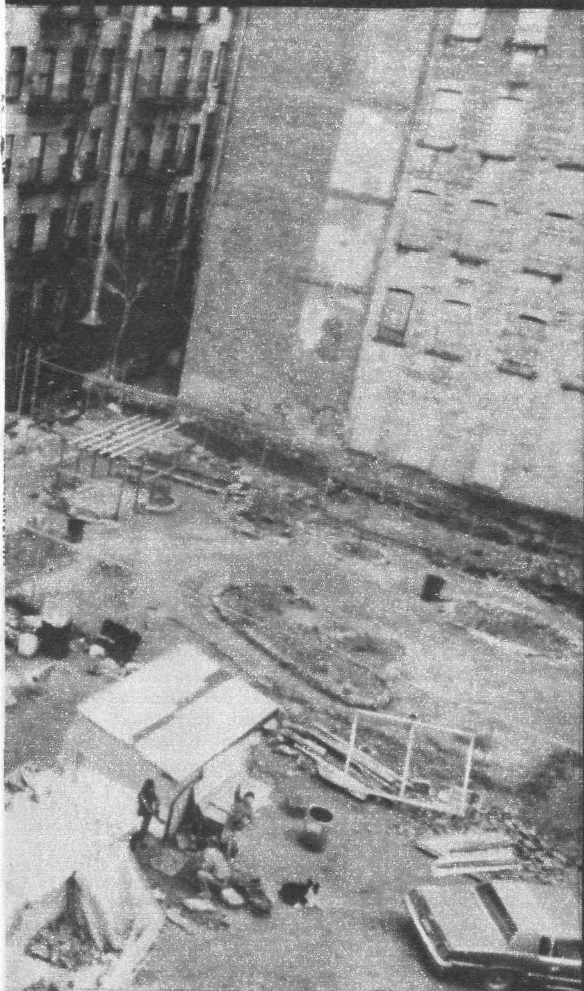
— Смотрите, какая нелепица,— сказала мне Делия Торрес, безработная учительница.— Мой муж Майкл Карузо по профессии плотник. Вот его руки — они рвутся строить. Вот доски, кирпич, цемент — все это пожертвовали нам добрые люди. Вот пустырь — он сто лет был пустырем. Дайте нам выстроить жилье! Нет, не дают. И дома вокруг пустуют — хозяева не хотят ремонтировать. Такая вот у нас система...

Да, система подавления всех гражданских прав, из которых не на последнем месте стоит право на жилье.

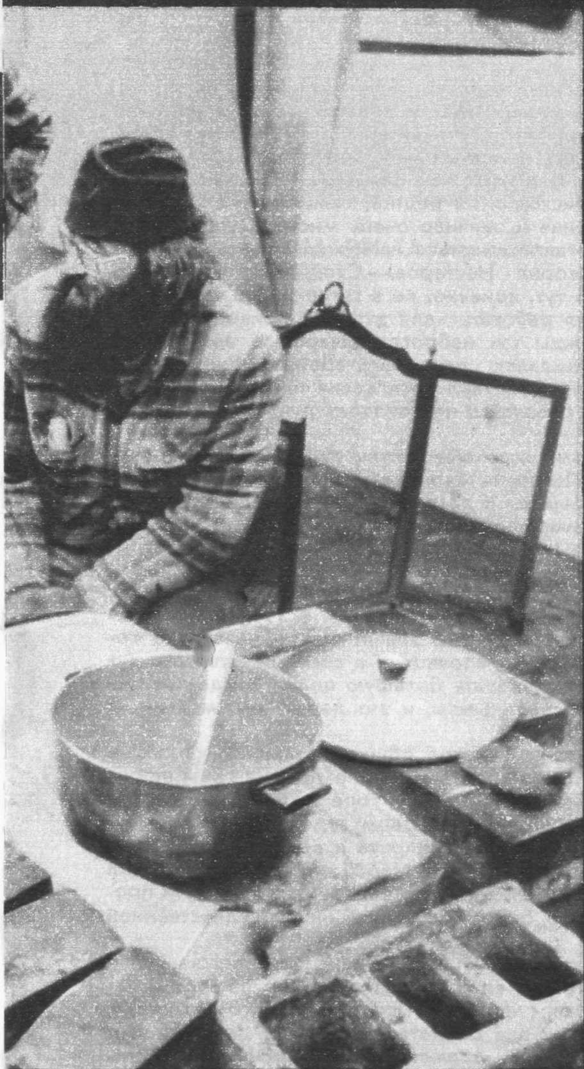
И эту систему открыто, бесстыдно поддерживают власти. Муниципалитет Нью-Йорка приказал бездомным убраться с пустыря, потому что это, мол, «городская собственность, которая занята противозаконно».

Дело о втором изгнании уже изгнанных капитализмом на улицу рассматривал Верховный суд штата. Но это так, для отвода глаз. Власти, конечно, выиграли дело в собственном суде. Даже жизнь в фанерной берлоге — непозволительная роскошь для тебя, бездомная Америка!

Нью-Йорк, март 1986.



Майкл Карузо, его жена Делия Торрес и Дэвид Джекобс не спрашивают друг друга: «Что сегодня на обед!» Хорошо еще, если есть бобы.



Джеймс ОЛДРИДЖ,
английский писатель

С ВЕРОЙ В БУДУЩЕЕ

XXVII съезд КПСС показал, чего следует ожидать от нынешнего момента в истории Советского государства. В Политическом докладе ЦК КПСС раскрыты многие перспективы развития СССР. Дав критическую оценку прошлому, этот доклад продемонстрировал и самый требовательный подход к будущему. Некоторые западные эксперты ожидали введения в СССР изощренной системы авантюрных «реформ», направленных на изменение самой природы общества социализма. Их надежды не оправдались. XXVII съезд КПСС продемонстрировал надежность социалистической системы и ее экономической основы. Дальнейшее развитие будет исходить из существующих структур, а не из фантастических измышлений и упований на чудо. Цели, к которым стремится Советский Союз, подходя к ним критически и конструктивно,— это совершенствование служебной этики, разумное управление, честность, необходимая столь насущно, и, наконец, преданность делу совершенствования общества в интересах всех. Естественно, Политический доклад сконцентрировал внимание на вопросах экономики, нуждающейся в компетентном планировании для обеспечения ее нормального функционирования. На Западе это понимают далеко не все. Планирование является одной из основных задач наряду с выполнением плановых заданий. У нас, в западном мире, это далеко не так: наша экономика уповает на счастливое стечение обстоятельств и подчинена задаче обогащения сильных мира сего. Человек значит для нее все меньше с каждым днем.

Особое внимание на Западе было обращено на комментарии, которые были приведены в Политическом докладе по поводу недавних предложений президента Рейгана, касающихся соглашений по разоружению. Эти предложения хороши только на первый взгляд. На поверку из-за них высовывается все тот же космический волк в овечьей шкуре: концепция «звездных войн», сдобренная постоянными ссылками на интересы Великобритании и Франции. Таким образом, М. С. Горбачев был вынужден дать этим предложениям Рейгана негативную оценку.

Как заявил один из комментаторов Би-би-си, доклад Горбачева явился проявлением силы и изобретательности. Запад не всегда понимает, что стоит за социалистической системой, что воздействует на социалистическое общество в целом: это его мораль, его практические нужды и его сознание своих недостатков, идущее рука об руку с реальной работой во имя будущего. Тем не менее даже западные критики понимают, что данный поворотный момент, как они его называют, знаменует начало новой эры, в которую вступает советское общество, — эры, открывающей перед ним возможности совершенствования сверху донизу.

Лондон.

●

В АФРО-АЗИАТСКОМ КОМИТЕТЕ ПИСАТЕЛЕЙ

20 марта в Москве состоялся пленум Советского комитета по связям с писателями Азии и Африки. Пленум обсудил доклад об итогах работы комитета в 1985 году и деятельности советских литераторов в афро-азиатском писательском движении. В докладе говорилось о проведенных мероприятиях и был дан подробный анализ ситуации, сложившейся в Ассоциации писателей стран Азии и Африки (АПАА), руководство которой в последнее время потеряло видных деятелей движения, известных писателей Ф. А. Фаиза, М. Бсису, А. Ла Гуму.

Работа Советского комитета по связям с писателями Азии и Африки в последний год была направлена главным образом на выполнение решений VII Ташкентской конференции, на дальнейшее развитие прогрессивного писательского движения, на расширение и укрепление двусторонних связей Союза писателей СССР с национальными писательскими организациями.

В прошедшем году в Народной Республике Болгарии прошла сессия секретариата АПАА, была проведена встреча молодых литераторов Азии и Африки, которую впервые принимал Браззавиль — столица Народной Республики Конго, и заседание секретариата ассоциации в Дели в декабре 1985 года, где на должность исполняющего обязанности генерального секретаря АПАА был избран индийский писатель Бхишам Сахни.

Участники пленума говорили также о недостатках и упущениях в деятельности комитета, о слабой пропаганде в органах печати произведений современных прогрессивных писателей Азии и Африки. Были высказаны пожелания улучшить организационную структуру комитета, повысить информированность его членов о результатах поездок советских писателей за рубеж, сделать более действенным сотрудничество с издательствами, с учеными-востоковедами.

Сейчас комитет начинает подготовку к очередной конференции писателей Азии и Африки в Дели, которая состоится в 1987 году.

На снимке: во время работы пленума.

ПОЭТ ПЕЙЗАЖА

Лидия БРОДСКАЯ,
народный художник СССР

В залах Академии художеств в Москве состоялась выставка произведений Николая Михайловича Ромадина. И снова, увидев его картины — на этот раз их было около двухсот,— я восхитилась поэтической силой, заключенной в них, не очень больших по размеру, но таких эмоциональных, волнующих душу каждого русского человека.

Невольно захотелось перечитать строки Паустовского в «Заметках о живописи», вдохновленных ромадинскими пейзажами: «Своими моральными качествами, талантливостью и творческой силой наш народ обязан, среди других причин, и нашей природе. Сила ее эстетического воздействия так велика, что, не будь ее, у нас не было бы такого блистательного Пушкина, каким он был. И не только Пушкина... не было бы плеяды замечательных художников-пейзажистов: Саврасова, Левитана, Борисова-Мусатова, Нестерова, Жуковского, Репина, Крымова, Ромадина и многих других». От себя добавляю еще имя Грицая. А далее Паустовский писал: «Любовь к родной природе — один из вернейших признаков любви к своей стране, признаков патриотизма»...

Ромадин открыл зрителям мелодичную сказку тихих лесных озер, в зеркало которых весело глядятся молодые осинки, нарядный свет короткого зимнего дня и тайну багровых закатов, когда «краснеют темных сосн сторукие стволы и отражаются внизу в заливе черном». Передал поистине богатырскую былинную твердь глухих сосновых боров и диких чащоб, и мы увидели, что это уже «не лес, а целый мир разносторонний, исполненный видений и чудес». Он почувствовал романтику обновления, дыхание свежести в весенних токах земли, в размахе половодья, где стоят в воде прибрежные деревья, а воздух прозрачен и чист, над головой высокое небо, и ветлы оделись в золотой пушистый убор, и нежным розовым цветом зацвели кусты волчьего лыка.

В своем дневнике, который ведет с молодых лет, художник записал однажды: «Мне бог дал счастье любить красоту природы, ее чистую душу, впитывать и передавать свои чувства к ней. Ты моя красавица — земля,— едва ли есть где более красивая живая планета...»

А названия-то картин какие! "Река Царевна", "Умба-река", "Ветер на Укш-озере", "Долина реки Синдеги", "Весна на Удомле", "Зимний день. Киржач", "Май в России", "Русский Север"... По ним можно было бы составить географию рабочих троп живописца: он писал в Поволжье, Карелии, на Белом море и Ладоге, запечатлел остров Кий, Шексну, Конч-озеро, создав обаятельный национальный образ родной земли.

Некоторые ее места остались теперь только в его произведениях, например, «Берендеев лес», написанный близ Костромы, в Щелыкове, имении драматурга А. Н. Островского. Несколько лет спустя шальной огонь неосторожного костра выжег все до черных пней. Но тогда, в 63-м году, в Щелыкове он сделал несколько одухотворенных пейзажей, проникнутых поэзией «Снегурочки». И тогда же появляются в его дневнике тревожные слова: «Обошел поля, Куекшу — бедную, так как все ивы, ольшаник по берегу вырублены, и тот уют и тишина, которые они придавали этой реченьке, исчезли. Ясно, что будут осыпи и обмеления, совсем занесет песком и илом эту чудную маленькую речушку». Обращаясь к школьникам в письме-наставлении об искусстве, он пояснил им, что значит мудрая искренность художника: «Это значит много читать, много видеть, правду видеть, и любить эту правду и только ею жить, любить людей, животных, природу... любить и беречь».

Нет, мне кажется, ничего более скучного и малохудожественного, чем протокольное копирование даже самого привлекательного уголка земли, изображенного бесстрастной кистью. Пейзаж не копия, не слепок с природы. Неискушенному зрителю иногда кажется: что может быть проще — пришел, увидел, написал... Но вот еще одна запись из ромадинского дневника: «Так долго надо наблюдать и так трудно дается характер природы, только после усиленного мышления, анализа воображения удается достигнуть цели».

Ромадин ощущает как нечто живое, трепетное, очень ему близкое и дорогое заиндевелые стволы и ели, укрытые искрящимся снегом, легкую дымку утреннего тумана, поднимающегося от жемчужной воды, говорит на языке любви и почитания с золотою речкой, с розовыми облаками, спешащими куда-то по небу, стараясь понять, какое состояние вызывают в его душе хрупкие и тонкие обнаженные апрельские березки или дорога, петляющая средь полей. И уже потом тончайшие нюансы полутонов, изысканная сплавленность красок, едва уловимые световые переливы рождают чудо, которое мы называем ромадинским пейзажем и которое утверждает жизненность и плодотворность станковой картины.

В «Слове художника» Николай Михайлович убедительно показал, что отход от законов станкового искусства ведет к схематизму, условности, ибо декоративная и локальная живопись не в силах выразить мир. Как можно взять локальный цвет неба, воздуха, колебания света и безграничные переходы пространства?— спрашивает он и отвечает: возникает красочность вместо колорита, но она создает приблизительное решение, не давая полного, здорового ощущения видимого мира. Нарочитые яркие или тусклые умбристые тона, голая краска не создают световой среды, а следовательно, и колорита, все становится вымышленным, неискренним. Зритель равнодушно проходит мимо таких полотен и только из любознательности может на время задержаться. Станковый же пейзаж ставит бесконечно новые задачи, открывает незаметные красоты, и вечная любовь человека к природе находит здесь свое полное выражение,— заключает он.

Всю свою жизнь, а ему скоро исполнится восемьдесят три, Ромадин одержимо, самозабвенно трудится, и это оценено по заслугам: народный художник СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий, академик живописи. Человек он талантливый от рождения, но что значит талант без постоянной усиленной работы ума и сердца, без мастерства, без обширных знаний? Мне кажется, что именно каждодневное совершенствование себя духовно и профессионально — привлекательнейшее свойство ромадинской натуры. Его дневниковые записи испещрены замечаниями, суждениями о творчестве старых мастеров, об их приемах, которые, как он полагал, могут ему пригодиться. Если бы он решил опубликовать эти рукописи, они стали бы полезны не только начинающим живописцам, но и всем, кто хочет глубже постичь искусство. Художник много копировал особенно любимого им Александра Иванова, стараясь понять его метод — писать маслом тонко и жидко, как акварелью. Мы все были поражены, когда на первой персональной выставке Ромадина, за год до войны, увидели рядом с историко-революционными картинами, рядом с «Интервенцией» и «Ревкомом» копии фрагментов знаменитой картины А. Иванова. Стало ясно, как серьезно Ромадин ищет. Он повторял также малых голландцев — Тенирса, Метсю, Питера де Хоха, Яна Стейна, Воувермана... Знания, полученные во Вхутемасе, а затем во Вхутеине, собственные незаурядные способности сделали свое дело: вскоре после окончания института два его полотна купила Третьяковская галерея. Он писал тематические холсты, активно участвовал в выставках.

Но к тридцати пяти годам окончательно понял, что по-настоящему выразить себя, быть до конца искренним может в картинах природы. Два года он прятался от всех, делал совсем маленькие, камерные по звучанию вещи и неожиданно решил показать их Грабарю, когда тот вместе с закупочной комиссией обходил мастерские художников. Увидев эти работы, Игорь Эммануилович со свойственным ему чутьем определил: «Мы присутствуем при рождении русского художника»... Шел 1940 год.

Николаю Михайловичу посчастливилось тогда получать советы корифея русской школы — старейшего Михаила Васильевича Нестерова. Он вспоминает, что услышал много удивительной мудрости, много раньше никогда не слышанного, а главное — великую правду художника, речь живую, волнующую. Для него, как он сам о себе говорил, самарского мужика — хотя происходил из бедной семьи железнодорожника,— это было как откровение и значило очень много. Особенно совет: «писать только свое, не заглядываться на чужие краски». «Писать картину — это праздник,— говорил Нестеров.— Сходите в баньку, наденьте чистую рубаху». Дело тут, конечно, не в гигиене, а в святом отношении к искусству. Он учил работать «для души» и приводил в пример Врубеля, который однажды так набросал акварелью шиповник в стаканчике, что казалось, слышался даже его аромат. Уже тяжело больной, незадолго до кончины, Михаил Васильевич писал своему молодому другу: «Пожалуйста, работайте не покладая рук. В этом наше... спасение».

Художник дружил с людьми высочайшей культуры, какими были ученый-офтальмолог Владимир Петрович Филатов и знаток тональной живописи Николай Петрович Крымов. К тому времени Ромадин, изрядно изучив почерк великих предшественников, был готов принять и воплотить его учение о богатейших возможностях тонального письма, в котором цвет, его нюансы зависят от силы света.

Произведение становится искусством, когда в нем бьется живая мысль, вера художника, его любовь или ненависть. В 1942 году Ромадин записал: «Большое в искусстве — это значит нужно не только совершенствовать технику, рисунок, композицию, а совершенствовать душу, нравственное начало. Нужно ставить большую цель... Когда поэт не имеет высокой цели, он описывает факты, и это делает его мелким. В искусстве нужна высокая цель...»

В 1944-м он создал цикл картин под общим названием «Волга — русская река». Все, что сам пережил, что увидел в первые годы войны на растерзанной орловской и тульской земле, горе людей и вера в народ, в Отечество вместе с горячим чувством художника перешли в его творения. В них такая мощь, такая широта и величие российских просторов, что пейзаж — пейзаж!— во всей своей эпической силе стал гимном непобедимой стране. Именно так все восприняли тогда эти произведения, и через год мастер был удостоен за них Государственной премии СССР.

Некоторое время спустя он приехал на Керженец, в одну из волжских деревень. Здесь жили только вдовы, старики и дети да трое искалеченных мужчин, вернувшихся с фронта... Потери военного лихолетья, которые были еще так остры, беда осиротевших людей, трудный быт не могли не сказаться на общем драматическом колорите картины

Н. Ромадин. Род. 1903. ЗИМА. Из серии «Времена года». 1952.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Н. Ромадин. ЛЕТО. Из серии «Времена года». 1953.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Огненный пилот

Это случилось осенью 1943 года. В воздух поднялся экипаж комсомольца Виктора Харламова. Когда самолет пересек линию фронта, из-за облаков появились вражеские истребители. Завязался воздушный бой.

— Лукьянюк, угости-ка «фоккера»! — скомандовал Виктор стрелку Трофиму Лукьянюку.

— Есть! — ответил Трофим и послал очередь навстречу «фокке-вульфу». Тут загорелся и самолет Харламова. Резким скольжением пилот попытался сорвать пламя со своего штурмовика, но не смог. Тогда, выполнив разворот, Виктор крикнул по рации: «Иду на таран! Прощайте, друзья!» — и направил свой горящий самолет на вражеские цистерны с горючим.

Об этом подвиге мы, жители его родного города Урюпинска, узнали только через три десятилетия. Красные следопыты нашего города, а впоследствии и сами однополчане собрали большой материал об отважном летчике.

На фасаде средней школы № 2 установлена мраморная плита с надписью: «В этой школе с 1930 по 1936 год учился летчик-комсомолец мл. л-т Харламов В. П., повторивший на Западном фронте под г. Орша героический подвиг Н. Гастелло 30 ноября 1943 года».

Ученики школы-интерната Лена Богучарова, Юра Маликов, Ира Соина, Лена Батурмакова и другие запрашивали городские и сельские Советы, обращаясь к однополчанам. Приходили ответы. Вот один из них: «Рады сообщить вам, ребята, что по вашему ходатайству исполком поселкового Совета переименовал Парковую улицу в улицу имени Виктора Харламова. Рядом в братской могиле символически захоронен ваш герой-земляк. Здесь, в нашем поселке, где героически погиб Виктор Харламов, помнят и чтут его имя, его подвиг...

Группа красных следопытов поселка Осинторф».

На личные средства ветеранов-однополчан в одной из художественных мастерских Москвы были изготовлены бюсты героя. Один из них подарен трудящимся поселка Осинторф Витебской области, а другой — нашему городу. К нам приезжали ветераны бывшего 956-го штурмового авиаполка, однополчане В. Харламова: В. А. Пахомов — москвич, в прошлом секретарь парторганизации полка, и летчик-штурмовик, фронтовой товарищ Виктора харьковчанин Я. А. Залозный. Ветераны побывали в школах, краеведческом музее, горкоме партии. Посетили мать героя Анну Павловну Харламову. Познакомились с семейным фотоальбомом, где в разные годы запечатлен их товарищ по оружию.

Посылаю фотографию матери героя, А. П. Харламовой, с портретом сына.

П. ЕВСТРАТОВ,
ветеран Великой Отечественной войны

г. Урюпинск.

Мать героя, А. П. Харламова, с портретом сына.

Фото автора.

ОТКЛИКНИТЕСЬ, ФРОНТОВИКИ!

Дорогие друзья!

Пишут вам старые знакомые, комсомольцы теперь уже IV курса экономического техникума имени Васила Левского в Пловдиве. Вместе со всеми мы отмечали 40-летие Победы над фашизмом. Уверены, что память о прошлом — это мысль о будущем. Вот поэтому уже три года мы разыскиваем красноармейцев, которые освобождали наш город в 1944 году. Благодаря редакции «Огонька» у нас появилось много друзей по всей Советской стране. В нынешнем году мы решили узнать, где находились военная санитарная рота и госпиталь, в котором были раненые бойцы. Во время розыска нам попала в руки фотография, которую высылаем вам. Ее передал нам бывший партизан Димитр Чобанов, он лечился в этом госпитале вместе с красноармейцами.

Дорогие бывшие фронтовики! Если вы узнаете себя или сохранили какие-либо воспоминания о нашем родном городе, напишите!

Наш адрес: Болгария, Пловдив, экономический техникум имени Васила Левского, IV-б курс.

«Керженец», это чувствуется и в тяжелых, будто свинцовых, водах реки, и в строгой мрачности деревьев, обступивших берег.

Нет, никогда ромадинская кисть не была бесстрастной и равнодушной. Той высокой целью, о которой он писал, стала для него красота Отчизны.

Менялась к лучшему жизнь, и уже другое настроение властвовало в его работах. В начале 50-х годов он выполнил для Московского университета цикл «Времена года», в котором воплотил обобщенные, философски осмысленные образы зимы и лета, осени, весны.

В его пейзажах — совершенство, духовность и несказанная прелесть природы, слияние с русской поэзией. Сомнения же и раздумья художника, напряженная внутренняя жизнь, поиски истины остались в его интерьерах. «Все они у меня автобиографические»,— признается мастер. Вот и в «Красном интерьере» мы чувствуем нерв творца, движение его мятущейся мысли.

Как-то раз он заметил: «Природа не несет в себе художественного смысла. Береза в природе — всегда береза, но только в искусстве есть береза Куинджи, Нестерова, Саврасова, Левитана». И в письме школьникам продолжил ту же тему: «Посмотрите на закаты. Ведь это Куинджи, весна — Саврасов, оттепель, грозы — Васильев...» Можно продолжить: вешние воды, первое цветение пробужденной земли — Ромадин.

Когда я увидела его «Млечный путь»— ночное небо в теплом мерцании дальних звезд, вспомнила вдруг, как много лет назад, в году 46-м, мы одновременно оказались в Хосте, в Доме творчества. В лунную ночь, когда все вокруг затихало, он брал этюдник и отправлялся писать темный парк и черное бархатное поднебесье, светя фонариком на лист картона. Ромадин тогда один среди нас проделывал этот эксперимент, и вот теперь мы можем оценить его целеустремленность. Картина появилась через двадцать с небольшим лет, и не раз, наверное, за это время ночной небосвод не давал живописцу покоя. Дело не в технических трудностях — их для Ромадина, по-моему, уже давно не существует. Ему нужно было понять таинственную связь земли и неба, зовущую, притягивающую силу неведомых планет, чтобы ощутить себя частью всего мироздания. Теперь на картине перед нами светился и манил к себе мир неизвестный, но прекрасный, где человек должен вести себя как друг вселенной.

Пишу об этом, а на домашнем телеэкране возникает совсем близкое изображение кометы Галлея. Ученые совершили чудо, настолько приблизив нас к ней, что можно отчетливо наблюдать вытянутый прозрачный голубой шлейф и светящееся розовое облако с неровными краями. А я подумала о мудрой прозорливости художника, который показал зрителям звезды, удивительно точно воспроизведя их живописную суть.

Во всеобщей космической связи предстает природа в пейзажах позднего Ромадина. Он пишет уже не какой-то конкретный ее портрет, а рождает образ, полный философского смысла. Последняя экспозиция особенно пронзительно высветила сверкающее множеством граней его колористическое дарование.

«Подмосковная зима» и «Рябина в снегу», «Цветущий бугор», «Весна на Кавказе», июньский день «В парке Ленинграда» и дивная греза «Сон Андерсена» являют такую нежнейшую тональность, такое богатство, изящество и тонкость цветовых отношений, которые подвластны лишь истинно большому мастеру. И при этом свежесть чувства, светлое, очень молодое, гармоничное восприятие жизни.

Нынче, когда нашим взаимодействиям с природой придается большое значение, ромадинское творчество приобретает для современного человека особый смысл. Он влюбляет вас в природу, если до этого вы были глухи и равнодушны к ней, заставляет оглянуться вокруг и проникнуться красотой, которую раньше, может быть, не замечали. А увидев и полюбив, он уверен: вы будете бережно хранить ее живую, ранимую душу.

Поэтому его картины всегда будут дороги и необходимы людям.

МИРНЫЙ АТОМ

См. стр. 1.

бюджет, капитальное строительство, годовые и перспективные научные планы...

Постоянно действующим органом управления является международная дирекция, избираемая Комитетом полномочных представителей. Директор института — крупнейший советский ученый, глава целой школы физиков-теоретиков, академик Николай Николаевич Боголюбов. Вице-директора — ученые из других социалистических стран. Они избираются (так же, как и директор) на определенное время, а потом меняются. Но Н. Н. Боголюбова упорно избирают директором вот уже более двадцати лет.

Состоит Объединенный институт ядерных исследований из шести лабораторий и всевозможных вспомогательных служб. Как вы представляете себе лабораторию? Сколько в ней может быть научных сотрудников? В Дубне количество сотрудников в лабораториях может превысить тысячу человек, не меньше, чем в ином научном институте. Но называются они по традиции лабораториями.

Профессия города — познание тайн строения материи, познание того, как в конечном счете устроен мир. Труд физиков, открывающих новые частицы, обнаруживающих новые законы, овеян романтикой. Но какой это тяжелый, кропотливый труд! Десятки, сотни тысяч измерений, расчетов. Ускорители и другие приборы делаются все более мощными, сложными, открываются новые частицы, синтезируются новые элементы. Но все труднее объяснить, зачем природе такое количество частиц, какие из них неделимые, те кирпичики, из которых сложен мир? Целый город вот уже тридцать лет занимается фундаментальными физическими исследованиями. Ведь не раскрыв секрета элементарных частиц, не проникнув в тайну атомного ядра, человек не сможет понять структуру любого вида материи, овладеть новыми мощнейшими источниками энергии.

Исследования, выполненные в Дубне, вписаны в историю мировой науки, удостоены высших советских и международных премий.

XXVII съезд КПСС особенно подчеркнул важность международного научного сотрудничества, направленного на дело познания и мира. И в первую очередь — со странами социализма.

«В области экономических взаимоотношений КПСС выступает за дальнейшее углубление социалистической экономической интеграции как материальной базы сплочения стран социализма. Особое значение она придает последовательному объединению усилий братских стран на ключевых направлениях интенсификации производства и ускорения научно-технического прогресса, для совместного решения задачи исторической значимости — выхода на передовые рубежи науки и техники...» — записано в Программе КПСС, принятой XXVII съездом.

...Улицы здесь носят имена тех, кто работал в Дубне, бывал тут, чья мысль и труд вплелись в историю города: улицы Вавилова, Жолио-Кюри, Курчатова, Векслера, Блохинцева... Их нет теперь с нами, но работают в Дубне их ученики. Очень точно сказал Жолио-Кюри: «Работа, творчество, любовь — остаются».

Будни науки, полные напряженного труда и творчества, предстают на фотографиях Юрия Туманова, публикуемых в этом номере. Юрий Туманов четверть века фоторепортер в Объединенном институте ядерных исследований. Его яркие, живые, полные понимания труда ученых, любви и уважения к ним фотографии — история Дубны и ее сегодняшний день.

1.

Первый ускоритель Дубны.

2.

Академик Бруно Максимович Понтекорво, лауреат Ленинской премии, широко известен своими работами во всем мире.

3.

Владимир Иосифович Векслер еще в 1944 году открыл так называемый принцип автофазировки частиц, который позволил создавать мощные ускорители. Вместе с американским физиком Эдвином Мак-Милланом академик Векслер получил почетную международную премию «Атом для мира».

4.

Так оживленно проходит здесь Ученый совет. Герой Социалистического Труда академик Г. Н. Флеров (второй справа), лауреат Ленинской и Государственной премий, демонстрирует созданные в его лаборатории ядерные фильтры, которые найдут широкое применение в промышленности и медицине.

5.

Дважды Герой Социалистического Труда директор Объединенного института ядерных исследований академик Н. Н. Боголюбов и его ученики.

6.

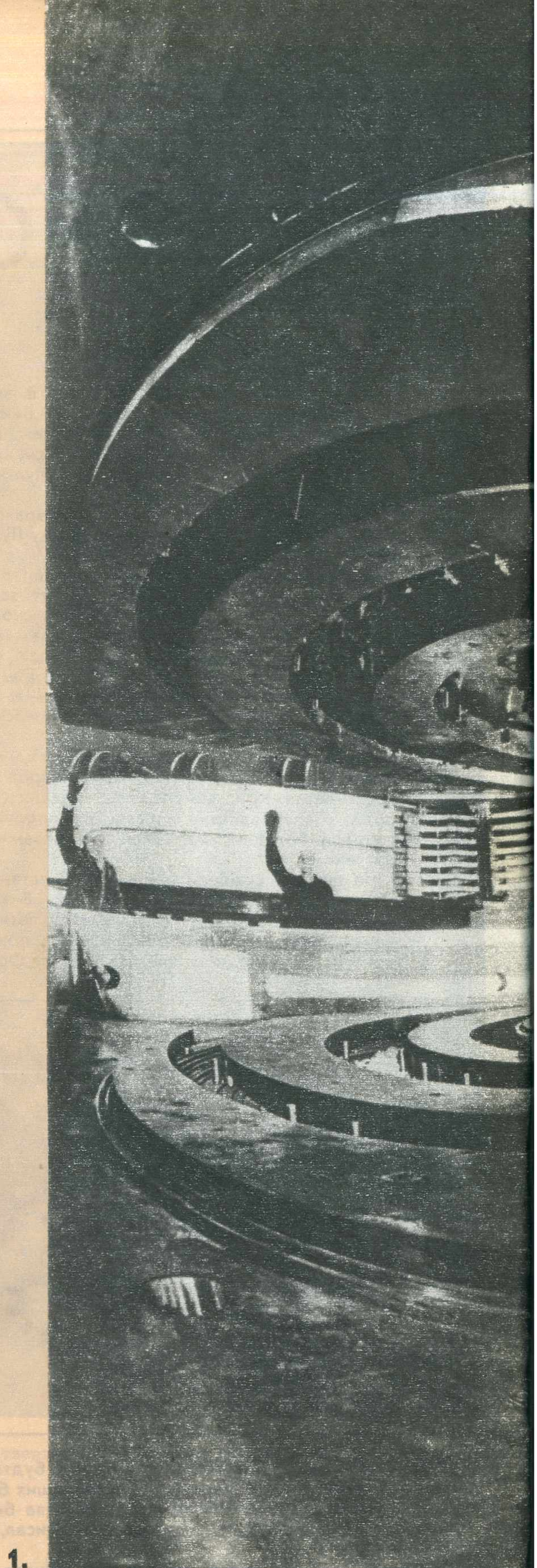
Лауреат Государственных и Нобелевской премий академик И. М. Франк принимает в Дубне известного ученого из ФРГ профессора Мёссбауэра, получившего высшую награду Академии наук СССР — Золотую медаль имени Ломоносова.

7.

Известный ученый из Чехословакии доктор химических наук Иво Звара — единственный иностранец, удостоенный за научные исследования Ленинской премии.

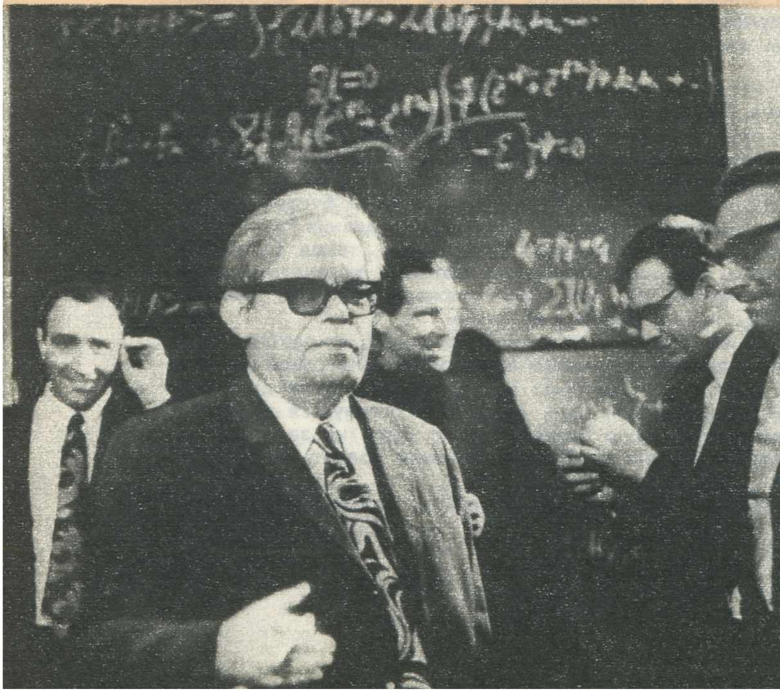
8.

Отец и сын. Нгуен Ван Хиеу стал теперь известным ученым, академиком, директором Физико-технического института во Вьетнаме. Выбрал профессию исследователя и его сын Миша, выросший в Дубне.

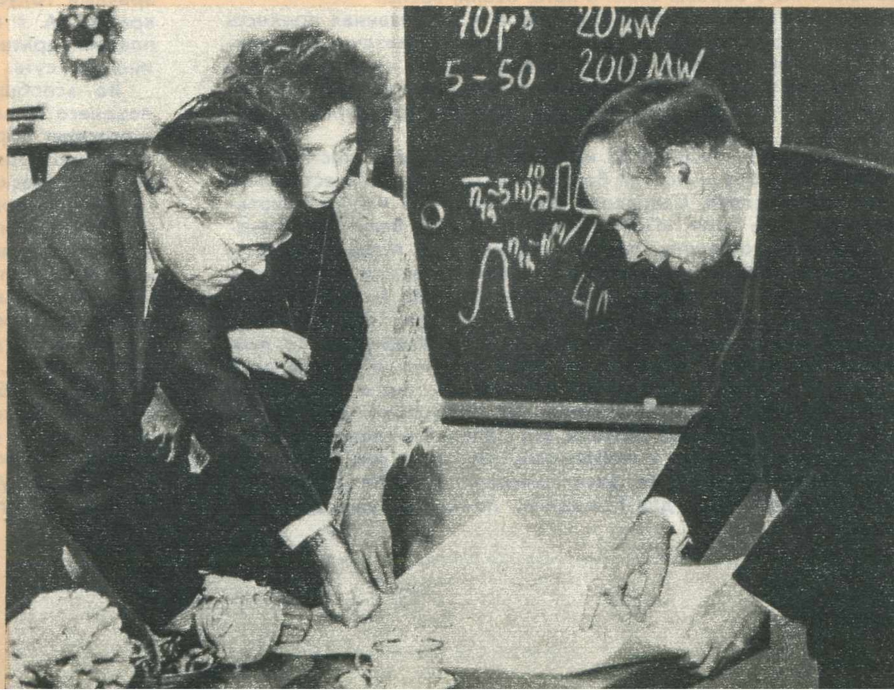


1.

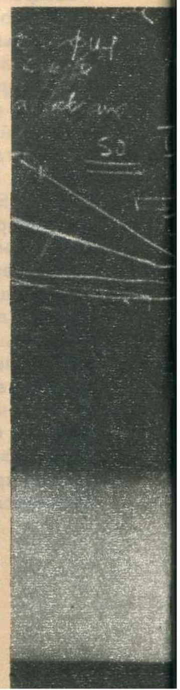
5.

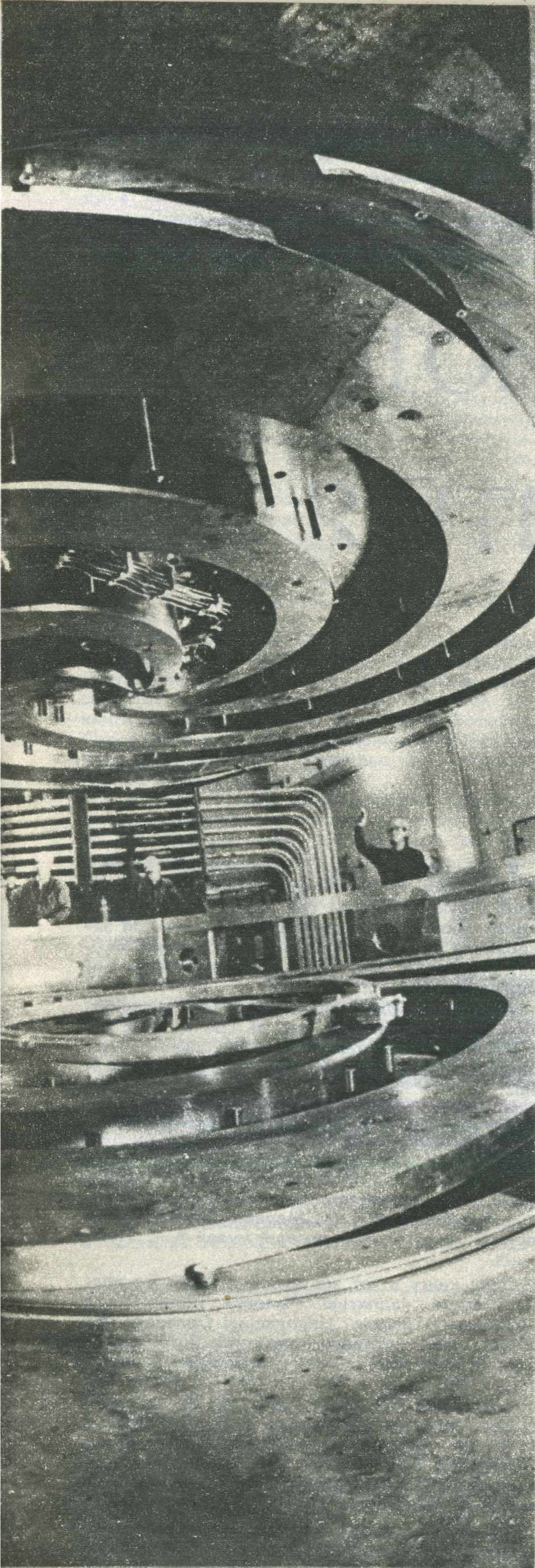


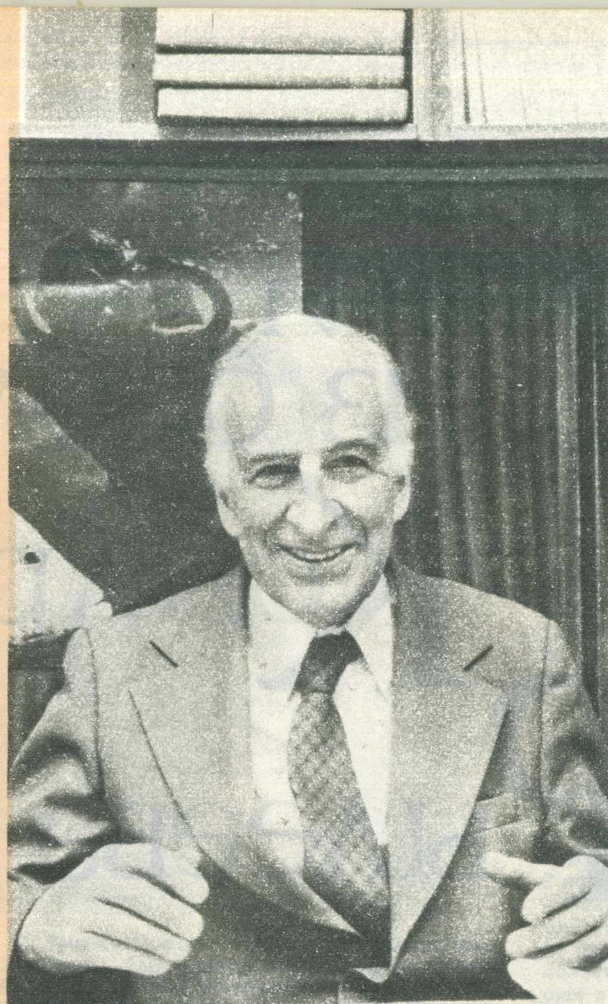
6.



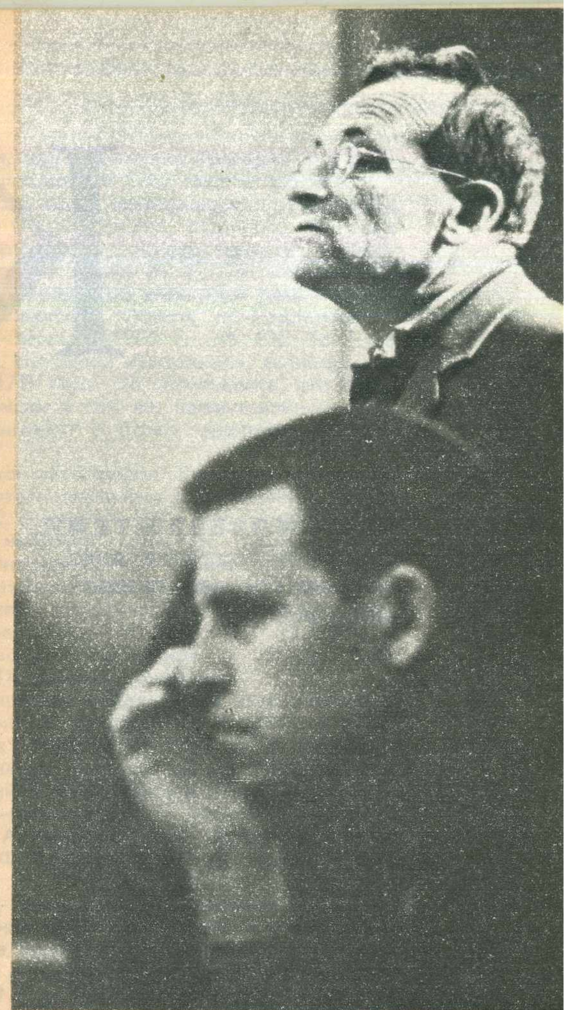
7.







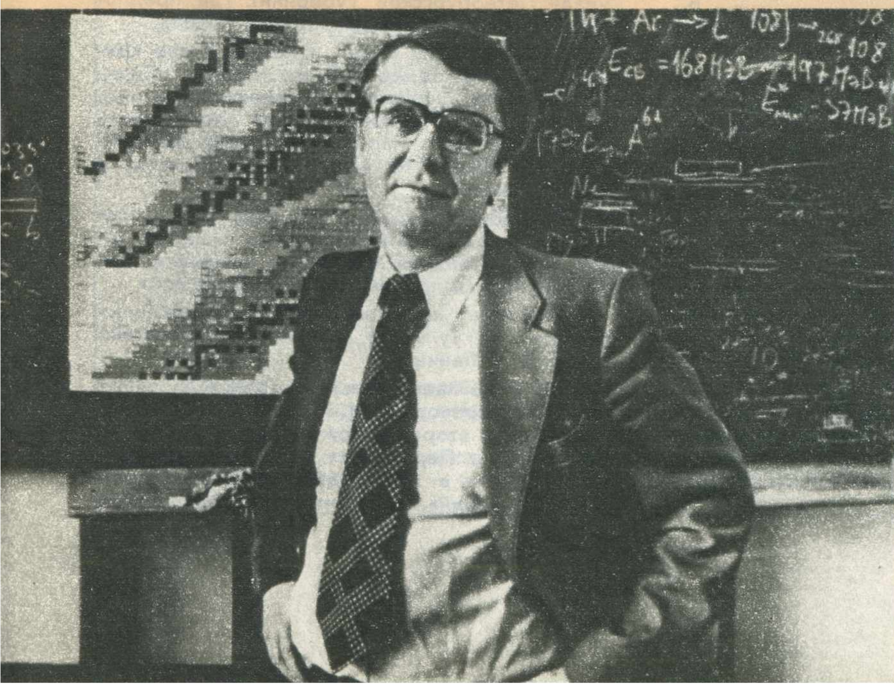
2.

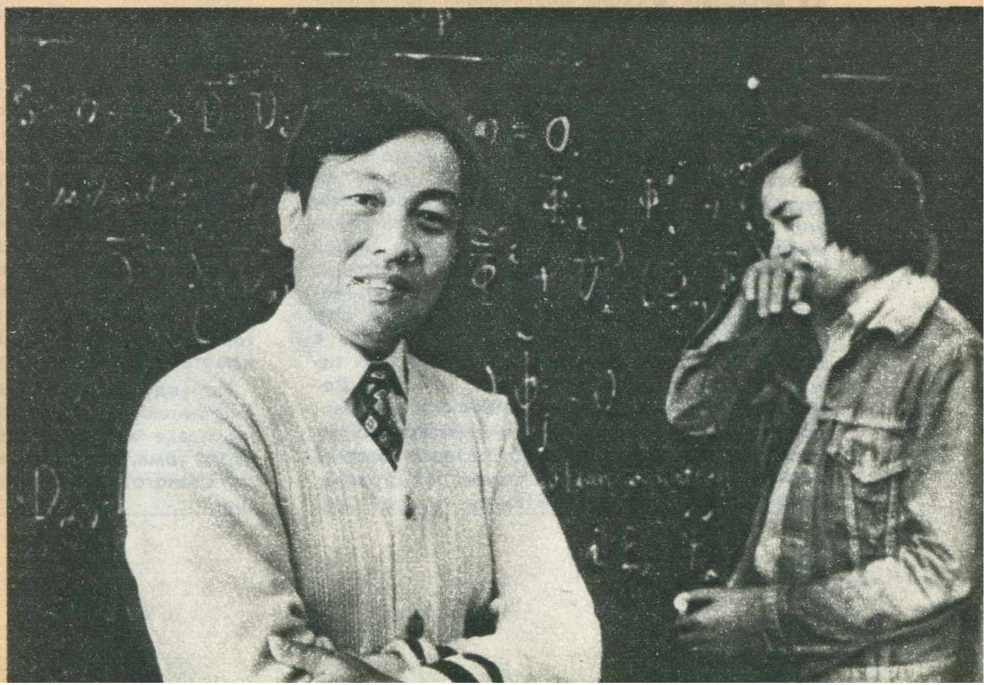


3.

4.

8.





Книги из библиотеки Кондратия Рылеева

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведения,
лауреат Государственной
премии СССР

I

Пушкинская эпоха вызвала к жизни немало превосходных поэтов. Один из них Кондратий Федорович Рылеев.

Он считал себя учеником великого поэта. Вот что Рылеев писал Пушкину 10 марта 1825 года: «Ты завсегда останешься моим учителем в языке стихотворном». А за два месяца до этого Рылеев в письме к поэту В. И. Туманскому сказал такие слова: «Посмотри, как шагает Пушкин! Мы пигмеи перед ним». Наконец, для того чтобы в полной мере было ясно то чувство преклонения, с коим относился к своему учителю Рылеев, приведем его письмо, отправленное в январе того же 1825 года: «Рылеев обнимает Пушкина и поздравляет с Цыганами. Они совершенно оправдали наше мнение о твоем таланте. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно Русские сердца. Я пишу к тебе: ты, потому что холодное вы не ложится под перо; надеюсь, что имею на ето право и по душе и по мыслям. Пущин познакомит нас короче. Прощай, будь здоров и не ленись: ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит ету землю без Поэмы».

О самом К. Ф. Рылееве лучше всех сказал Н. П. Огарев во вступлении к изданию «Думы К. Рылеева», выпущенному А. И. Герценом в 1860 году в Лондоне: «Рылеев был поэтом общественной жизни своего времени. Хотя он и сказал о себе: «Я не поэт, а гражданин», но нельзя не признать в нем столько же поэта, как и гражданина. Страстно бросившись на политическое поприще, с незапятнанной чистотой сердца, мысли и деятельности, он стремился высказать в своих поэтических произведениях чувство правды, права, чести, свободы, любви к родине и народу, святой ненависти ко всякому насилию».

Свыше трети века назад я и И. В. Сергиевский решили заняться созданием томов «Литературного наследства», посвященных публикации неизданных материалов о писательской деятельности декабристов. С этой целью мы совместно с «архивными юношами и девушками» обследовали фонды свыше сорока рукописных хранилищ, библиотек и музеев нашей страны. Результаты оказались не только весьма плодотворными, но и совершенно неожиданными по своей значительности. Это можно заключить, ознакомившись хотя бы с одним из разделов нашего первого из этих томов («Литературное наследство», том 59-й. Декабристы-литераторы. I. М., 1954 г.), озаглавленным «Из неизданного литературного наследия К. Ф. Рылеева». В этот раздел, который занимает в первом из тех томов 340 страниц, входят такие подборки — «Новые тексты», «Из неизданной переписки», «Бумаги и документы», «Рылеев на следствии», «Воспоминания о Рылееве» и «Сообщения».

В последней из этих подборок напечатано сообщение А. Г. Цейтлина «О библиотеке Рылеева». С предельной тщательностью, свойственной этому превосходному исследователю, здесь рассказано о ее горестной судьбе. Библиотека была, в частности, примечательна тем, что на каждом издании, которое поэт-декабрист в нее включал, он неизменно делал надпись: «Из книг К. Рылеева». Совместными усилиями нам удалось тогда отыскать в различных местах хранения всего лишь двенадцать таких изданий.

Книги с дарственными надписями выдающихся писателей, а также книги с их владельческими надписями или с собственноручными пометами обладают какой-то удивительной притягательностью. Ведь эти книги держали в своих руках Державин и Жуковский, Пушкин и Рылеев, Белинский и Добролюбов, Шевченко и Герцен, Достоевский и Щедрин, Тургенев и Некрасов, Лесков и Гончаров, Лев Толстой и Чехов, Блок и Маяковский, Горький и Бунин. Вот почему такие книги вызывают трепетное отношение к себе.

Вот почему на протяжении дальнейших лет я продолжил поиски книг из библиотеки Рылеева, и они ознаменовались интересными результатами.

Но прежде всего несколько слов о Рылееве как страстном книголюбе. Еще смолоду он не только читал, но и собирал книги. В письме к отцу из кадетского корпуса пятнадцатилетний Рылеев просил: «Любезный батюшка, сделайте милость, не позабудьте мне прислать денег также и на книги, потому что я весьма великий охотник до книг». За свою короткую жизнь Рылеев собрал обширную библиотеку по широкой тематике.

Упоминает о судьбе своей библиотеки Рылеев в письме к жене, отправленном из Петербурга 14 декабря 1824 года: «Ты, я думаю, уже слышала о бывшем здесь наводнении и об ужасах, которые оно произвело... попортилось только мое бюро, письменный стол, твой рабочий столик, половина моей библиотеки и еще кое-что». Наконец, в письме к жене из Петропавловской крепости Рылеев 21 января 1826 года просит: «...пришли мне пожалуйста все 11 томов Карамзина Истории; но не те, которые испорчены наводнением, а лучшие; они кажется стоят в большом шкапу».

Приведу весьма краткий перечень книг из библиотеки Рылеева, которые были обнаружены после выхода нашего первого декабристского тома. А затем подробно остановлюсь на двух такого рода книгах, оказавшихся во Франции.

В недавние годы Всесоюзный музей А. С. Пушкина в Ленинграде получил побывавшие в руках Рылеева три книги. Одна из них сразу заняла почетное место в постоянной экспозиции музея. Это «Руслан и Людмила», первая увидевшая свет книга Пушкина. На ее обложке напечатано:

«Руслан и Людмила». Поэма в шести песнях. Соч. А. Пушкина. Спб., тип. Н. Греча, 1820.

Гравированные картинки с несколькими сценами из поэмы. Рис. И. Иванов. Грав. М. Иванов.

На белом листе, перед шмуцтитулом, автограф будущего декабриста: *«Из книг К. Рылеева»*.

В 1947 году эта книга оказалась в ленинградской Лавке писателей, где ее приобрел известный библиофил С. Л. Марков. Его вдова передала книгу во Всесоюзный музей А. С. Пушкина.

Одну книгу в тот же музей с такой же владельческой надписью Рылеева подарил его праправнук Николай Николаевич Органов. Это третий том второго девятитомного издания «Сочинений» Н. М. Карамзина, вышедший в 1814 году в Москве. Другая книга, переданная Н. Н. Органовым в тот же музей,— это выпущенная в 1816 году в Москве вторым изданием седьмая часть романа Мадлен Жанлис «Матери соперницы, или Клевета»; на издании рукой Рылеева обращенная к жене надпись: *«Н. Рылеевой»*.

Третью часть того же издания с такой же надписью своего прапрадеда Н. Н. Органов подарил Историко-краеведческому музею в селе Рождествено Гатчинского района Ленинградской области (бывшее Батово Софийского уезда Петербургской губернии), где предположительно в 1795 году родился Рылеев.

В Историческом музее в Казани ныне хранится один из томов второго издания «Сочинений» Н. М. Карамзина с владельческой надписью Рылеева, первоначально подаренный Н. Н. Органовым Народному музею декабристов при школе № 6 имени Декабристов в той же Казани.

Как сообщил мне Н. Н. Органов, в его владении находятся четвертая, пятая и шестая части романа Мадлен Жанлис, на каждой из которых надписи прапрадеда — *«Н. Рылеевой»*.

Тринадцать книг того же происхождения оказались в Тульской областной библиотеке имени В. И. Ленина.

В их числе пьеса Вольтера «Танкред», выпущенная в переводе Н. И. Гнедича в 1816 году в Петербурге, вторая и третья части «Собрания Сочинений и Переводов» И. Ф. Богдановича, напечатанные в 1818 году в Москве, второй том «Сочинений» Якова Княжнина, выпущенный

в 1817 году в Петербурге, вторая часть издания «Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим», напечатанная в 1810 году в Москве, переведенная с французского книга «Сокращенное описание жизни Петра великого, императора всея Руси», изданная в 1771 году в Петербурге, а вместе с этой книгой переплетен сборник «Сатиры Александра Сумарокова», выпущенный в 1774 году в Петербурге (Рылеев отзывался о Сумарокове с глубоким уважением), а также первая, третья, четвертая и пятая части «Сочинений» Г. Р. Державина, вышедших в Петербурге в 1808 году (отмечу, что одним из наиболее любимых русских поэтов молодого Рылеева был Державин). О всех тринадцати книгах говорится в следующих изданиях: О. Е. Глаголева, И. Ф. Мартынов. Книги из библиотеки К. Ф. Рылеева в Туле. (К вопросу о реконструкции круга чтения поэта-декабриста). — «Книжное дело в России в XVI—XIX веках». Сборник научных трудов. Л., 1980 г., Борис Тебиев. Встречи и находки. Из записок книжника. М., 1984 г., В. В. Афанасьев. Рылеев. Жизнеописание. М., 1984 г.

В замечательной библиотеке И. Н. Розанова, подаренной его вдовой К. А. Марцишевской Государственному музею А. С. Пушкина в Москве (на Кропоткинской улице), имеются три книги с владельческими надписями Рылеева. Сведения о них даны в издании «Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова. Библиографическое описание». М., 1975 г.

В тот же музей Н. В. Урбелян подарила шесть книг с владельческими надписями Рылеева. Одна из них — это первая часть «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в прозе», изданная петербургским Обществом любителей отечественной словесности (напечатана в 1815 году в Медицинской типографии). А остальные пять книг входили в состав девятитомного собрания «Сочинений» Н. М. Карамзина, выпущенного «вторым изданием, исправленным и умноженным», в Москве в 1814 году.

Это с владельческими надписями тома первый, четвертый, пятый, седьмой и восьмой. И случилось так, как я сообщил выше, что третий том того же издания с владельческой надписью Рылеева поступил во Всесоюзный музей А. С. Пушкина в Ленинграде, а еще один том этого издания с таким же автографом Рылеева находится в Исторической библиотеке в Казани!

Кроме тех трех книг с владельческими надписями Рылеева, которые издавна находились в Государственной библиотеке СССР имени

К. Ф. Рылеев. Портрет неизвестного художника. 1820-е годы. Был найден после смерти поэта-декабриста в книге из его библиотеки.

Институт русской литературы АН СССР.

В. И. Ленина и нашли в свое время отражение в декабристских томах «Литературного наследства», в дальнейшем в ту главную библиотеку нашей страны поступила книга Н. А. Цертелева «Опыт собрания старинных малороссийских песней», отпечатанная в 1819 году в петербургской типографии Карла Крайя. А в недавние годы Ленинская библиотека приобрела книжное собрание ленинградского букиниста А. П. Гранкова, где, в частности, оказались две книги из библиотеки Рылеева с его владельческими надписями: одна из них — второе издание первой части «Сочинений» В. П. Петрова, вышедшее в 1811 году в Петербурге, а другая книга — трагедия М. Х<ераскова> «Идолопоклонники, или Горислава. Трагедия в 5 действиях», вышедшая в 1782 году в Москве.

Всего лишь одно остававшееся неведомым издание с владельческой надписью Рылеева было обнаружено в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (об этом идет речь в сообщении Н. Левкович «Книга, принадлежавшая Рылееву».— «Нева», 1964 г., № 12). То была книга Н. П. Николева «Творения», вышедшая в Москве в 1795 году. Не сомневаюсь, что дальнейшие поиски в той же замечательной библиотеке приведут к более значительным результатам.

Несколько автографов Рылеева и книг из его библиотеки оказались в Воронеже в Доме-музее И. С. Никитина. Но в печати конкретные сведения имеются лишь об одной из этих книг. Это четвертый том сочинений В. А. Жуковского, изданный в Петербурге в 1818 году; сюда вошли прозаические произведения и критические статьи: «О критике», «О басне и баснях Крылова», «О сатире и сатирах Кантемира», «Писатель в обществе».

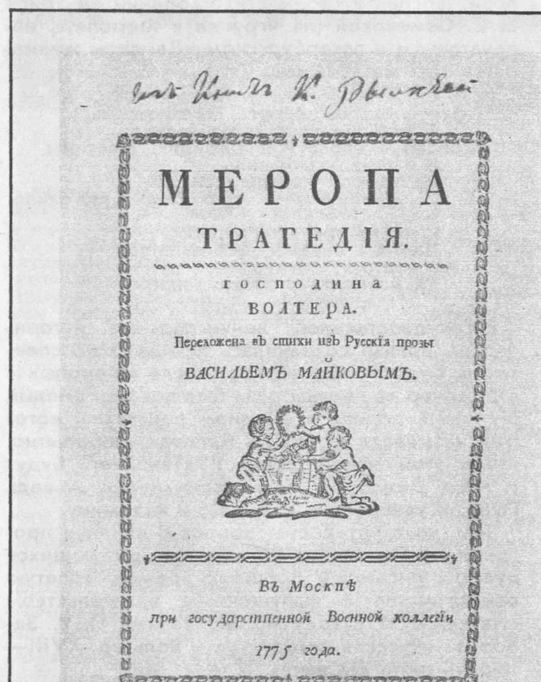
Весьма краткие сведения об этих реликвиях даны в книге Б. Удодова «К. Ф. Рылеев в Воронежском крае», а также в двух заметках: А. Колесникова. Интересный экспонат (из книг и сочинений К. Ф. Рылеева в Доме музее И. С. Никитина).— «Коммунар», Воронеж, 1963 г., 16 марта; А. Гайворонский. Хранитель автографов К. Ф. Рылеева. (В той же газете, 1975 г., 2 ноября.)

Наконец, какими-то загадочными судьбами одно издание, некогда входившее в библиотеку Рылеева, оказалось в Южно-Казахстанском областном историческом архиве. Это вышедшая в 1789 году в Петербурге книга «Добрый помещик или друг земледельцев — сочинение, в котором предлагаются способы, как лучшим образом обрабатывать и удобрять землю, засевать всякого рода хлеб и прочия, как полевыя, так и огородныя растения; ходить за оными и собирать, также как разводить и содержать всякой скот». (См. заметку Н. Зинина «Ценная книга», напечатанную в газете «Правда Южного Казахстана», Чимкент, 1941 г., 28 мая.)

Все перечисленное оставалось нам неведомым, когда мы готовили декабристские тома «Литературного наследства».

II

Можно назвать десятки выдающихся русских писателей XIX и начала XX века, чьи книги с дарственными надписями, а также книги из



МЕРОПА

ТРАГЕДІЯ.

ГОСПОДИНА ВОЛТЕРА.

Переложена въ стихи изъ Русскія прозы ВАСИЛЬЕМЪ МАЙКОВЫМЪ.

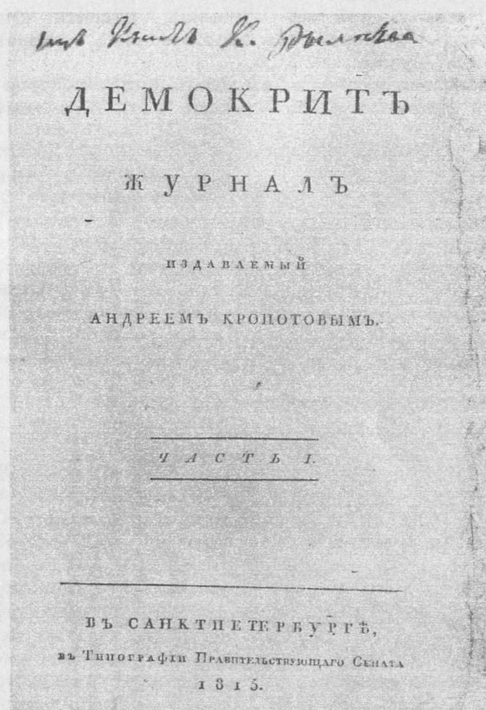
Въ Москвѣ при государственной Военной коллегіи 1775 года.

Русский перевод трагедии Вольтера «Меропа», изданный в Москве в 1775 году.

Экземпляр с владельческой надписью Кондратия Рылеева.

Первый номер петербургского журнала «Демокрит» за 1815 год.

Экземпляр с владельческой надписью Кондратия Рылеева.



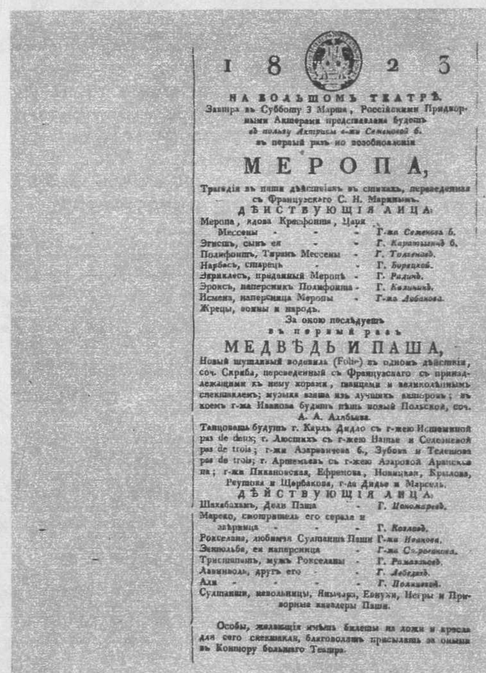
ДЕМОКРИТЪ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ АНДРЕЕМЪ КРОПОТОВЫМЪ.

ЧАСТЬ I.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, въ Типографіи Правительствующаго Сената 1815.



1823

НА БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

Завтра въ Субботу 3 Марта, Россійскими Придворными Актерами представлена будетъ въ пользу Актрисы г-жи Семеновой б. въ первый разъ по возобновленіи

МЕРОПА,

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ, переведенная съ Французскаго С. Н. Маринымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Меропа, вдова Кресфонта, Царя Мессены	Г-жа Семенова б.
Эгистъ, сынъ ея	Г. Каратыгинъ б.
Полифонтъ, Тиранъ Мессены	Г. Толченовъ.
Нарбасъ, старецъ	Г. Борецкой.
Эврiклесъ, преданный Меропѣ	Г. Радинъ.
Эроксъ, наперсникъ Полифонта	Г. Калининъ.
Исмена, наперсница Меропы	Г-жа Лобанова.

Жрецы, воины и народъ.

За оною послѣдуетъ въ первый разъ

МЕДВѢДЬ И ПАША,

Новый шутливый водевиль (Folie) въ одномъ дѣйствіи, соч. Скриба, переведенный съ Французскаго съ принадлежащими къ нему хорами, танцами и великолѣпнымъ спектаклемъ; музыка взята изъ лучшихъ авторовъ; въ коемъ г-жа Иванова будетъ пѣть новый Польской, соч. А. А. Алябьева.

Танцовать будутъ г. Карлъ Дидло съ г-жею Истоминой pas de deux; г. Люстихъ съ г-жею Натье и Селезневой pas de trois; г-жи Азаревичева б., Зубова и Телешова pas de trois; г. Артемьевъ съ г-жею Азаровой Аранскиа на; г-жи Пикановская, Ефремова, Новицкая, Крылова, Реутова и Щербакова, г-да Дидье и Марсель.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Шахабахамъ, Дели Паша	Г. Пономаревъ.
Марко, смотритель его сераля и звѣринца	Г. Козловъ.
Рокселана, любимая Султанша Паши	Г-жа Иванова.
Зенюльба, ея наперсница	Г-жа Сосновская.
Трисмипатъ, мужъ Рокселаны	Г. Рамазановъ.
Лавиньоль, другъ его	Г. Лебедевъ.
Али	Г. Полякевой.

Султанши, невольницы, Янычары, Евнухи, Негры и Придворные кавалеры Паши.

Особы, желающія имѣть билеты на ложи и кресла для сего спектакля, благоволятъ присылать за оными въ Контору большаго Театра.

Афиша спектакля «Меропа» в петербургском Большом театре.

Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде.

их библиотек оказались за рубежом. Много таких весьма примечательных изданий находилось в недавние годы да еще и сейчас находится во Франции. Некоторые из них в результате трех моих поездок во Францию мне удалось отыскать, получить и отправить на родину.

Но еще до моих поездок во Францию для выявления реликвий русской культуры подобного рода уникальные книги я получал из Парижа. И прежде всего от профессора Андре Мазона, академика Французской академии, иностранного члена Академии наук СССР, на протяжении долгих десятилетий руководителя французских славистов и директора Национального института славяноведения в Париже.

Мое знакомство с Андреем Альбиновичем, как Мазон просил себя называть, состоялось в 1923 году в Ленинграде, в доме известного пушкиниста и историка русского революционного движения П. Е. Щеголева. Вскоре благодаря помощи Мазона я получил фотографии писем Достоевского к Тургеневу, автографы которых находились в Отделе рукописей парижской Национальной библиотеки. С моим вступлением и комментариями эти письма напечатаны в вышедшем в 1925 году под редакцией А. С. Долинина втором сборнике «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы». Затем эти письма вошли в мою книгу «История одной вражды. Переписка Достоевского и Тургенева», выпущенную в 1928 году издательством «Academia».

Был, конечно, рад, что эту работу Андре Мазон одобрил в своем обзоре литературоведческих изданий (приводим в переводе с французского): «И. С. Зильберштейн, опубликовавший в свое время интересную работу о переписке Тургенева с Достоевским (Переписка Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева. Л., 1928) и заслуги которого в качестве основателя и редактора «Литературного наследства» достаточно известны, показывает нам тесную связь между писателями и художниками в своей работе, касающейся отношений Тургенева с Репиным (Репин и Тургенев. М.—Л., 1945). Тот же автор отражает историю Горького с Репиным в небольшом томе, богатом материалами и репродукциями. Репин и Горький. М.—Л., 1944» («Revue des études slaves». Том 22, Париж, 1946, стр. 252).

Андре Мазон, который в качестве исследователя и публикатора принимал деятельное участие в некоторых томах «Литературного наследства», высоко ценил это издание. Вот что он писал о «Литературном наследстве» (привожу в переводе с французского): «Ничего нет подобного, что в области истории литературы, вот уже скоро двадцать лет, оказывало бы больше чести русской науке».

Вплоть до кончины Андре Мазона (умер он 13 июля 1967 года) я отправлял по его адресу для руководимого им Национального института славяноведения новые тома «Литературного наследства», а также другие научно-исследовательские издания, выходившие тогда у нас. А во время своих неоднократных приездов в Москву Андрей Альбинович неизменно привозил мне особого свойства книжные раритеты. Одним из таких его подарков была книга, на титульной странице которой напечатано: «Меропа. Трагедия господина Волтера. Переложена в стихи из Русския прозы Васильем Майковым. В Москве при Государственной Военной коллегии 1775 года». Над этим текстом владельческая надпись: «Из книг К. Рылеева». Под одним переплетом с этим изданием «Меропы» оказалась такая книжечка: «Торжествующий Парнас, Пролог По выздоровлении от прививки оспы Ея Императорского Величества и Его Императорского Высочества. Сочинение В. М. В Москве 1775 года. Печатано вторым тиснением». Этот «Торжествующий Парнас» является сочинением того же Василия Майкова.

Перевод произведения Вольтера не случаен в библиотеке будущего декабриста. Для людей прогрессивных взглядов в те времена это имя было одним из самых близких. В статьях и стихотворениях Рылеева неоднократно упоминается Вольтер. А в статье «Несколько мыслей о поэзии» Рылеев назвал «Меропу» в числе «превосходных» произведений мировой литературы. Это создание Вольтера современники да и передовые русские люди начала прошлого века считали жемчужиной его драматургии.

А что касается декабристов, то в их показаниях на допросах Следственного Комитета имя Вольтера упоминается неоднократно как имя одного из писателей, которые оказали прогрессивное влияние на их мировоззрение. Вот что, в частности, сказал декабрист М. П. Бестужев-Рюмин на допросах в том Комитете: «Первые либеральные мысли почерпнул в трагедиях Вольтера... Между тем везде слыхал стихи Пушкина, с восторгом читанные. Это все более и более укрепляло во мне либеральные мнения». Напомню, что Бестужев-Рюмин вместе с четырьмя другими руководителями восстания, в том числе Рылеевым, был казнен. Декабрист П. И. Борисов переводил Вольтера. А тот же Борисов и Ю. К. Люблинский знакомили своих товарищей с сочинениями Вольтера и философов-материалистов. В своих ответах на вопросы Комитета декабрист Н. А. Крюков писал: «Долгом поставляю присовокупить, что я не мог вспомнить всех авторов, способствовавших к укоренению во мне Вольнодумческих и Либеральных мыслей. Сей час например пришли мне на память Вольтер и Галль» (речь идет о немецком прогрессивном деятеле, изучавшем проблемы бедности и создававшем планы по устранению «всякой нужды»).

Перевод вольтеровской «Меропы», обретавшийся в библиотеке Рылеева,— еще один штрих его восторженного отношения к великому французскому писателю-философу.

Другая книга с собственноручной надписью Рылеева, оказавшаяся во Франции (она была мною приобретена в одном из антикварных магазинов Парижа), носит на титульном листе название: «Демокрит. Журнал, издаваемый Андреем Кропотовым. Часть I. В Санкт-Петербурге, в Типографии Правительствующего Сената. 1815».

Наверху той же страницы надпись: «Из книг К. Рылеева». На обложке внизу справа той же рукою: «№ 313».

Издавал журнал «Демокрит» Андрей Фролович Кропотов (1780 — около 1821). Его перу принадлежат несколько книг, в том числе: сборник рассказов «Ландшафт моих воображений», вышедших под псевдонимом А. К. Котлин в Петербурге в 1803 году, «Дух россиянки. Истинное русское происшествие», выпущенное там же в 1809 году, книга «Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, почерпнутая из достоверных российских и иностранных источников», напечатанная в Петербурге в 1816 году. В том же году Кропотов выпустил серию книжек под общим заглавием «Пантеон славных российских мужей».

Журнал «Демокрит» был весьма недолговечен. Он существовал всего лишь шесть месяцев в 1815 году, в течение которых вышли в свет шесть небольших книжек. Кропотов заполнял его в основном собственными сочинениями — стихами, баснями, эпиграммами, рассказами, статьями, рецензиями. В первой книжке напечатана, в частности, рецензия на постановку пьесы Вольтера «Танкред», показанную в Петербурге 6 января 1815 года. Быть может, именно это и заинтересовало Рылеева в той книжке «Демокрита».

Таковы те два издания, которые входили в состав библиотеки поэта-декабриста, но впоследствии оказались во Франции.

Что касается Пушкина, то еще в Лицее в декабре 1815 года он читал книгу Кондорсе «Жизнь Вольтера». В 1814 году Пушкин написал стихотворение «Лаиса Венере... (Из Вольтера)», в 1817-м — «Стансы. (Из Вольтера)», а в 1825-м—«Я не рожден святыню славословить... (Начало первой песни «Девственницы». Из Вольтера)». В 1820 году в Гурзуфе Пушкин перечитывал сочинения Вольтера, которые нашлись в «старинной библиотеке»,— об этом он сообщал в письмах к брату и Дельвигу. А число имеющихся в тетрадях Пушкина его рисунков, изображающих Вольтера, доходит до десяти. Находясь в Одессе, Пушкин, делясь с П. А. Вяземским своими мыслями о французских и английских историках, писал 5 июля 1824 года: «Вольтер первый... внес светильник Философии в темные Архивы Истории». Когда же в 1832 году Пушкин решил ознакомиться с библиотекой Вольтера, хранящейся в петербургской Публичной библиотеке, понадобилось «высочайшее разрешение» Николая I.

Известно, что 2 ноября 1817 года Пушкин был на представлении «Меропы» Вольтера в переводе С. Н. Марина, где заглавную роль играла знаменитая трагическая актриса Е. С. Семенова. В этом же переводе постановка «Меропы» была возобновлена 3 марта 1823 года в том же петербургском Большом театре для бенефиса Семеновой. Это ее выступление некий пиит Головин воспел в своем стихотворении «Актрисе Е. С. Семеновой (на игру ее в Меропе)», напечатанном в петербургском «Дамском журнале» в том же 1823 году (ч. I, кн. 6, с. 238):

Тебе, любимая подруга Мельпомены,
  Я меньше всех рукоплескал:
Страдая с горестной Царицею Мессены,
  Я о тебе позабывал.
Что не Меропа ты, мне в мысль
                не приходило;

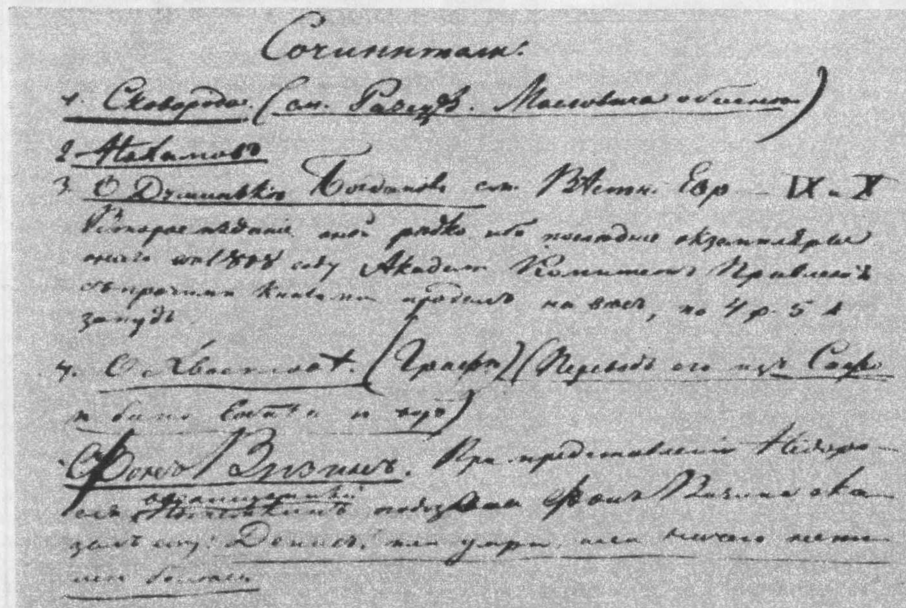
  И часто, трогаясь судьбой
  Царицы страждущей и милой,
  Готов был мстительной рукой
  Ей возвратить души покой.

В Государственном ленинградском историческом архиве сохранилась афиша этого спектакля. Судя по той афише, после «Меропы» в этот вечер «в первый раз» был показан «Новый шутливый водевиль в одном действии», который назывался «Медведь и паша». Любопытно, что в этой афише сказано: «Танцевать будут г. Карл Дидло с г-жею Истоминой». А ведь Пушкин увековечил и Дидло, и Истомину.

Тем, кого интересует вопрос о влиянии прогрессивных взглядов Вольтера на выдающихся русских писателей прошлых времен, советую ознакомиться с выпущенным издательством «Наука» в 1978 году исследованием П. Р. Заборова «Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века».

В настоящее время книг с владельческими надписями К. Ф. Рылеева уже известно около пятидесяти.

Убежден, что этим не исчерпывается то, что уцелело от библиотеки прославленного писателя-декабриста. Вот почему обращаюсь к читателям с просьбой: если вам известно, где еще хранятся книги из библиотеки К. Ф. Рылеева, сообщите, пожалуйста, об этом в журнал «Огонек».



Черновые записи К. Рылеева для подготовлявшегося им «Исторического словаря русских писателей» 1818—1819 гг. Институт русской литературы АН СССР.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

БРАКОДЕЛЫ НАКАЗАНЫ

«Минстанкопром: первые шаги перестройки» — так называлась статья Галины Куликовской, опубликованная в «Огоньке» (№ 34, 1985 год). В ней говорилось о задачах, стоящих перед этой, одной из ключевых отраслей индустрии, которая создает основу для ускорения научно-технического прогресса страны. В статье были приведены факты, о которых шла речь на расширенном заседании коллегии, а затем партийного собрания Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности, свидетельствующие о низком нередко качестве оборудования и инструментов, выпускаемых рядом предприятий.

В своем письме в редакцию первый заместитель министра Н. А. Паничев подтвердил, что в статье «справедливо отмечен ряд недостатков в работе аппарата министерства, партийной организации, отдельных предприятий, верно указано на необходимость концентрации сил на важнейших направлениях перестройки производства и управления.

В утвержденных Минстанкопромом мероприятиях по улучшению работы отрасли учтены критические замечания, содержащиеся в статье. Партийным комитетом министерства также утверждены мероприятия по устранению выявленных недостатков и реализации предложений коммунистов, высказанных на партийном собрании...»

Но в письме ничего не сказано о каких-либо конкретно принятых мерах. За разъяснениями редакция была вынуждена обратиться в министерство. Как известно, в 1984 году Госстандарт приостанавливал 112 заводам выпуск продукции. Что предпринято для предотвращения подобных явлений?

В ответе, подписанном членом коллегии Минстанкопрома В. Н. Покасюком, говорится:

«Состояние качества продукции на отдельных заводах систематически рассматривается на проводимых руководством министерства и ВПО совещаниях «День качества». По результатам принимаются оперативные решения, отдельные руководители привлекаются к дисциплинарной ответственности. Так, за последнее время за необеспечение стабильности качества выпускаемой продукции были наказаны руководители Тбилисского станкостроительного производственного объединения, егорьевского станкозавода «Комсомолец», Кироваканского завода прецизионных станков... Заводы, по которым имелись запрещения выпуска продукции, не представляются на классные места при подведении итогов социалистического соревнования».

Вместе с тем в письме отмечается, что «по предприятиям отдельных ВПО сократился удельный вес зарекламированной продукции, в частности, по ВПО «Союзточстанкопром», «Союзкузмаш», «Союзстанкоремналадка», «Союзмашнормаль».

Читателей нашего журнала интересовало, понесли ли наказание бракоделы Пинского завода литейного оборудования, поставившие негодную линию московскому заводу «Станколит». Понесли! Начальнику ОТК Пинского ПО тов. Артюхину за неудовлетворительную работу по контролю качества выпускаемого оборудования и главному инженеру СКБ ПО тов. Карпуку за грубые ошибки и недоработки в технической документации линии объявлен выговор, генеральному директору ПО тов. Самбурову поставлено на вид.

Какова же судьба самих линий? «Отправили их назад, в Пинск,— рассказал нашему корреспонденту секретарь парткома «Станколита» тов. Климов.— Работаем пока на старых, краснопресненских, еще тянут, но во втором квартале текущего года должны получить новые линии, изготовленные, как мы того и добивались, московским заводом «Красная Пресня».

Что же касается ВПО «Союзгидравлика», в адрес которого было высказано немало нареканий, о чем писал «Огонек», то тут положение такое. «В целях повышения качества гидропневмосмазочного оборудования,— говорится в письме из министерства,— разработан ряд организационно-технических мероприятий, в том числе:

— предусмотрено техническое перевооружение большинства предприятий;

— разрабатываются на 1986—1990 годы целевые комплексные программы по повышению технического уровня, качества и стандартизации гидропневмосмазочного оборудования.

Коллегия министерства в октябре прошлого года специально рассмотрела вопрос о недостатках в аттестации продукции на государственный Знак качества. Планируется в 1986 году довести долю такой продукции до 53 процентов, в 1984 году было 47 процентов».

Однако тов. Покасюк вынужден признать, что «к сожалению, количество фактов запрещения выпуска продукции в целом по отрасли не сократилось». Тем самым подтверждается, что действенность принятых мер была малоэффективной.

Центральный Комитет КПСС принял в декабре 1985 года специальное постановление «О работе партийного комитета Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности по усилению ответственности коммунистов аппарата министерства за повышение технического уровня, качества выпускаемой продукции в свете требований апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС». Сейчас Минстанкопром разрабатывает отраслевую комплексную программу «Качество». В ближайшее время она будет рассмотрена и утверждена на коллегии. Партком министерства в свете постановления ЦК КПСС установил контроль за работой аппарата отрасли, направленной на повышение качества выпускаемого оборудования и инструмента.

НИ ОДНОЙ ЖАЛОБЫ БЕЗ ОТВЕТА

ПИСЬМО НЕ НАПЕЧАТАНО. МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Житель Тбилиси В. Флоринский жаловался на частое отсутствие в доме холодной и горячей воды. Его письмо было рассмотрено на заседании Тбилисского коммунального объединения горисполкома. Причина перебоев в водоснабжении выявлена и устранена.

●

Е. Бокарева из г. Раменского Московской области в своем письме высказала обеспокоенность судьбой дома, завещанного городу генерал-майором И. А. Барсуковым. После его смерти здание передали детскому дому и на нем была установлена мемориальная доска. Позже здание переоборудовали под детский сад. Шло время, дом обветшал, опустел, исчезла мемориальная доска.

На вопрос читательницы Е. Бокаревой о дальнейших планах в использовании этого строения заместитель председателя исполкома Раменского горсовета В. Е. Щербаков сообщил, что дом № 38 по ул. К. Маркса в п. Быково включен в план капитального ремонта. Мемориальная доска будет восстановлена.

●

Редакция получила письмо от дочери погибшего участника войны, инвалида детства З. Тухватуллиной из села Сафакулево Курганской области, в котором она жаловалась на аварийное состояние дома и просила о помощи в его ремонте. Из Сафакулевского райсовета сообщили, что капитально отремонтировать дом не представляется возможным. З. Тухватуллиной вместе с матерью выделена отдельная двухкомнатная квартира.

●

Участник Великой Отечественной войны М. Скориков из пос. Красный Яр Жирновского района Волгоградской области пожаловался на неоправданный штраф в размере 20 рублей якобы за несвоевременную оплату телефона. Недоразумение выяснилось, деньги возвращены абоненту, а начальник Жирновского узла связи Ю. Трусов принес супругам Скориковым свои извинения.

●

В ответ на жалобу Г. Алексеева из Ташкента о затоплении водой подвала дома, в котором он проживает, из исполкома горсовета сообщили в редакцию, что авария ликвидирована, отопление в доме налажено.

●

Получили квартиры наши читатели, жаловавшиеся в редакцию на плохие жилищные условия: инвалид Великой Отечественной войны П. В. Егоров из Хабаровска — однокомнатную, многодетная семья О. С. Тюркиной из Иркутска — пятикомнатную площадью 70 кв. метров.

Исполком Алма-Атинского горсовета, рассмотрев направленное редакцией журнала «Огонек» заявление С. И. Уварова об установке телефона, сообщил, что просьба эта решена положительно.

●

В редакцию обратилась работница Обского леспромхоза, мать троих детей И. В. Манягина из Новосибирска с письмом о том, что семья ее попала в очень трудное материальное положение. В ответе, полученном редакцией из исполкома горсовета, сообщается, что решением администрации и профкома Обского леспромхоза семье Манягиной оказана материальная помощь.

●

На жалобы, поступившие в редакцию, получены ответы

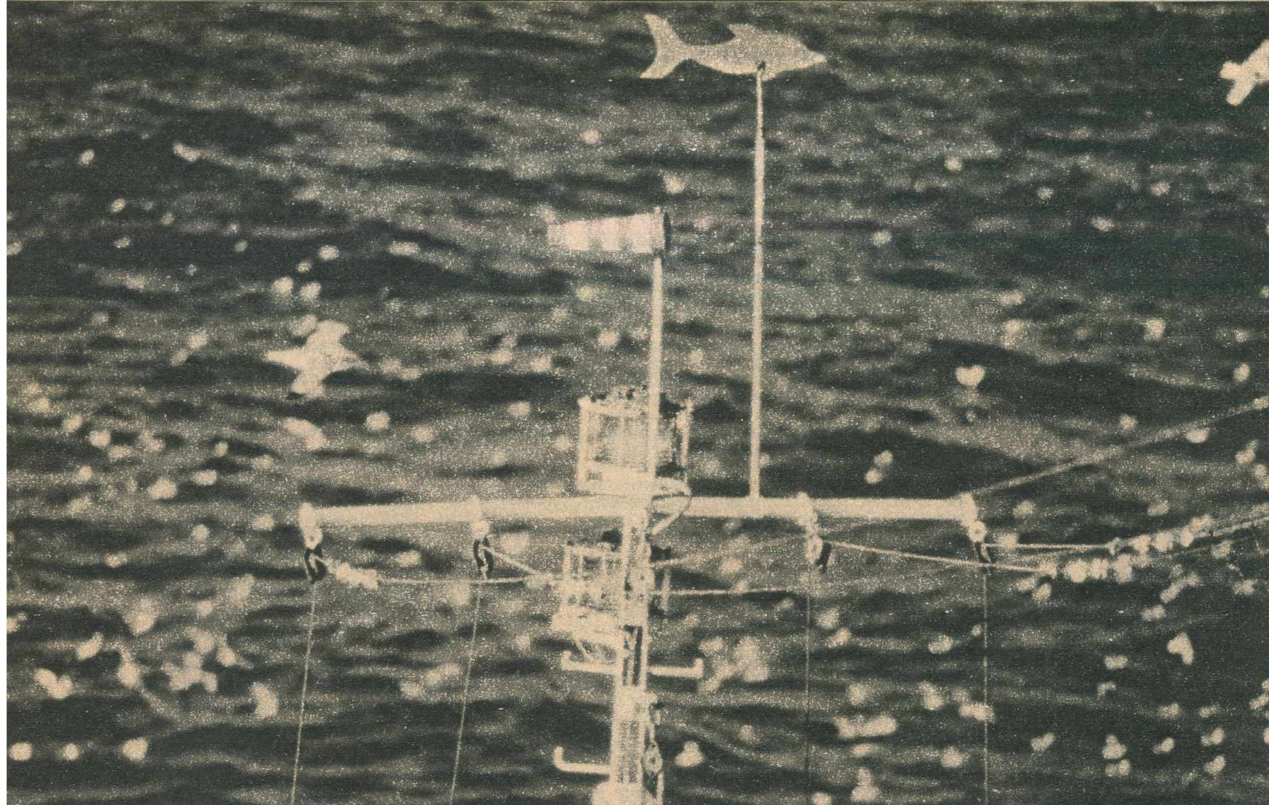
из Чудовского райкома КПСС Новгородской области: участнице войны Н. И. Сарычевой оказана помощь в ремонте дома;

из исполкома Харьковского облсовета: участник войны И. С. Демчук обеспечен по его просьбе сортовым углем.

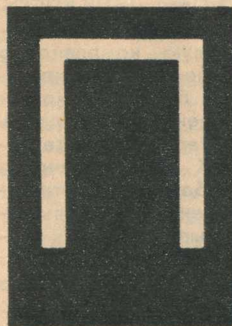
Редакция благодарит все вышеперечисленные ведомства и организации, оказавшие помощь в решении вопросов, затронутых в письмах читателей «Огонька».

ЛЮДИ И МОРЕ

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»



В ПОИСКАХ ЖИВОГО СЕРЕБРА
МОРСКИЕ КАСКАДЕРЫ
РЫБАКАМ — СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ
КОГДА МОРЯК СХОДИТ НА БЕРЕГ...



Прогнозы были самые неутешительные. Почти неделю штормило. Над Мурманском, Мурмашами, старинной Колой и Кольским заливом зависло снежное крошево. На промысле десятки судов лежали в дрейфе — пляшущие поплавки. Незамерзающие воды Баренцева моря, взбираясь на палубы сейнеров, тут же превращались в лед, отчего суда делались похожими на айсберги. Вода — плюс один, воздух — минус четырнадцать. И ветер.

Тем, кто не успел выйти в море и стоял у причальных стенок, было не легче. Правда, в заливе нет болтанки, не надо бороться за живучесть судна, но когда горит план и задолженность каждые сутки растет, безделье труднее работы.

— По характеру своей работы мы в чем-то сродни шахтерам и... таежным охотникам,— сказал начальник Всесоюзного рыбопромышленного объединения «Севрыба» М. И. Каргин.— Берем то, что заготовлено природой. И во многом зависим от нее.

Сам Михаил Иванович не один год отстоял на капитанском мостике, дышал ветрами всех широт. Сейчас под его началом плавбазы и танкеры, быстроходные рефрижераторы, спасатели и разведчики, рыбопромысловые корабли всех классов... Ударные силы этого флота рыбачат возле Африки, Южной Америки, в зоне Канады, Норвегии, у шотландских берегов. Но пути туда прокладываются через суровое заполярное море Баренца. Здесь осваивалось все, связанное с океаническим ловом. Здесь родилось кормовое траление, которое теперь применяется во всем мире... Северяне всегда были пионерами. Но даже самые светлые воспоминания не прибавляют ни рубля (говоря языком рыбаков, ни хвоста) к плану.

В незамерзающем заливе самая высокая концентрация флота. А в сотне миль от побережья или даже подальше спичечными коробками затерялись меж волнами шесть плавбаз. Каждая — огромное судно с консервным заводом, морозильными камерами, вместительными трюмами и всем необходимым для обеспечения целого отряда рыболовецких сейнеров. Среди них и знаменитая «Полярная звезда», куда должны были доставить корреспондентов «Огонька»...

А пока мы сидели в гостинице «Арктика» и ждали у моря погоды.

В одно утро погода с переменчивостью женщины вдруг разулыбалась, снежная круговерть улеглась, как на новогодних открытках, мягкими сугробами. Нас тут же обрадовали: есть оказия! На промысел идет буксир. Я представил себе плавучий утюг... Но выбора не было. На катере «Мечта» нас повезли к месту стоянки буксира. Путь оказался долгим, залив тянется километров на семьдесят. Бесконечная цепь причалов, сотни судов — и на плаву, и полузатопленные, предназначенные в металлолом... Но больше всего тут, конечно, рыболовецких судов, готовых к работе в море. И вдруг среди суровых трудяг с помятыми бортами, в пятнах ржавчины, пропахших рыбой вознесся сверкающий черно-красный щеголь с надписью во весь борт «СПАСАТЕЛЬ».

— Ваш буксир,— перехватил мой восхищенный взгляд капитан катера.

Поднялись на борт буксира «Стахановец», прошли по внутренним палубам — все сверкало, кругом никель и лак «под слоновую кость». Под стать судну оказался и его капитан — подтянутый, выше среднего роста, внимательный взгляд спокойных глаз. Пригласил к себе в каюту, угостил кофе. Разумеется, сначала познакомились: Алехин Виктор Иванович. В нескольких словах капитан пояснил, что судно недавно возвратилось из дальнего плавания. Базировались в порту Аллапул, потом вели работы в центрально-восточной Атлантике. Там, где целая флотилия наших судов.

Виктор Иванович не был на родном берегу больше четырех месяцев. В последние дни, бывало, стоял чуть ли не напротив окон своего дома, где и жена ждала, и двое детей, но... Для «Стахановца», возвратившегося из дальних стран, пока что не была открыта наша граница: есть такая формальность! Может случиться, что еще недели две капитан будет смотреть на окна дома своего, не имея права подойти к берегу.

Вместе с капитаном Виктором Ивановичем поднялись в ходовую рубку. Он занял свое место и, не повышая голоса, отдал короткие команды... Не преувеличивая, скажу, что при виде такого собранного, спокойного капитана и его корректных помощников мне показалось, что вот-вот над быстроходным красавцем судном вспыхнут и затрепещут алые паруса.

Сдержанно пульсировал мощный дизель (второй до поры был выключен), работала автоматика и телемеханика, застыли на палубе пожарные пушки, вертелись антенны локаторов. Работа в море не только тяжела, но еще и опасна. И там, где на промысле собирается рыбацкая флотилия, присутствие спасательного судна не формальность. Кстати, накануне «Стахановец» в штормовую погоду отбуксировал в порт судно в аварийном состоянии. Все щегольство спасателя — до первой серьезной работы. Тут уж команда от капитана и до палубного матроса-ухмана готова в огонь и воду в прямом смысле этих страшных слов. Есть свои водолазы и верхолазы, пожарные и такелажники, натренированные до уровня каскадеров...

Утром над спасателем вились чайки, из ходовой рубки открывалась необозримая ширь моря, выгнутого дугою на горизонте. Капитан предложил свой бинокль:

●

«Принимай швартовы!» Матросы палубной команды плавбазы «Полярная звезда» Алексей Шустров, Петр Даниловский и Николай Бутылка * Со дна морского серебро.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: И только чайки напоминают о береге...

EM-0125
EWSC

— Можете взглянуть на «Полярную звезду».

Она была справа по курсу. У ее борта, как цыпленок возле наседки, пристроился сейнер. Мы швартовались к другому борту. Достаточно большой спасатель при подходе к «Полярной звезде» вроде бы уменьшался в размерах. В напряженной тишине ходовой рубки — только команды капитана. При довольно крутых волнах, возносясь кормою выше борта базы и вдруг уходя вниз, «Стахановец» мягко, без толчка прилип к ее кранцам. Капитан Алехин щегольнул мастерством.

Мы попали как на завод в конце квартала. На всех этажах люди работали в предельном темпе: в радиорубке и несколькими этажами ниже, до главной палубы, и еще ниже — на консервных линиях, и еще ниже — в морозильниках и трюмах.

Сейнер лежал как-то боком, едва не черпая бортом волны. Его тянул на сторону кошельковый невод, наполненный рыбой. Вода фосфоресцировала, горела под солнцем — это стирались и уносились волнами миллионы рыбьих чешуек.

Улов из невода выгружали каплером — метод тяжелый, дедовский. Черпали корзиной (каплером) из плавающего у борта кошелька, высыпали в железный короб, а уже оттуда, с палубы сейнера, почти такой же веревочной корзиной поднимали в бункера плавбазы.

— Присмотритесь, как синхронно работают ухман и лебедчик,— посоветовал первый помощник капитана плавбазы В. Т. Круглий.— Как в цирке!

Палубный матрос-ухман и лебедчик действовали каплером, как ложкой. Веревочная корзина падала в невод, захватывала с полтонны рыбы и, рассыпая струи воды, возносилась над сейнером. В момент ее полета к «корове» (так тут называют железный короб) матрос успевал схватить то ли веревку, то ли застежку, отчего низ корзины распускался, и рыба вываливалась в «корову». Днище тут же застегивалось, и корзина летела за борт, пикируя в кошель с рыбой. Красиво!

А палуба и все мы взлетали на волнах вверх-вниз, обильные струи низвергались с летающей корзины. Но люди работали час, другой, третий...

— Много ли в неводе? — спросил я у замполита.

— Да тонн сорок будет. Нормально. Случается, что и поболее ста берут. Тогда сдача улова затягивается на целый день.

— А иного способа перегрузки нету?

— Есть, да не про нашу честь...

И Владимир Тимофеевич рассказал, в каких «ножницах» оказались рыбаки. С одной стороны, низкое качество рыбонасосов. Ясно, что быстрее и проще было бы опустить в кошель рукав и выкачать оттуда улов. А с другой стороны, далекие от разумной необходимости ГОСТы. Партия идет в брак, если в одной банке окажется одна селедка с царапиной («нарушен кожный покров»). А как царапинам не быть, если при выкачке рыбы насосом ее мнут и бьют?

К полудню «Полярная звезда» освободила сейнер от улова и поспешила к следующему. Он лежал где-то за горизонтом, среди волн, заваленный на один борт, к которому был подтянут тяжелый невод. Работа в море никогда не кончается: днем и ночью, на ходу и в дрейфе, в течение многомесячного рейса. Постоянно действует несколько цехов. В сопровождении помощника капитана по производству И. И. Белоусова спускаемся ниже главной палубы. Идем вдоль конвейерной линии — ручьем течет сельдь. Рабочие заполняют ею бочки, пересыпают солью, тут же вставляют верхнее донце, натягивают обруч. Одни бочки откатывают, другие заполняют. Мешкать нельзя. Не на берегу! Лишнего пространства нету, все должно двигаться, не задерживаться. А дальше маленький цех, в котором готовят соусы и маринады.

Сельдь в горчичном соусе или в укропной заливке... Люди работали с азартом, даже с лихостью, движения отточены до автоматизма. Трудно отвести взгляд, когда Сергей Трошков, опережая автомат, укладывает в минуту до... трехсот консервных коробок. Он сразу берет их по четыре — в каждую руку по две — и точным броском ставит в ряд, на дно картонного ящика. Четыре броска — слой. Напарник едва успевает набросить картонную прокладку между слоями. Четыре броска — слой. Я засек: четыре броска за три секунды.

Через каждые четверть часа напарники меняются местами.

Еще один конвейер — идет ставрида. Тут тоже немало ручных операций: обрезка шипов и плавников, прочистка полости, укладка в коробки...

Возле морозильных камер своя бригада. Обрабатывают мойву. Один рабочий, сидя возле бункера, наполняет рыбой большие плоские противни, другой подхватывает их и рассовывает по ячейкам высокой этажерки на колесах. Ее называют «телегой». Третий открывает тяжелые двери морозильной камеры и, передвигая по рельсам, заталкивает туда «телегу», а другую, с замороженной рыбой, вывозит. Такое впечатление, что попал внутрь часового механизма. Четко, размеренно летают туда-сюда противни с рыбой, а замороженные попадают под душ, после чего из них извлекаются десятикилограммовые рыбные пластины. Три пластины — картонный ящик. Этикетка — тележка — трюм! Живое серебро в удобной упаковке ждет прихода рефрижератора.

Есть тут лаборатория, есть пекарня, есть компрессорный цех, обеспечивающий холодом производство, есть прачечная, столовая, магазин, медпункт, радиостанция, служба главного механика...

Если бы все это хозяйство находилось на берегу и работало круглосуточно, то есть в три смены, то в нем было бы занято тысячи полторы. Посчитайте сами: начальники цехов, мастера ОТК, охрана, главные специалисты, персональные машины, а значит, шоферы, автослесари, завгар, машинистки, зам по режиму, профсоюзные работники на ставках инженеров... Это я не все еще перечислил! А тут, на плавбазе, которая выдает на миллион рублей продукции каждую неделю, всего — от уборщицы до капитан-директора — 250 человек!

И еще подумалось: было бы полезным на суше изучить опыт организации производства там, в море.

Иван Иванович Белоусов — первый помощник капитана по производству — еще довольно молод, ему тридцать пять лет. Он из белорусской деревни был призван служить на Северный флот, а после демобилизации пошел в рыбаки. Плавал матросом и в долгих рейсах, чтобы не скучать, учился. Окончил заочно мореходку в Архангельске, стал рыбмастером. И вообще он мастер на все руки и в трудную минуту может стать к любому конвейеру. В Мурманске у него жена, двое детей, пятнадцать лет ходит в море и почти столько же стоит в очереди на получение квартиры. Упоминаю об этом не просто к слову. Не так уж и обласканы материальными благами люди одной из самых нелегких профессий. Как правило, это цельные, крепкие натуры. Здесь в цене исполнительность, дисциплина. Понять это помог один забавный случай.

Замполит Владимир Тимофеевич Круглий знакомил нас с десятками людей. Они сами по разным делам заходили к нему в каюту, которая всегда открыта. Как-то зашел Богдан Шевцив. Сын сельского кузнеца из Прикарпатья, Богдан стал на флоте уважаемым специалистом, служит в «дедовой» команде. Следует заметить, что «дедова» служба в большом почете на всех судах: «дедом» тут называют главного механика. Вот хотя бы такой пример. Шли на лов мойвы, а брать стали селедку... Линии по закатке сельди в жестяные банки не было. Решили изготовить своими силами. На берегу такая работа заняла бы месяца два, а тут управились за пять суток. Не за пять смен или пять дней, а за сто двадцать часов трудового марафона. Конечно, здешний «дед» Л. М. Алейнер — голова, но и люди у него такие, как Богдан Шевцив — с богатым жизненным опытом, автор рацпредложений, коммунист.

Так вот, Богдан, как оказалось, еще и после тридцати лет оставался холостяком. А потом поехал в отпуск, встретил Марию и вернулся женатым.

— Вы так долго «выбирали» — и вдруг... Если не секрет, когда решили, что Мария может стать спутником на всю жизнь?

Богдан серьезно задумался. И вслух стал вспоминать. Мария — операционная сестра, работает в городе, а встречались в селе. Каждый раз ей было трудно добираться после работы, но не опоздала ни разу.

— Договорились, положим, на девятнадцать — она точно в девятнадцать ноль-ноль на месте. Раз, другой... Вот я и подумал: надежный человек.

Конечно, эту историю мы приняли с улыбкой. Но из таких штрихов складывается и характер коллектива, и его портрет. А главная черта идет от капитана.

Нам еще в Мурманске говорили, что капитан-директор Александр Иванович Чурилов — личность особенная. Прежде всего это один из самых старых капитанов на рыбфлоте. Нет, не по возрасту (ему только нынче исполняется пятьдесят четыре), а по годам, проведенным в море. «Полярной звездой» командует двадцать лет, со дня постройки. Это и для корабля-то возраст солидный, многие сверстники пошли в металлолом. «На иголки», как тут говорят. Но плавбаза Чурилова прошла капитальный ремонт и еще послужит.

— И я еще послужу,— сказал Александр Иванович.— Ее на иголки — и меня на берег.

Чурилов, когда отдает распоряжения или советуется, очень напоминает председателя колхоза. Есть такие люди, способные большую и серьезную работу выполнять незаметно, вроде оно иначе и не может быть. В том и мастерство капитан-директора: умеет людей объединить, всех по местам расставить. Если идет рыба, — полным ходом морозят, часть в трюмы закладывают, мороженую на рефрижераторы. Если уловы уменьшаются, то стараются переработать почти все, сами фасуют в коробки, солят, отделяют филе, а головы, кости на жир и муку. Это хорошие деньги. В результате из того же сырья получают значительно большую отдачу. А уж если совсем глухо на промысле, и неводы приходят пустыми, тогда поднимают запас из трюма, размораживают, запускают линии глубокой переработки. Только за один прошлый рейс коллектив плавбазы получил шестьсот тысяч рублей сверхплановой прибыли.

Понять суть рыбацкой удачи лучше всего на оперативном совете, который два раза в сутки проводит по радио начальник промыслового района. Его штаб на одной из плавбаз. Бушуют страсти в эфире. Выступают руководители подразделений, метеорологи, сыплют цифрами, непонятными терминами. У одного кончается горючее, у другого — вода, третьему не хватает бочек или картонной тары.

Что ж, рыбацкая удача рано или поздно приходит к каждому. Но воспользоваться этим может лишь тот, кто всегда готов к такой встрече.

Мы собирались покинуть плавбазу. Спасатель за нами должен был подойти около восемнадцати часов, но после обеда обеспокоенный замполит спросил: «Не могли бы вы собраться пораньше? Шторм идет!..»

Десять минут назад светило солнце, и вдруг кто-то стал натягивать на небеса черный полог. Потемнели и вздулись волны, быстро крепчал ветер: четыре балла, пять... А через полчаса, когда подошел спасатель, сила ветра достигла девяти баллов. Волнение моря — шесть. Нас посадили в корзину с перильцами не выше колен, приказали присесть и крепко держаться. С помощью лебедки корзина взвилась под выносной мачтой, и мы стали болтаться между двумя кораблями, как на удочке. Корма спасателя то приближалась к нам, то удалялась. Под нами, далеко-далеко внизу, между двумя пляшущими бортами, кипела вода. Несколько раз корзина с нами проваливалась вниз, но не могла достать борта спасателя, и лебедчик снова поднимал ее.

Нас вернули на борт плавбазы, высадили из корзины. Море свирепело. Мы еще раз влезли в корзину, доверившись мастерству ухмана. Танцевали две палубы, билась и прыгала вода, то удаляясь, то стремительно приближаясь к корзине. И снова нас высадили... Только с третьей попытки корзина с нами села днищем на фальшборт спасателя, а расторопный ухман сдернул ее на палубу.

●

В рулевой рубке * Богатый выдался улов * Официантка плавбазы «Полярная звезда» Наталья Андронова * На соленой вахте рыбак Владимир Садков * Место работы — Баренцево море!

ПАРТИЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

интервью «огонька»

Игорь ГОРБАЧЕВ,
народный артист СССР,
делегат XXVII съезда КПСС

Разговор о состоянии театрального дела, острый, полемический, конструктивный, идет последнее время на страницах многих газет и журналов. Его ведут режиссеры и критики, писатели и зрители. Одной из наивысших точек этого разговора, ярким свидетельством того, какое огромное значение придает партия театру в деле духовно-нравственной перестройки общества, является выступление на XXVII съезде КПСС его делегата Игоря Олеговича Горбачева, главного режиссера Ленинградского государственного академического театра драмы имени А. С. Пушкина. Сегодня с И. О. ГОРБАЧЕВЫМ беседует наш корреспондент Ирина ПИРОГОВА.

— Игорь Олегович, о чем думали, какие чувства вы переживали, обращаясь к делегатам съезда с его высокой трибуны?

— Знаете, это очень сложное чувство. Я убежденный сторонник мысли Гоголя о том, что сцена, театр — это кафедра, с которой можно и необходимо сказать людям много добра. Эта убежденность лежит в основе моей гражданской позиции, всего, что я делаю.

А там, на съезде партии, мне было доверено обратиться к людям с наивысшей кафедры — трибуны съезда в незабываемой, волнующей атмосфере, созданной Политическим докладом Центрального Комитета партии, с которым выступил Михаил Сергеевич Горбачев и который лег в основу откровенного, острого разговора со всей партией и со всем народом. Острота и точность мыслей, целеустремленность и классовая направленность с поразительной, с пронзительной, я бы сказал, ясностью раскрыли всем нам глубинный смысл великой перестройки, происходящей в нашем бесконечно сложном и взрывоопасном мире, дали точные, определенные и реалистические оценки многослойным проблемам общественного развития и наметили пути их разрешения.

Я, актер, исповедующий веру в театр, как в кафедру добра, вдруг по-особенному глубоко и ясно ощутил, как многомерно, конкретно и в то же время сурово и честно истинное Добро. Оно не имеет ничего общего с привычной, укоренившейся в довольно серьезных масштабах атмосферой, когда доброту путают с удобством взаимовыгодного общения, со щедростью и расточительством за государственный счет, с беспринципностью и равнодушным взиранием на зло как в общественных, так и в личных проявлениях.

В огромном комплексе сложнейших проблем, прозвучавших в дни работы съезда, определяющей была проблема интенсификации, ускорения. И я снова повторяю: очень важно не сузить это понятие, точно уяснить, что ускорение, перестройка — это категории не только экономические, а прежде и больше всего моральные, ибо требуют от человека качественно нового отношения к труду, к жизни, понимания, что такое Добро для советского народа, а значит, и для каждого человека. Добро — это здоровье, благосостояние, созданное честным творческим трудом, это духовное богатство, это мирное будущее. Но это и мужество, принципиальность, самокритичность, готовность идти на борьбу и стоять до конца ради высших идеалов, непримиримость ко всему, что может помешать их достижению.

— Вас иной раз критики называли мастером благополучных финалов. А ведь этого совсем не скажешь о спектаклях «Пока бьется сердце» и «Предел возможного», поставленных вами, где вы также сыграли главных героев. Один из них — талантливый хирург, другой — не менее талантливый организатор промышленности; совсем непохожи на баловней судьбы: и горечь жизни, и тяжкие испытания познали полной мерой...

— Ну что ж, оставим это определение на совести тех, кому оно принадлежит. Скажу одно. Задача театра быть правдивым. Но театр не газета и даже не журнал, а, как сказал Владимир Маяковский, «увеличивающее стекло». Увеличивать же должен он не муху до размеров слона, а сложную клетку общественного организма, в котором силы добра и зла противоборствуют и, конечно же, побеждает здоровое, оптимистическое, жизнеутверждающее начало... Я совсем не за то, чтобы в спектаклях действовали белозубые крепыши, сошедшие с плакатов. Пусть мой герой изведает в полной мере и радости, и лиха, пусть проиграет свою личную битву за справедливость, он может даже погибнуть в борьбе, но главное, чтобы за всем этим чувствовалась жизнеутверждающая поступь истины, правды исторической. Чтобы сама жизнь его — великая или скромная, как уж кому выпала, была бы жизнью человеческого Духа и примером нравственного долга. Я мечтаю поставить спектакль о современном партийном работнике. И пусть мне кто-нибудь скажет, что это будет пьеса о благополучном человеке с благополучным финалом. Я смотрел на своих товарищей — делегатов съезда, и среди них немало партийных работников, я знаю многих в жизни. За сегодняшней великой нравственной победой партии стоят личное мужество многих коммунистов, их самоотверженность, огромные затраты душевных и физических сил, способность идти до конца. И театр должен наконец набрать такую высоту, чтобы достойно поведать о людях воистину активных, деятельных, способных на настоящий поступок.

— Боюсь, что констатировать недостаток таких героев на сцене и экране тоже превращается в своеобразную моду...

— И вы знаете, не удивлюсь, если первыми включатся в этот хор те голоса, которые еще вчера задавали тон в восхвалении субъективных откровений и самокопаний комплексующих героев «интерьерного» масштаба, возводили их в ранг целой «новой волны» в драматургии, выдавали их нравственную и общественную неполноценность за художественное открытие, нуждающееся в осмыслении и разгадке. Такие люди готовы выдумать любую волну, лишь бы занять место на ее гребне, прослыть провозвестниками грядущего.

Страшное дело — мода в искусстве, желание «соответствовать», не подкрепленное внутренней гражданской решимостью.

Прочел на днях две статьи о литературе. В одной прозаик, в общем-то толково рассуждая о причинах потока серых, малохудожественных книг и о писателях, которые «вне критики» и которым «все позволено», на всякий случай делает оговорку, что секретарей творческих союзов он в виду не имеет, так как, мол, их произведения уже чуть ли не в века вошли.

В другой известный критик, рассуждая о проблеме вторичности современной поэзии, цитирует двух авторов, причем, одного просто в плохом переводе. Так сказать: из пушки по воробьям. У нас в театральной критике положение, к сожалению, не лучше. Я уже не раз «вызывал огонь на себя», говоря о групповщине. Это явление нередкое и в Ленинграде, и в Москве. Собирается вокруг газеты или журнала группа критиков, очерчивает круг «своих» писателей, театров, режиссеров, актеров. У полюбившихся все прекрасно, в их честь звенят газетные и журнальные кимвалы, их недо-

статки выдаются за неразгаданные современниками достоинства. У «антагонистов», как правило, не замечают или перечеркивают их работы, фрондируя откровенным нежеланием вести доказательный разговор. За мою сравнительно долгую театральную жизнь мне довелось узнать разных критиков. С уважением и признательностью говорю о Юрии Дмитриеве и Инне Вишневской. Да, им может не понравиться спектакль, они могут не принять его концепцию, художественный уровень, но их разговор с театром всегда доказателен, конструктивен, а за этим всем — какая эрудиция, какое тонкое ощущение характера коллектива, всего театрального процесса!

А что, кроме обиды, сожаления и чувства неловкости перед актерами могут вызвать статьи ленинградских критиков Ивановой и Дмитревской, которым, скажем, в пушкинском театре не нравится все и всегда? В Москве к нам столь же стойкое чувство и на столь же эмпирической основе проявляет критик В. Максимова, а ведь ее, как говорится, устами не глаголет истина. Я вообще считаю: если критик не приемлет эстетики театра, не принимает его гражданских устремлений, то он его не может понять. А как писать о том, чего не понимаешь? Кому это нужно, кроме самого критика и его знакомых? Только поняв природу театра, живой театральный организм, можно определить, здоров он или болен, в чем он верен себе, а в чем ошибается.

Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Речь идет далеко не только об отношении определенных критиков к тому театру, в котором я работаю. Я много езжу по стране, вижу, как трудно и нередко интересно живут многие периферийные театры. Они делят со страной все: и радости, и боли. Их в полной мере коснулись и наши социальные недомогания, и идейно-художественные просчеты, о которых шла речь на съезде.

Но нынешняя критика не была готова показать истинное положение вещей. «Маститые» за черту столиц практически не выезжают, а местные цехи критиков малосильны, профессионально слабы, не завоевали у себя дома общественного признания. Ну, а попадут они в семинар такой вот «знаменитости», так чему научатся? Такому же высокомерному, эстетствующему отношению к театру, к интересам и запросам «простого» человека, то бишь зрителя, к масштабу решаемых обществом проблем. А проблемы эти сложны и в нашей, художественной сфере.

Не может не тревожить стремление иных театров заполнить залы любой ценой, подыграв невзыскательному зрителю, его потребительским настроениям получить от искусства что-нибудь этакое: или «солененькое», или «клубничку».

Беспокоит, что не иссякает поток кинофильмов и спектаклей либо откровенно примитивных, а значит, дискредитирующих заложенную в них идею, либо воспевающих обывательщину, смакующих натурализм, склонных к аполитичности, некоему абстрактному гуманизму, надклассовому пацифизму.

Партия сделала гласность законом нашей жизни. Так давайте же средствами искусства помогать обществу освобождаться от социальных недугов, раскрывать механизм борьбы с пороком, вырабатывать иммунитет к любому вирусу. А главное, помнить, кто есть кто и кому на руку наши недостатки и болячки.

— Игорь Олегович! Вот к вопросу о том «кто есть кто». Как вы оцениваете задачи художника в современном мире?

— Об этом исчерпывающе сказал еще в 1924 году Константин Сергеевич Станиславский: «...театр должен быть одним из главных орудий борьбы с войной и международным средством для общения народов между собой, для вскрытия и понимания их сокровенных чувств».

Первое и главное сокровенное чувство, которым мы должны, просто обязаны поделиться с другими народами, это ненависть к войне, к любому насилию над людьми, над их жизнью, волей, разумом, будущим. Я слишком хорошо знаю, что такое война. Я никогда не забуду блокадный паек в 125 граммов хлеба и сотни тысяч мирных ленинградцев всех возрастов, которых фашизм убил снарядами, холодом и голодом. Именно тогда, в блокадном Ленинграде, формировалась моя убежденность в красоте, мудрости, мужестве и душевном величии, которые проявляет народ в критические для себя моменты. И я хочу и делаю все, что в моих силах, чтобы люди разных стран побольше знали о нас, ибо только понимание рождает доверие.

Мы, советские люди, никогда не испытываем ненависти к инакомыслящим. Не соглашаясь с ними даже в корне, мы, конечно, будем стараться переубедить, приведем свою систему доказательств, но только в мирном диалоге. Дух Хельсинки, итоги мадридской встречи, атмосфера надежды, рожденная встречей на высшем уровне в Женеве,— все это, как подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, лежит в основе одного из важнейших направлений деятельности нашего государства — четкого соблюдения основополагающих принципов взаимоотношений между государствами. И театральному искусству тут принадлежит не последнее место. Наши театры ставят в год около двухсот современных зарубежных и классических пьес, причем в отличие от наших идейных противников мы выбираем пьесы наиболее гуманистические по мысли, способные пробудить в человеке сильные, облагораживающие чувства. Мы с уважением относимся к таланту и самобытности каждого народа, какие бы препоны нас не разделяли.

— Да, способность объединять людей, заставлять их жить одними чувствами, единым порывом — это великое свойство театра. Но его ведь тоже можно использовать по-разному?..

— Мы никогда не должны забывать главного вопроса: ради чего, с какой философской, нравственной, идеологической, наконец, политической целью театр объединяет людей. В этом важнейшая проблема социальной направленности сцены, общественной цели, на которую обращено мощное оружие театрального творчества. Нам известно немало примеров ложного, античеловеческого по духу использования механизмов кино и театрального действия. Нередко в зрительных залах присутствующим преподносится завуалированная, а иногда и прямая апология насилия, жестокости, бесчеловечности. Нередко авангардистская атака на психику публики стремится развязать варварские, низменные чувства толпы, погрузить людей в наркотический дурман, оргию слепых инстинктов. В этих и подобных им случаях мы сталкиваемся с превращением его в послушное орудие шовинизма и насилия. Русскому и советскому театру это всегда было чуждо. Нам с такими приемами не по пути. Но это совсем не значит, что наш театр сегодня вправе уклоняться от решений политических задач. Если ты не займешься политикой, то политика займется тобой. Эта истина проверена временем. Вопрос в том, какая политика. Наша политика — верность международным обязательствам, борьбе за мир и, однако, при необходимости готовность отразить удары любого врага. Однако политический театр на сегодня, прямо скажем, не готов к выполнению серьезнейших задач, которые перед ним стоят.

Глядя спектакли по пьесам, посвященным Великой Отечественной войне, часто не видишь того, ради чего они затевались,— великого духа народного, несгибаемой силы, могучей жизнестойкости и нравственной красоты. Все больше «бои местного значения».

Нам недостает исторических пьес, героической романтики на сцене. Я просто не могу назвать достойной пьесы о современной Советской Армии — произведения ярких характеров, сильных страстей, высоких целей. И тут я не склонен просто разводить руками: вот, мол, неожиданность какая.

На июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС партия высказала нам, деятелям искусства, серьезные упреки. Еще тогда говорилось о том, что искусство наше часто фокусирует свой интерес на неудавшихся судьбах отдельных людей, жизненных неурядицах, допускаются отступления от исторической правды, из поля зрения художников выпадает историческая перспектива развития нашего общества.

Это очень серьезные и обоснованные упреки. И прозвучали они почти три года назад. Но мы так и не проанализировали свои недостатки, недоработки, упущения. Партийные документы фамилии не называют. Но всем причастным к театральному делу необходимо было уяснить для себя, кому мы обязаны создавшимся положением. Кто написал такие пьесы, кто их поставил и кто расхвалил. Это было наше прямое дело — Министерства культуры, Всероссийского театрального общества, средств массовой информации. Не для оргвыводов, а для того, чтобы вернуть истинные ориентиры, погасить ложные маяки, оздоровить отношение к этим проблемам прессы, телевидения, радио, которые порой не только замалчивают напряженность ситуации, образовавшейся в искусстве, но и дезориентируют, создают колоссов на глиняных ногах. Прошу понять меня верно. Я говорю о наболевшем, потому что о хорошем свое уже сказано. А уж коли начали мы расставаться со своими недостатками, то половинчатости тут быть не может.

Есть еще одна проблема, которая стоит на повестке дня,— это права и обязанности театра, «усеченные», «спеленутые» органами культуры, которые рекомендуют пьесу к постановке, принимают ее, а затем никакой ответственности за свой волюнтаризм не несут ни перед театром, в котором пьеса не прижилась, ни перед зрителем, который спектакль игнорирует. Сильным, самостоятельным режиссерам такая практика рубит крылья, у слабых отбивает последние надежды на самостоятельность.

Как не без сарказма подметил один из моих коллег, «на место трудной и живой творческой работы приходит уютная рутинная жизнь, когда управление культуры поглядывает, актеры поигрывают, а зрители посматривают... Да уж во многих городах и не посматривают: залы пусты».

Что на это можно сказать? Многие министерства и управления в последнее время распростились навсегда с уютной рутинной жизнью, ибо она противопоказана механизму нашего государства, который нынче отлаживается заново. Очередь за нами.

Осмысливая сложнейшие задачи, вставшие перед нами сегодня, с особой остротой понимаешь, что выполнить их можно только тогда, когда каждый из нас проникнется сознанием того, что наше искусство — это важнейшее общепартийное, государственное дело. А по важности и спрос будет. И выполнять его требуется как самое главное, самое ответственное партийное поручение длиною в жизнь.

Мы несем огромную ответственность за моральный облик нашего зрителя. И значит, в первую очередь мы должны стать максимально требовательны к себе. Искусство не поучает, но учит, ведет за собой. А учитель, чтобы научить, обязан знать больше, видеть дальше и лучше своей аудитории. На этом всегда стояла наша отечественная культура, наше искусство, известное во всем мире. И мы должны сегодня со всей серьезностью задуматься о том, что принесем мы в общую копилку, какой фундамент заложим в основание нашего общего с вами будущего.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Первопричина

●

Правда солнца — истина простая,
без нее ни вянуть, ни цвести.
Города и села пролетая,
поезд знает, где конец пути.

Знает дым, чем связан он с трубою.
Знает дуб, чем желуди сильны.
Безусловно, знаем мы с тобою,
что должны,
чего мы не должны.

Почему ж, не исполняя долга,
мучимся несбыточностью дня?
До последней станции недолго.
Дыма не бывает без огня.

СВЕЧА В ОКНЕ

Рассвет, неотличимый от заката,
весенних трав расцвеченные сны,
ночная боль безногого солдата,
истошный пляс не знающих
войны —
все спуталось,
сошлось,
сплелось,
скипелось.
Разбить? Разъять?
Вопроса не решить.
Как в юности погибнуть
не терпелось,
так в зрелости не терпится дожить.
Безлистая двуствольная береза,
запетая, горит на холоду.
Руси тысячелетняя угроза —
буранный свист приветствует орду,
и падают расстрелянные ели,
но вновь встают зеленые полки.
Лихим богатырям не надоели
холодные и жаркие враги.
Ах, тишина — мгновенье
передышки!
Он женщину, сгорая от любви,
ухватит за лохматые подмышки,
подкинет к небу, а другой — лови!
Ах, не понять...
И понимать не надо:
такая жизнь—очнешься, и прошла.
Январский дождь и август
снегопада,
надежды неостывшая зола,
соха беды, взрезающая поле,
из тучи серп, как крик из-за угла...
Борьба за жизнь или тоска по воле
твою судьбу свечой в окне зажгла?

●

Война — не женское занятье,
но испокон, во все века
из-за ее туфлй иль платья
сходились грозные войска,
и насмерть падали мужчины
всех рас, всех возрастов, племен,
и заслонял первопричину
поток враждующих знамен.

Когда она переменилась?
Какая первою была,
попав в немилость,
и на милость
свои позиции сдала?

Теперь воюют за идею,
что тоже женщина вполне,
пока мерещится злодею
в назойливом и жадном сне,
и платье у нее в оборках,
и туфли брошены в игру,
а женщина стоит в опорках
и просит мира на ветру.

●

Победа крылатая — Ника
несчастная, без головы,
зайтись от державного крика
не может, увы.

Веками дается победа
ценою невиданных трат.
Никто не уйдет от ответа,
защитник — и тот виноват,

в рискованном поиске славы
жестокие чувства тая.
Лишь павшие замертво правы,
лишь павшим никто не судья.

●

Отчаянный и нежный голос
звал иль о помощи просил,
и я с желанием боролась
помочь, пока хватает сил.

Дорога шла, вела, кружила,
зов приближался — исчезал.
Я так сознаньем дорожила:
меня на помощь кто-то звал!

Дойти,
найти,
не опоздать бы,
во злые не ступить следы
и голос соловьиной свадьбы
не спутать с голосом беды.

Я нравилась себе, бывало:
дошла,
успела,
помогла,
но одного не понимала:
все в мире добрые дела
нужны тому в конечном счете,
кто их не просит, а творит.
За ощущенье быть в полете
сурово жизнь благодарит.

●

Почему душа рыдает
в час, когда бы петь должна?
Что любовь?
Никто не знает.
Она
приговорена
быть великой невидимкой
средь всевидящих людей,
лихолетней недоимкой
зла и гордости твоей.

Переплеты перипетий,
перекрестка пересуд
от отсутствия событий
наше чувство не спасут.

Что любовь?
Звезда без платья?
Полночь в огненном пальто?
Заключить ее в объятья
не сумел еще никто,
впрочем, каждому казалось —
вот она, вот-вот, гляди,
пышным бантом увязалась
на распахнутой груди.

Ждет непознанная сила,
возрождая и губя...
Милый, я тебя простила!
Милый, я спасу тебя!

ГЛУПАЯ ПЕСНЯ

Я главного слова еще не сказала,
грядущего с прошлым узлом
не связала,
а значит, меня не догнали года,
и я молода.

И все, что творится вокруг,
замечаю,
за все, что творится вокруг,
отвечаю,
за все отвечаю, что в жизни творю,
как пламя, горю.

Ничто не изменит меня, молодую,
пока я невызревшим словом
колдую
и предпочитаю, как пламя, гореть,
чем тихо стареть.

ТРЕУГОЛЬНИК

I

Он весь — любовь и восхищенье.
Возможно ль устоять?
Нельзя.
Он молодости возвращенье
дарует, ласками грозя
твоей закованной свободе,
твоей законченной судьбе.
Краснеет солнце на заходе,
как лист кленовый на губе.
Ты отдаешь ему надежду
и обещаешь: — Навсегда!
Но с дерева сорвать одежду
сумеют только холода.
Стоишь, бесстыдница, без платья,
с душой своей разлучена,
в беспечные его объятья,
как в смерть свою, погружена.

II. Женский голос

Разминулись мы во времени
с тобой,
оказалась я излишне молодой.

От любви купалась
в горестных слезах —
свою смерть увидел ты
в моих глазах.

Умер ты. Я возмужала. Предо мной
светлоликий, светлоглазый,
молодой.

Неожиданный, нелепый поворот:
снова ты и я, но все наоборот.

Да, теперь я понимаю твой испуг,
мой единственный,
невыплаканный друг,
но хочу в себе твой разум
победить,
неизведанную радость возбудить:
на, мальчишка, мои годы забирай!
Несвершившееся хлещет
через край.

Ты смеешься. Я не плачу.
Он молчит,
в поцелуях тайна времени горчит.

III

Осуждаешь:
— Не стыдно ли так
откровенно на свист отзываться,
неизвестно кому открываться
за случайного взгляда пятак.

Обижаешься:
— Помню, давно
ты о верности мне говорила,
не помеха которой могила.
Верить женщине, впрочем,
смешно.

Обещаешь:
— Покоя не дам,
буду сниться, мерещиться рядом,
отравлю вдохновения ядом,
неусловия к счастью создам.

Отвечаю:
— Скорей приходи!
Наконец-то хоть вымолвил слово.
Я к любому исходу готова
ради встречи с тобою,
прости...

ЧУК

Чук — хорошая собака,
глуповат, а не дурак,
появившийся из мрака,
он терпеть не может мрак,
воем сумерки встречая,
мрачно он молчит в ночи,
жарким лаем отвечая
на рассветные лучи,
а его национальность —
восхитительная смесь,
объективная реальность,
исключающая спесь.
Чуткий Чук — души услада
и опора в тяжкий час.
Тонет горькая досада
в черных безднах верных глаз.
Добротою обогрета,
оживаю — ухожу,
оставляя без ответа
то, чем в горе дорожу.

●

Фейхофиндия — фрукт кактусового дерева, весь усыпанный острыми, невидимыми простым глазом колючками.

Был юноша похож
на молодого бога,
как статуя ожившая, возник.
Глаза навыкате и грустные
немного,
продолговат и безупречен лик.

Он по волнам летал
необычайно ловко
и неуместный мяч держал,
как солнца шар.
Весь — радость и порыв,
отвага и сноровка,
весь—безразличие и весь—пожар.

Лег на песок.
Застыл со мною рядом.
И страшно стало мне:
как молод, боже мой!
Неравнодушно он смотрел
вослед наядам,
и кто-то мне шепнул:
— Ведь юноша немой...

Не слышит ничего:
людского разговора,
и щебетанья птиц,
и звука громких труб,
не знает нежных просьб,
не ведает укора,
не понимает, что слетает
с жарких губ.

Я чувствовала, как во мне
вскипает сила.
Помочь.
А чем помочь?
Сказать.
А что скажу?
— Вы любите меня? —
неслышно я спросила,
как будто грудь свою
подставила ножу.

Он сыну моему ровесник,
несомненно.
— Вы любите меня...
Какая ерунда!
Но Афродитой быть,
родившейся из пены,
не значит ли навек забыть
свои года?

Он угадал слова.
Ответить не умея,
он руку протянул —
достиг моей руки.
Следили мы вдвоем,
как запускают змея,
как белые в волнах
мелькают мотыльки.

Боясь остановить
счастливое мгновенье,
от счастья умереть
на чуждом берегу,
я бросилась бежать.
Но нежное волненье
бежало вслед за мной
и пело на бегу.

Очнулась далеко, в какой-то
дикой роще,
где розовых плодов
на кактусах полно.
Ах, как хотелось жить
естественней и проще!
Ах, как хотелось знать, что все
не решено,

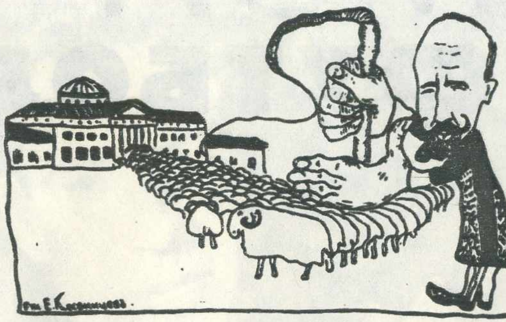
и я еще могу смеяться от сознанья
своей неправоты, не ведая границ
меж возрастом любви
и веком мирозданья,
и смахивать слезу с опущенных
ресниц.

Вот я сейчас сорву плод розовый
и странный,
невиданный досель,
как яблоко сорву,
почувствую себя той Евой
окаянной,
что всем дала познать
свободу наяву.

Я сорвала тот плод,
к губам его прижала.
Но, боже, как прожгло и пальцы,
и уста!
Как будто лютый змей
невидимое жало
вонзил в меня,
скользнув с высокого куста.
Наказана сполна,
мгновенно отрезвела:
невиданных плодов
не вовремя не рви!
О, кто когда солгал, что в мире
нет предела
упрямой, молодой,
бесхитростной любви?

80 лет назад во время революции 1905—1907 годов в России появилось множество сатирических журналов. Одним из ярких представителей политической сатиры того периода был Е. Н. Косвинцев. Публикуем материал, подготовленный его сыном журналистом Ю. Е. Косвинцевым.

Сфинкс (премьер Горемыкин).



Премьер мечтает (Столыпин).

Рис. Е. Н. Косвинцева (1905—1906 гг.).

ОТБЛЕСК РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЗОРЬ

Звездный час Евлампия Николаевича Косвинцева пришелся на период 1905—1908 годов. За это время им опубликованы 150 карикатур, разлетевшихся по России тиражом более ста тысяч экземпляров каждая.

...Сын портного, он провел детство, полное лишений. Еще мальчиком поступил в ученики к сапожному мастеру, впоследствии перешел на работу на кожевенный завод. Начатки грамоты Е. Н. Косвинцев усвоил в приходской школе. Своим образованием он был обязан исключительно самому себе. Особый интерес юноша проявил к археологии и краеведению. Первые заметки на эти темы были им опубликованы в уральских газетах «Пермские ведомости» и «Екатеринбургская неделя».

Е. Н. Косвинцев хорошо знал политическую обстановку своего времени. Острая публицистичность, склонность к сатирическому обобщению, памфлету характеризуют его лучшие рисунки. Он нередко черпал темы для карикатур со страниц большевистской печати.

Смелость, с которой он изображал в карикатурном виде царских чиновников, поражает. Вот один из примеров.

25 (12) ноября 1905 года в газете «Пролетарий» (№ 26) была опубликована статья В. И. Ленина «Между двух битв». Рассматривая положение дел «на театре борьбы за свободу» в текущий момент, Владимир Ильич так пишет о премьере Витте: «Характеристика, которую мы дали Витте в «Пролетарии», подтверждается вполне. Это — министр-клоун по своим приемам, «талантам» и по своему назначению. Это — министр либеральной бюрократии по тем реальным силам, которыми он до сих пор располагает, ибо с либеральной буржуазией ему еще не удалось сторговаться».

И, как бы откликаясь на эти слова Ленина, в карикатуре «Опасный номер» Е. Н. Косвинцев изображает премьер-министра в клоунском костюме, пытающимся сохранить равновесие на острие меча.

Ярко сатирической является и карикатура, созданная в начале 1906 года, «Наша бюрократия. (В затруднительном положении)», на которой изображен сам премьер-министр, сосущий молоко из вымени крестьянской коровы, а ниже — поясняющий текст:

«МУЖИК: корову отогнать от барина, аль барина от коровы?» Это прямой намек на непосильные подати и налоги.

Немало шума наделали в Петербурге и Москве карикатуры Евлампия Николаевича в «Искрах», объединенные общим заголовком «Новогодние мечты и проекты». Центральное место на одной из журнальных полос занимает изображение с подписью «Премьер мечтает», где Столыпин в своем министерском мундире, но... с кнутом в руках загоняет депутатов Думы, изображенных в виде бессловесных баранов, в помещение Таврического дворца.

Так впервые в крупнейшей русской легальной газете было опубликовано мнение прогрессивного художника-журналиста о подлинной политической расстановке общественных сил в стране.

Многие карикатуры Косвинцева были напечатаны в 1907 году, в пору самой свирепой цензуры. Но вот в февральском номере «Искр» 1908 года был опубликован портрет Столыпина с подписью «Наши публицисты». Портрет не был карикатурен, но... в это время Столыпин начал вводить в действие законы о военно-полевых судах. По всей России возводились виселицы, которые, увы, не бездействовали. Сатирический намек в журнале на эти события, очевидно, дошел до Столыпина. И. Д. Сытину — хозяину газеты и журнала объявили, что отныне печатание карикатур Е. Н. Косвинцева полностью запрещено. Чтобы спасти от дальнейшей расправы одного из активных сотрудников, Сытин срочно отправил Евлампия Николаевича в Екатеринбург корреспондентом «Русского слова». Так закончилась деятельность ведущего карикатуриста прогрессивных газет.

После революции Е. Н. Косвинцев возвращается в Москву, где работает инспектором труда, изредка помещая корреспонденции и стихи в «Бедноте» и провинциальных газетах. В 1922 году Евлампий Николаевич выехал на свою родину — Урал. Здесь он издает книгу своих стихов под псевдонимом Пимен Уральский, опубликованных в разных газетах в 1918—1922 годах.

В 1923 году Евлампий Николаевич был приглашен в «Правду». Ему была поручена ответственная работа по освещению в газете вопросов торговли, кооперации и экономической жизни — острых вопросов периода нэпа. Большую помощь он оказывал Марии Ильиничне Ульяновой в обучении профессии журналиста комсомольской и партийной молодежи, пришедшей на работу в газету.

Однако выступать с политическими карикатурами Евлампий Николаевич уже не мог. Он тяжело заболел и скончался в возрасте 53 лет.

...Прошло восемь десятилетий, а созданные Е. Н. Косвинцевым карикатуры, рассказывающие о политической борьбе начала века, служат яркой иллюстрацией грозовых событий русской истории.

Ю. КОСВИНЦЕВ

МИКРОЭЛЕКТРОНИКА — БОЛЬНОМУ СЕРДЦУ

На ежегодном съезде кардиологов в Атланте (США) был представлен самый маленький в мире сердечный стимулятор «НОВА-II». Этот прибор выполняет роль своеобразного дирижера, он «принуждает» сердце больного биться в заданном ритме. Уменьшение размеров таких стимуляторов — насущная задача медицины и медицинской инженерии. Миниатюризация стала возможна благодаря уменьшению источника питания прибора и применению микросхем нового поколения — тех самых, на которых базируется современная вычислительная техника.

На снимке: Самый миниатюрный в мире сердечный стимулятор «НОВА-II», он умещается в столовой ложке.

Телефото АП — ТАСС

МОИ ФУТБОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Николай СТАРОСТИН,
заслуженный мастер спорта

Николай Петрович Старостин — в прошлом капитан сборной СССР, один из основателей спортивного общества «Спартак», ныне начальник футбольной команды московских спартаковцев, заслуженный мастер спорта.

В преддверии XIII чемпионата мира по футболу в Мексике, куда направляется советская сборная, он привлекает внимание читателей к ряду актуальных проблем жизни и развития нашего футбола.

Материал публикуется в литературной записи журналиста Льва Филатова.

1. ПАМЯТЬ КАПИТАНА

Прежде всего я хотел бы объяснить свои намерения.

Предвижу, что читатель настраивается на мемуары: вся моя жизнь, прожитая в футболе, как бы само собой располагает удариться в воспоминания, изложить по порядку, не спеша, все, чему был свидетелем на протяжении шестидесяти семи лет своего стажа. Было у меня два годичных перерыва в непосредственной работе с командой, и в один из них, в 1966 году, я написал книгу «Звезды большого футбола», которая, насколько могу судить, мемуарного характера. А потом снова и по сей день я начальник команды московского «Спартака». Должность эта, смею уверить, такого рода, что не выберешь времени пойти в отпуск. Не для красного словца, а вполне точно могу сказать, что не брал отпуска лет пятьдесят. Так что ни эпическим настроением, ни значительным промежутком в занятиях я не располагаю.

Однако положение дел в нашем футболе не настолько благополучно, чтобы с легкой совестью ограничиться работой с одной своей командой и тешить себя сознанием, что оказываешь ей посильную помощь.

Я высокого мнения о возможностях нашего футбола, чувство это в крови, приобретено личным опытом игрока, опытом руководителя, наблюдателя, в известной мере и литературным опытом. Мне чужд нигилизм, которым заражена часть футбольных деятелей и болельщиков. Тем более огорчают меня так называемые узкие места, сдерживающие, искажающие естественное развитие футбола.

В стихийно возникающих устных перепалках чего только не наслушаешься! А вот публично, открыто, в прессе, как я замечаю, охотников высказываться не так уж много. Я имею в виду не журналистов, им, как говорится, карты в руки, а тех людей, на чьих плечах лежит наше дело. Игру команд и все то, что мы видим с трибун на зеленых газонах, обсуждать принято. Возникают и дискуссии, скажем, по вопросам тактики. Особенно голосистые отклики раздаются после обидных неудач.

Но футбол живет не на одном зеленом газоне. Он произрастает на почве, может быть, и скрытой от глаз зрителей, но решительно определяющей как достоинства игры, так и результаты. Почва эта, если выразиться коротко,— порядок и моральная атмосфера. Вот об этом я считаю своим долгом высказать ряд соображений. Мне это и ближе всего по роду работы.

Никогда не претендовал на роль публициста. Не умел, не умею и сейчас разложить все по полочкам и настаивать на своих доводах безоговорочно, не желая слушать возражений. Поэтому заранее скажу, что не намерен поучать, свои заметки рассматриваю как субъективные, наверное, и в чем-то спорные, буду удовлетворен, если они послужат кому-то поводом для размышлений.

Смолоду я был в окружении людей, знавших толк в спорте и в футболе, умевших постоять за собственные взгляды. У меня дома, сначала на Пресненском валу, потом на Спиридоновке, как у старшего брата постоянно собирались младшие братья — Александр, Андрей, Петр, все известные мастера футбола, сестры — Клавдия и Вера, игравшие в волейбол и русский хоккей в динамовских командах, но тайно, из верности семейному клану, болевшие за «Спартак», бывали мой партнер по нападению «Красной Пресни» Виктор Прокофьев, защитник Павел Тикстон, хавбек Станислав Леута, нападающий Петр Артемьев, игрок, затем тренер Петр Попов... В этом родственно-дружеском кругу авторитетов не существовало, истину искали сообща. Скорее всего тогда, в нашем домашнем клубе, я на всю жизнь запасся уважением к футбольному движению и одновременно уважением к мнению людей, зрело разбирающихся в разных сторонах нашего общего дела.

Как видите, меня все-таки ведет к воспоминаниям. Да и как без них, если перед моими глазами прошла вся история советского футбола! Я нисколько не преувеличил: впервые на настоящее поле, правда, примитивное, я вышел шестнадцати лет от роду, и было это весной 1918 года.

Поле называлось «Горючка», представляло из себя пустырь за нынешним зоопарком, а команда — РГО (Русское гимнастическое общество). Во второй команде этого общества я и дебютировал в качестве правого инсайда. Вкратце история такова. Мы с братом Александром начали бегать на коньках на Патриарших (Пионерских) прудах, где находился павильон РГО. Ответственный секретарь общества, конькобежец-спринтер Николай Тимофеевич Михеев был еще и ярым футболистом. Своего поля РГО не имело, да и команда была плохонькая. Мы с братом, знавшие всю округу, и указали Михееву на «Горючку». А пустырь тот, надо заметить, имел дурную славу, там собиралась местная шпана, картежники. Когда мы, футболисты, оккупировали пустырь, он сразу как бы облагородился. Так что футбол и тогда выполнял культурную миссию.

Спустя некоторое время РГО слилось с ОФВ (Общество физического воспитания) Краснопресненского района. Шли поиски наиболее подходящей структуры физкультурной работы, все тогда только складывалось, не раз переделывалось. Это было в порядке вещей, потому что и в спорте совершалась революция, на стадионы хлынул рабочий люд. У «Красной Пресни» был стадион (по нынешним меркам стадиончик, с деревянными трибунами тысяч на пять зрителей) на том месте, где сейчас здание издательства «Московская правда». Когда мне приходится бывать в районе бывшей «Горючки» или в редакции «Вечерней Москвы», я, можно сказать, подошвами чувствую те поля, на которых играл шестьдесят с лишним лет назад. Ничего узнать невозможно, а память живет и волнует.

Что представляла собой тогдашняя «Красная Пресня»? Это был небольшой клуб, объединявший людей, жаждущих играть в футбол. Весь наш, с позволения сказать, бюджет складывался от продажи билетов. В клубе каждому выдавали по одной футболке на год, и мы берегли ее как святыню. Остальное снаряжение приходилось покупать самим. Если команде предстояла поездка, чаще всего в Ленинград, наш руководитель Иван Тимофеевич Артемьев спрашивал: «На билеты наскребете?» И тут же предлагал сложиться в пользу тех, кто не мог «наскрести». Мы были бедны. Но не душой. Стадион был вторым домом, на игры и на тренировки ходили с женами и детьми, кто что мог несли в клуб, патриоты были мы отчаянные. Стадион наш не существовал, а жил. Среди нас был один, кому по карману оказывалось часто приезжать на стадион на извозчике. Все высыпали на улицу и кричали: «Едет, едет!» Я не могу об этом не вспоминать, когда вижу наш шикарный спартаковский «Икарус» и рядок «Жигулей» и «Волг», на которых прибывают на тренировку футболисты.

Всякий раз, когда вижу наши прекрасные стадионы пустующими, куда не пускают мальчишек, я вспоминаю ту уже не существующую, людную, кипящую бодростью «Красную Пресню».

Иногда я пытаюсь разобраться, как стало возможным, что футбол завладел мною безраздельно. Может показаться странным, но решающее значение имели наследственность, как теперь говорят, гены, и семейное окружение. Я и мои три брата вырастали под влиянием отца Петра Ивановича и дяди Дмитрия Ивановича, потомственных егерей. Они были людьми в своей профессии видными, в любом роде охоты знали толк. Про человека, который не прочь был покрасоваться охотником, не имея на то оснований, они отзывались коротко, как отрубали: «Он нашему богу — баран». Я на всю жизнь запомнил это выражение, оно часто, чаще чем хотелось бы, приходило мне на ум при встречах с людьми, корчившими из себя знатоков футбола и тщившимися на него влиять.

В профессиональной охоте было, как видно, немало общего с футболом: спортивность, азарт, мастерство, свои секреты, глубокое проникновение в тайны наряду с верой и в удачу. И был еще в ней дух честности, благородства. Браконьерство любой разновидности отвергалось и презиралось. В юные годы я, разумеется, об этом не думал, а позже понял, что мир

футбола, в который я вошел, стал для меня продолжением мира профессиональной охоты (профессиональной — это я подчеркиваю). Во времена моей юности футбол не был так именит, как сейчас. И тем удивительнее, что дядя мой, Дмитрий Иванович, относившийся поначалу к нашему увлечению пренебрежительно, с усмешкой, потом стал заядлым болельщиком, хотя и не хотел в этом признаваться. Афиши тогда до Пресненского вала, где мы жили, не доходили, и ему приходилось, словно невзначай, спрашивать меня: «А этот самый футбол когда опять у вас будет?» И посещал исправно нашу «Красную Пресню».

Предполагаю, что в нашей среде немало молодых людей иронически относятся к прошлому. Они с апломбом и почему-то со множеством иностранных слов распинаются о том, что футбол и в мировом масштабе, и у нас в стране во всех отношениях преобразился не раньше чем вчера и что все знания принадлежат им, они вершители прогресса и чуть ли не с них все и началось.

Что тут скажешь? Изменения в самом деле разительные. Но наивно думать, что все они свершились в последние годы. Они происходили постепенно, на всем протяжении истории советского футбола. Смею думать, что мне это особенно хорошо заметно.

Футбол наш получил едва ли не все, о чем можно мечтать. Грандиозные стадионы, учебные базы, оснащенные по последнему слову спортивной науки, сеть детских школ, раскинувшуюся по просторам страны, сотрудничество ученых и врачей, участие во всех международных соревнованиях, поддержку со стороны партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций. Футбол наш снаряжен, обеспечен, окружен заботой, обласкан. Миллионы людей посещают стадионы, а уж сколько их собирается возле телевизоров, кажется, точно не знает никто. Я побывал на стадионах многих стран и готов утверждать, что нигде не встречал такой благожелательной, справедливой, терпеливо ждущей лучших дней публики, как у нас.

Еще двадцать с лишним лет назад я имел формальное право стать пенсионером, устраниться от футбольных дел. Если бы это произошло, сейчас я, по всей вероятности, выглядел бы ворчуном, повернутым в прошлое, и мои доводы, основанные на сравнениях, казались бы, вероятно, читателям, особенно молодым, наивными. Но я работаю, и клуб наш — из числа ведущих, поставляет игроков в сборную СССР.

Само собой разумеется, кое-что из опыта двадцатых и тридцатых годов устарело. Я, например, застал времена, когда в командах не было тренеров и всем и всеми заправлял капитан. Сейчас это невозможно представить. Мне 23 года, я правый крайний нападения, мне в радость играть, забивать голы, и тут вдруг меня выбирают капитаном. Прежний, Иван Артемьев, перешел в «Динамо», полагалось бы — по авторитету — принять капитанство нашему знаменитому форварду Павлу Канунникову, а он ни в какую. Следующая кандидатура — моя. А мы, надо не забывать, все работали, я заведовал финансовым отделом московского представительства

1937 г. Братья Старостины. Александр, Николай (верхний ряд), Андрей, Петр.

Нижегородского губсельскредитсоюза.

Обязанность забивать голы за мной осталась. Ни тренировок, ни матчей, я, естественно, не пропускал. А как капитан я отныне должен был представительствовать в райкоме комсомола и в райисполкоме, вникать в нужды членов команды, хлопотать, чтобы их с работы отпускали на тренировки, вникать в семейные неурядицы, изыскивать способы помочь в случае материальных затруднений. На мне и самое деликатное дело — определять состав игроков на матч. Все мы товарищи, на поле равны, сражаемся, выигрываем и проигрываем, общие радости и огорчения. Я же — один из них — во многом влияю, кому сегодня выходить, а кому — в запас. В один миг все всплывает — честолюбие, обидчивость. Что могло выручить капитана? Только справедливость.

Позже капитанские обязанности перешли ко мне в сборных Москвы и СССР. Тут еще хлестче. Все «звезды», каждый — представительная фигура, и единственно, чего хотят,— чести быть в составе команды, честь была главной наградой. Прибавьте еще, что между москвичами и ленинградцами велось ревнивое соперничество: кого больше окажется в сборной. А я составляю список и везу его утверждать в совет физкультуры.

До сих пор, как будто это было вчера, помню, как набирался смелости заменить Михаила Бутусова во время матча в Турции. Шутка сказать, Бутусова! Он среди тогдашних «звезд» был «планетой», центрфорвард, бомбардир, без которого никто сборную СССР и не мыслил!

Как это произошло? Играем в Анкаре, и ничего у нас не клеится. Бутусов был человек на язык острый, юмор у него простонародный, его словеса только что с ног не сбивали. И принялся он на всех покрикивать. И на меня: «Капитан, чего молчком играешь!», и на судью (им был советский арбитр Владимир Васильев), и на Евгения Елисеева, хавбека, так что тот и бегать перестал, остановился. Совсем команда разладилась. Тут я не выдержал и заявил судье: «Бутусов заменяется!» И ему: «Михаил Павлович, прошу, иди успокойся!»

Там же, в Турции, в Стамбуле, мне не просто было на 12-й минуте при счете 0:2 удовлетворить просьбу такого видного по рангу вратаря, как Валентин Гранаткин, на замену его новичком из Харькова Александром Бабкиным.

Хорошо, что игру мы спасли — 2:2, а Бабкин сразу приобрел известность. Могло все кончиться и по-другому...

Что и говорить, по нынешним временам — несуразное дело, чтобы на одного из игроков взваливать такую ответственность. Вижу, читатель улыбается: не команда, а вольница.

Должен все же заметить, что выборные капитаны были авторитетами, им повиновались, ошибется тот, кто вообразит, что при том «способе правления» царила анархия. Нет, и дисциплина была, и играли от души, сил не жалея. И все на ходу решали, на поле во время игры, не дожидаясь подсказок в перерыве.

Но главное, что мне хотелось бы сказать в связи с этим воспоминанием, заключается в том, что опыт, приобретенный на заре советского футбола, ценен и полезен мне до сегодняшнего дня. Как бы внешне ни менялся облик футбола, внутренняя его жизнь во многом остается неизменной. И чем ярче футбольная индивидуальность, тем труднее, сложнее человеческий характер. Умение повлиять на него остается вечно актуальным. Примем во внимание и то, что сложные характеры проявляются в пороховых условиях борьбы, конкуренции, неизбежных поражений, когда вырываются наружу эмоции. Капитан ли раньше, начальник команды и старший тренер сегодня одинаково должны уметь управлять отношениями в команде.

На посту начальника команды я нахожусь с конца 1954 года. Думаю, такого стажа нет больше ни у кого. Точнее будет сказать, что в большинстве команд начальники меняются еще чаще, чем тренеры, и уходят, не оставив ровно никакой о себе памяти. Словно их и не было. Говорю об этом не только с огорчением, а и с тревогой. Глубоко убежден, что в современных условиях наряду с квалифицированным тренером в командах совершенно необходим авторитетный, знающий, влиятельный начальник.

Не могу похвастаться, что коротко знаком с положением дел в других командах, чтобы определенно отозваться о своих коллегах. Думаю, что в свое время на месте был в должности начальника команды в московском «Динамо» Лев Яшин: он всецело предан футболу, знает его подноготную, уважителен и требователен к игрокам, личный его пример безукоризнен, и все это должно было влиять на нравственную сторону жизни команды. Не сомневаюсь, что в успехах, в подъеме минского «Динамо» немалая заслуга начальника команды Леонида Гарая, так же как и Геннадия Жиздика в «Днепре». Иначе быть не могло, крутые изменения к лучшему в судьбе любой команды возможны лишь при объединении усилий, при разумном разделении труда. В чудесные перевоплощения не верю.

Так в чем же загадка моего стажа? Вопрос чрезвычайно серьезен, имеет значение для всего нашего футбола, поэтому попытаюсь на него ответить, опираясь на свой опыт.

Во-первых, да будет мне позволено сказать, что я почти досконально знаю футбол. «Почти» — это не дань приличию или скромности, а знак моего уважения к футбольному занятию, которое, как его ни постигай, то и дело подкидывает небывалые ситуации, конфликты, перед которыми сначала становишься в тупик, а потом, хочешь не хочешь, ищешь выход. Так сложилась жизнь, что футбольную Волгу мне пришлось пройти от Валдая до Каспия. И не на теплоходе, а по-бурлацки, с бечевой.

Во-вторых, и тут опять приходится сказать, что так сложилась жизнь, мне смолоду довелось включиться в деятельность организаторского, административного плана и вести ее по сей день. Не знаю, может быть, были у меня для нее какие-то данные, но более всего учила и закаляла сама работа. Я имел честь быть одним из создателей общества «Спартак» и одним из его руководителей, оставаясь игроком.

Представьте себе такую картину. Наша загородная база в Тарасовке. В шесть утра на футбольном поле появлялись трое: один из тренеров, Владимир Иванович Горохов, десятилетний мальчонка Сережа Сальников, живший неподалеку, впоследствии знаменитый нападающий, и ваш покорный слуга. До восьми мы трое в поте лица тренировались. Потом я отбывал в Москву, на службу, как ответственный секретарь московского общества «Спартак», в ту пору создававшегося. Было это летом 1934 года, я продолжал играть в команде мастеров, хотя и подумывал, что пора заканчивать, благо на мое место на правом краю с полным основанием претендовал Георгий Глазков. Какое-то время мне приходилось совмещать игру с хлопотной, но увлекавшей меня организационной работой.

В этой связи не могу не упомянуть, что мне довелось еще раз пригодиться «Спартаку» на поле, в 1937 году, когда мы выезжали на рабочую Олимпиаду в Антверпен. И надо же было так случиться, что один за другим у нас стали выбывать основные игроки — Александр Старостин, Виктор Семенов, Владимир Степанов, получавшие повреждения, просто злой рок какой-то, ничего подобного я никогда больше не наблюдал. Пришлось мне, руководителю делегации, разоблачаться и натягивать футболку. Кроме меня, мобилизован был гимнаст Михаил Дмитриев, которого определили правым хавбеком. В таком неожиданном составе мы провели полуфинал со сборной Каталонии (2:1) и финал с норвежцами (2:0). И выиграли турнир. Меня выручило, что, работая в горсовете «Спартака», я продолжал поигрывать за команду «старичков», были тогда такие. До сих пор горжусь, что был правым крайним в команде, где левым крайним играл молодой Григорий Федотов, игрок редкостный, неповторимый. Ни одного матча с его участием я не позволял себе пропустить. Мы из Антверпена переехали в Париж и там вновь провели матч с той же сборной Каталонии, похожей на знаменитую команду басков, столь известную по турне в нашей стране. Победили — 2:0. То был мой последний матч.

Минувшим летом в той же Тарасовке я вышел размяться на поле. Спустя четверть часа доктор меня выпроводил, но я успел удостовериться, что мяч меня слушался, техника, оказывается, не забывается и по прошествии многих-многих лет. Футбол, как видно, коренится не только в душе и памяти...

Иногда меня спрашивают: а не утомительна ли, не приелась ли такая, по сути дела, непрерывная, бесконечная служба? Наверное, утомительна. Но она вошла в плоть и кровь, я ее не мыслю как нагрузку, она для меня привычка — вторая натура. Футбол, начавшись с увлечения, стал даже не профессией, а чем-то большим, чуть ли не смыслом жизни. Поэтому, наверное, никакая организаторская, хозяйственная работа мне никогда не в тягость. Наоборот, она позволяет считать себя человеком небесполезным.

И, наконец, в-третьих, выручает меня как начальника команды то, что я в молодые годы окончил коммерческое училище братьев Мансфельд и по образованию финансист.

У нас, неизвестно почему, не принято касаться финансовых вопросов. Их обходят, чуть ли не стыдятся. А они между тем с большой достоверностью отражают игру команд и то, как с командами работают. Разве не приятно, что «Спартак» не только покрывает все расходы, но и перечисляет на свой накопительный фонд ежегодно по 200—250 тысяч рублей? Благодаря этому мы не только оплачиваем свои нужды, но и оказываем поддержку хоккейной команде своего общества и команде второй лиги «Красная Пресня». Удается это потому, что на «Спартак», как говорится, ходят.

Не собираюсь выставлять заслуги нашего клуба. Напротив, убежден, что спартаковцы могли, даже должны были в большей мере оправдать надежды своих болельщиков: мы не сумели после чемпионата 1979 года ни разу выиграть золотые медали, хотя нам это было по плечу. Но все же начиная с 1977 года, когда «Спартак» оказался в первой лиге (к этой истории я еще вернусь), и до нынешнего года клуб наш, как правило, имеет что предложить зрителям.

Так что финансовая статья, как видите, не сама по себе, не нейтральна. Куда как приятнее считать прибыли, чем изловчаться покрывать недостачи. В трех лигах у нас 193 команды. Далеко не все из них способны существовать без дотации, им приходится помогать.

Продолжение следует.

ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ

В разгар лета с 4 по 20 июля 1986 года в нашей стране состоятся первые в истории мирового спорта Игры Доброй воли. Они будут проводиться по восемнадцати видам спорта в соответствии с соглашением, подписанным Гостелерадио СССР и Спорткомитетом СССР и американской телекомпанией «Тренер Бродкастинг Систем» при участии и поддержке НОК США и национальных спортивных федераций.

Уже в самом названии этих крупнейших международных соревнований заложена глубокая символика. Спортивная общественность двух наиболее могущественных и влиятельных государств, выступившая инициатором этих соревнований, пригласила участвовать в них сильнейших атлетов планеты.

Побывавший недавно в Москве президент Международной ассоциации спортивной прессы (АИПС) Фрэнк Тейлор (Великобритания) сказал: «АИПС расценивает Игры Доброй воли как крупнейшую миротворческую акцию спорта в нынешнем году, который объявлен ООН Международным годом мира. Спорт — весомый инструмент в этом деле. Ведь не зря его называют послом мира. Я с радостью принял приглашение быть представителем нашей ассоциации на Играх Доброй воли. Вне сомнения, не дублируя и не копируя Олимпиады, Игры Доброй воли станут их дополнением, развивая и укрепляя исповедуемые олимпийским движением идеалы мира и дружбы между народами».

Советские и американские спортивные и общественные организации договорились о проведении Игр Доброй воли каждые четыре года. Первые Игры пройдут в СССР в Москве, Таллине и Юрмале (Рига).

Программа этих соревнований обширна. В Москве выступят команды по баскетболу, боксу, велоспорту, плаванию, прыжкам в воду, водному поло, гандболу, дзюдо, современному пятиборью, академической гребле, легкой атлетике, волейболу, тяжелой атлетике, вольной борьбе, спортивной и художественной гимнастике. В Таллине будет проведена парусная регата, а в Юрмале — турнир по теннису. Кроме того, будут организованы показательные выступления по фигурному катанию и матчи сборных команд СССР и Европы по мотоболу.

Для участия в соревнованиях направлены приглашения двум с половиной тысячам сильнейших зарубежных атлетов более пятидесяти стран. Телекомпания Ти-би-эс сообщила, что она намерена привезти около 500 лучших атлетов США. Восемнадцать американских федераций по отдельным видам спорта подтвердили свое участие в Играх Доброй воли, причем все их спортсмены будут отобраны по результатам национальных первенств, которые пройдут до начала Игр. Сейчас, когда до Игр осталось более трех месяцев, о своем желании принять участие в них сообщили национальные спортивные федерации по видам спорта более 35 стран.

Спортсмены СССР и США не встречались в крупных комплексных соревнованиях по летним олимпийским видам спорта почти десять лет — с 1976 года, когда они участвовали в Олимпиаде в Монреале. Игры Доброй воли призваны способствовать расширению и упрочению спортивных связей наших двух стран, росту и укреплению добрососедства и взаимопонимания между народами всех стран.

Альберт ЛЕЙКИН,
член редакционной коллегии журнала АИПС «Международный спорт»

Н. Ромадин. СЕВЕР. КРАСНЫЙ ФИОРД. 1958.

Курская областная картинная галерея имени А. А. Дейнеки.

Н. Ромадин. КРАСНЫЙ ИНТЕРЬЕР. 1958. Государственная Третьяковская галерея.

Литературные заметки

Д. ИВАНОВ

ВРЕМЯ ПРИШЛО

С каким-то «печальным» удовлетворением перечитываю я те страницы романа Виктора Астафьева «Печальный детектив» («Октябрь» № 1, 1986), где отставной офицер милиции Леонид Сошнин (отставник в 42 года, после тяжелейших увечий от своих «клиентов») «размазывает» трех нарвавшихся на него подонков... Слишком уж часто не встречает нечисть теперь отпора, донельзя сообща распустили мы ее, а она распустила свои хамские, разбойные ручищи. Вот и эти трое, поднатоРевшие, числом, иль силой, иль ножом угрожая, беспричинно измываться над первым встречным и даже готовые ни за что убить, лишить самого дорогого — жизни...

Астафьев именно в этой краткой, но, может быть, центральной сцене своего первого (!) романа с присущим ему умением «густописания» знакомит нас со своим героем, внешне неказистым, незаметным; успевает живо показать Сошнина в такой его неэстетичной, неблагодарной, такой смертельно опасной работе... Успевает на этих трех-четырех страницах не просто живописать типы обнаглевших от непротивления нелюдей, но и почти задушить нас ужасом и омерзением от разлившихся в них злобы на весь мир и презрения ко всем людям,—и тут же еще придавить решающим вопросом: откуда, откуда это в них?

Леонид Сошнин этими вопросами, этой злобой, этим презрением переполнен, от них он уже сплошной комок нервов, он вот-вот может сам ожесточиться,— но он перебарывает, пересиливает себя, он просто даже насмехался над собой, над всей такой жизнью: «Испортить эту экзотическую харю, что ли?— подумал Сошнин.— В сетке бутылка с молоком, банка с компотом... Око за око, зуб за зуб, подлость за подлость, да? Да! Да! Однако далеко мы так зайдем... И молоко жалко на этакую погань тратить. И цыпушку жалко, она, бедная, и так воли не видела, не оформилось ее молодое, инкубаторское тело до плотской жизни — и этакой-то невинной птичкой да по такой развратной роже!..»

Этот настрой, этот тон — грубо-насмешливый, чуть ли не несерьезный, а на самом деле надрывный, едва сдерживаемый — пронизывает весь роман, любой его образ, характер, сценку и даже фразу. И с этим раскачивающимся от смертельного ужаса до гневного сарказма тоном постоянно чувствуешь себя, как на качелях: устремляясь вверх-вниз, дергаясь туда-сюда, взлетая к небу и падая на землю... Похож роман на немалый ряд самых значительных книг или весьма отличен? Спешил Астафьев с ним или, наоборот, писал очень долго? Вообще, состоялся роман или это лишь подходы к нему? Наконец, правда ли то, что представил нам писатель, или это только фиксация реальности, взятой с ее частной, с мрачной, с гнетущей стороны?

Да, страница за страницей тяжким камнем ложатся впечатления, наблюдения и знания «печального детектива».

...Как четверо парней надругались, «снасиловали» старую, седую женщину: «четверо молодцов не могли потом вспомнить: где были, с кем пили, что делали? Все четверо плакали в голос на следствии»... А когда им присудили положенное, эта же самая женщина, тетя Граня, что говорила Сошнину? «Неладно мы с тобой, Леонид, сделали... Четыре молодые жизни погубили... Такие срока им не выдержать. Выдержат — уж седыми мушшынами сделаются... А у их, у двоих-то, у Генки и у Васьки,— дети... Эти поганцы... обмуслякали, в грязе изваляли... отстиралась бы...»

...Как один «добрый молодец, двадцати двух лет от роду, откушав в молодежном кафе горячительного, пошел гулять по улице и заколол мимоходом трех человек». А когда его с дружками словили, «граждане в ропот, сгрудились, сбились в кучу, милицию в кольцо взяли, кроют почем зря, не давая обижать «бедных мальчиков»... «И это середь бела дня, середь народа! А попади к им туда-а...» А там, «в отделении как раз чинил телефоны давно уже вышедший на заслуженный отдых, но от нужды прирабатывающий к пенсии бывший командир отделения морских пехотинцев, переколовший ножом фашистов больше, чем его дед, поморский рыбак, острогою рыбы.

«За что ты убил людей, змееныш?» — усталым голосом спросил он «кенаря».

«А хари не понравились!» — беспечно улыбнулся тот ему в ответ.

Старый вояка не выдержал, схватил убийцу за горло, свалил на пол. Едва отобрали добра молодца, который вопил на целый квартал: «Бо-о-ольно! Не имеешь права! О-о-ой! Отпусти-ы-ы!» И потом невинно лупил глаза на следователя: «Неужели меня расстреляют? Вышка?! Я ж не хотел...»

...Как «одна мамуля совсем уж хитро решила избавиться от сосунка — засунула его в автоматическую камеру хранения на железнодорожном вокзале. Хорошо, что вейские милиционеры знают всех бывших и здравствующих специалистов по замкам, и один матерый домушник, живший по соседству с вокзалом, быстро открыл сундучок камеры, выхватил оттудова сверток с розовым бантиком, поднял его перед негодующей толпой: «Девочка! Крошка-дитя! Жись посвящаю! Жись! Ей,— возвестил домушник.— Потому как... А-а, с-суки! Крошку-дитя!..» — Дальше говорить этот многажды судимый, ловимый, садимый страдалец не смог. Его душили рыдания. И самое занятное — он действительно посвятил жизнь девочке, обучился мебельному делу, трудился в фирме «Прогресс», где и отыскал себе сердобольную жену, и так они оба трясутся над девочкой, так ее лелеют и украшают, так ли ей и себе радуются, что хоть тоже в газету о них пиши заметку под названием «Благородный поступок».

И таких мрачных зарисовок в небольшом, можно сказать, маленьком, но очень насыщенном жизнью и людьми романе Астафьева и еще сколько угодно,— и необязательно из сфер, близких профессии Сошнина; вот, например: «На темном полу, искрошенном в труху на стыках, в выдавленной из щелей никотинно светящейся жиже, стояли и тупо глядели на пришельца несколько больных телят, не мычали, корма не просили, лишь утробно кашляли, и казалось, само глухое, полутемное пространство скотника выкашливало из себя в сырую пустоту пустой же вздох без стона, без муки. Ни к чему и ни к кому эти старчески хрипящие животные не проявляли никакого интереса, лишь вдали, где-то в заглушье, подал вялый голос теленок и тут же смолк в безнадежности, послышался едва слышный хруст, будто короед начал работать в бревне, под заболонью: теленок, догадался Сошнин по изгрызанным жердям перегородок, кормушек и стен, грыз прелое дерево скотника. Еще один теленок, сронив жердочку, вышел из размичканного в грязь загончика, лежал на склизкой тесине, а другой теленок, свесившись через перегородку, сосал или жевал его ухо, пустив густую длинную слюну».

А чего стоит картина вокзальных проводов столичного «сиятельства», осчастливившего местных хозяйственников в награду за новаторский старокупеческий прием необходимыми материалами, которых, однако, не дождутся теперь в других городах и весях...

Именно эта р е а л ь н а я к о н ц е н т р а ц и я з л а, «неудобной», «нехорошей», «бессмысленной» правды, существующих сегодня в жизни,—смердящих, разлагающих, смертоносных,— о т л и ч а е т астафьевский роман. Писатель решается показывать то, от чего чаще отводили глаза, что слишком наболело, накипело — и прорвало!

Прорвало потому, что в романе есть герой, активно всему этому злу противостоящий.

Да, Сошнин не просто человек героической профессии. Он настоящий г е р о й, защитник добра без страха и упрека, не уклоняющийся от долга рисковать собою. Это у него и в характере, и, что важнее, так Сошнин научил себя жить,— помня прежде всего о других. Так он и действует, так поступает.

И одновременно он человек мыслящий, взыскующий правды, ломающий голову над нынешними от правды отклонениями и над вековечными вопросами, изводящий себя их безответностью и мучающийся перед их лицом своими неспособностью, неумелостью, непониманием... Ведь при всем при том он человек самый обыкновенный, простецкий, если не от сохи, так от железнодорожной будки, только-только начинающий «поднимать пласты культуры». (Астафьев в своем наполовину сказовом, глазами и устами Сошнина увиденном и явленном повествовании так и пишет временами — полукультурно, языком своего героя.)

И наконец, Сошнин истинно живой человек, живой характер. И в то же время это уже и литературный тип, чья фигура порою способна, думается, тревожить в памяти великие тени самых могучих художественных созданий — от Дон Кихота и Гамлета до «героя нашего времени»...

Но, безусловно, есть решающее, чего ему не хватает,— б е с с т р а ш и я мысли. Герой Астафьева не берется отвечать за открывающуюся ему действительность. Не способен он и спросить с людей, той или иной стороной отвечающих за неблагополучие жизни, которая столь часто его не радует, не удовлетворяет.

Да их и нет, таких людей, в романе. Как нет и эпизодов, где бы Сошнин пасовал. А он ведь пасует — даже перед своим товарищем по профессии Федей Лебедой, «напарником по

училищу и многим дежурствам»,— но сказано об этом лишь намеком:

Федя Лебеда «жил справно и ни разу не то что не ранен, но даже не поцарапан. На участке у него дача почти в три этажа, да вся в резьбе, каминчик даже есть, в керамическом ободке, и керамика цветом, формой и колером напоминает ту же, какою безвкусно, зато дорого облицовано здание областного управления внутренних дел. На даче Феди Лебеды много музыки, цветной телевизор, машинешка, хоть и «Запорожец», но все же своя — все, как у добрых людей, и все как будто не уворовано, не унесено, все на бедную милицейскую зарплату приобретено. «Жить надо уметь!» — заявляет пьяненькая Тамарка, жена Феди Лебеды, работающая официанткой в ресторане «Север».

Тамарка-то заявляет, да вот Леонид-то молчит...

Роман «Печальный детектив» вынашивался явно долго. Это видно уже по времени его действия, которое даже на заключительной стадии, в пору непосредственно разворачивающихся в нем событий, относится не далее как к концу минувшего десятилетия. (Кстати, и недавний распутинский «Пожар», если посчитать, тоже, оказывается, не переступил этого рубежа, хотя звучит, несомненно, гораздо ближе к нашим дням.) Но, с другой стороны, Астафьев явно спешил с этой книгой.

То и дело заметны оборванные нити сюжета, почти ни с чем не связанные лица, явно вырванные из какого-то большего произведения, раз за разом натыкаешься на непродолженное и недосказанное. Осталась почти «за кадром» чуть ли не пятнадцатилетняя непростая супружеская жизнь Сошнина с его благоверной Леркой, хотя на последней странице как раз в семейной гавани ищет себе покоя, уверенности и согласия астафьевский герой. Чувствуется, что писателю было невмочь больше ждать, важно было сказать свое слово именно теперь, сейчас... Сегодня о б н а ж е н н а я правда пока еще редкость, а завтра она может стать нормой, сегодня самый серьезный разговор о подлинной жизни все еще нечаст, а завтра будет обязательным.

И опять же... Уже Абрамов сжег себя в яростных атаках против неправды и приспособленчества, лакировки и безответственности.

Уже прозвучали сказанные Носовым, как всегда, надежные и веские слова: «Правда — это важнейший компонент человеческой среды обитания, как, скажем, земля или воздух.

Растение, выросшее в тепличных условиях, то есть в искаженной среде, как правило, не может существовать или долго перебаливает в открытом грунте. А открытый грунт — это и есть сама жизнь, ее не прикрытая полиэтиленовой пленкой правда.

Для человека тепличная среда еще более опасна. Опасна не только для самого теплично возросшего, но и для окружающего его общества. Ибо теплица — вовсе не уютный уголок благоденствия, как иногда кажется, а вредоносная сфера, растлевающая человеческое сознание и душу. Человек, воспитанный на тепличной материальной и духовной неправде, социально патологичен. Поведение его непредсказуемо».

Уже написан Распутиным «Пожар», где плоды «материальной и духовной неправды» осязаемо страшны, где истым защитникам добра и верным споспешникам зла только и остается вот-вот подняться стенкой на стенку; где писатель мучается вопросами, как же так получилось, что дошли мы до такой жизни, когда и грань-то между злом и добром начала стираться.

Сходство астафьевского Сошнина с распутинским Иваном Петровичем Егоровым, может быть, особенно разительно.

«И прежде чувствовал Иван Петрович, что силы его на исходе, но никогда еще так: край, да и только... Нет, не несли больше ноги, даже и домой не несли» — так начинался «Пожар». А вот первые строки «Печального детектива»: «Леонид Сошнин возвращался домой в самом дурном расположении духа... Пусть ноет раненая нога, зато ходьба его успокоит и он обдумает все... обдумает и рассудит, как ему дальше жить и что делать».

А вот как Распутин заключал свою повесть о Егорове: «...В себе он чувствовал пустоту и однозвучность. Согласие это было или усталость, недолгая завороженность или начавшееся затвердение — как знать!..»

Заканчивался «Пожар» словами: «Молчит, не то встречая, не то провожая его, земля».

Готовя отдельное издание повести, Распутин уточнил мысль:

«Молчит земля.

Что ты есть, молчаливая наша земля, доколе молчишь ты?

И разве молчишь ты?»

Родная земля, конечно, не молчит. Она, конечно, отзывалась и еще отзовется и Егорову, и Сошнину. Но и усталость, которую они еще пять лет назад почувствовали, от них уже никуда не денется, останется в их душах. В Сошнине, который по меньшей мере десятью годами моложе Егорова, ее накопилось даже куда больше — с его-то знанием жизни, в которой «идет, бредет, «бегит», живет, пляшет, веселится, плачет, ворует, жертвует фамильными ценностями и собой, рождается и умирает всякий разный народ, много народу, много земли, много лесу...». Усталый, изнемогающий детектив — так тоже мог бы назвать свой роман Астафьев.

...Еще когда беловский Иван Африканович из «Привычного дела» — один из первых истинно художественных характеров наших п о с л е в о е н н ы х современников — завершал очередной свой жизненный круг привычным, но и тяжко выстраданным умозаключением: «Жись. Жись, она и есть жись,— думал он,— надо, видно, жить, деваться некуда».

Минуло двадцать лет — и другой Иван, теперь распутинский Егоров, снова приходит к тому же: «— Будем жить,— только и переставив те же самые слова другим порядком, ответил Иван Петрович».

А что же астафьевский герой?.. «...Все-все это было до них и будет после них,— все это жизнь, все это р е а л ь н о с т ь, товарищ Сошнин. Вот и осмысли ее, п о д н и м и с ь до понимания п р а в д ы жизни...» (Разрядка моя.— **Д. И.**)

Итак, вновь с о г л а с и е с жизнью: все-все в ней было, есть и будет,—но и желание, задача, потребность о т к р ы т ь в н е й п р а в д у.

Сошнин мучается этой задачей потому, что в романе он не только отслуживший милиционер, но и одновременно начинающий писатель.

И ею же мучается сам Астафьев.

Правда в жизни, как и правда в искусстве, есть соотношение реальности и идеала. Хорошо сказал Сент-Экзюпери: «Правдой для человека является то, что делает его человеком». До такой правды человеку действительно требуется подниматься и подниматься. А писателю необходимо такую правду о т к р ы в а т ь.

Широко известны чеховские слова: «Требуя от художника сознательного отношения к работе, Вы правы, но Вы смешиваете два понятия: **решение вопроса** и **правильная постановка вопроса.** Только второе обязательно для художника. В «Анне Карениной» и в «Онегине» не решен ни один вопрос, но они Вас вполне удовлетворяют, потому только, что все вопросы поставлены в них правильно».

Но что есть «правильная постановка вопроса», как их различить — правильную и неправильную?

Самому Чехову эта проблема, кажется, и не представлялась первостепенной. Во всяком случае, тогда же, почти ровно сто лет назад, он писал: «Мое дело только в том, чтобы быть талантливым, т. е. уметь отличать важные показания от не важных, уметь освещать фигуры и говорить их языком... Пишущим людям, особливо художникам, пора уже сознаться, что на этом свете ничего не разберешь, как когда-то сознался Сократ и как сознавался Вольтер... Если же художник, которому толпа верит, решится заявить, что он ничего не понимает из того, что видит, то уж это одно составит большое знание в области мысли и большой шаг вперед».

Сегодня художнику мало быть только талантливым, сегодня — как и раньше, как и всегда — от него ждут активного стремления, поиска правильной постановки вопроса — лишь на этом пути он может подняться до открытия правды, лишь тогда будет новый шаг вперед.

Астафьевский Сошнин остановился перед этим шагом, перед этим открытием. И сам писатель — тоже. Ему хватает бесстрашия о б н а ж и т ь жизнь, обнажить п р а в д у — и тогда его герой соглашается с жизнью. А требуется н е с о г л а с и е. Требуется не п р и н я т ь очередной бой, а подняться на борьбу.

У Сошнина есть для этого силы, всегда было и желание. Требовалось время.

Время пришло.

Любовь ЮНИНА

МАЛЕНЬКАЯ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

В ЧУ

Выйдя на улицу, Ефросинья Викентьевна некоторое время постояла около подъезда, разглядывая окна дома, где жил Гнедков. На складном стуле, поставленном рядом с подъездом, сидела большая старуха в толстом осеннем пальто, покойно сложив на коленях руки. Подумав, Ефросинья Викентьевна прислонилась к стене, наклонилась, сняла туфли, провела рукой по стельке.

— Гвоздь?— спросила старуха, разглядывая Кузьмичеву. Она явно скучала и была рада любому собеседнику.

— Что-то колет. Придется пойти к сапожнику.

— А он вон! Напротив! Левое окно от подъезда. Постучи, мигом тебе сделает.

— Сапожник?

— Федя его зовут. Федор Абрамович. Частник. Ты не из милиции? А то он без патента.

— Я не из милиции,— заверила Ефросинья Викентьевна, хотя только что хотела сказать, что она именно из милиции, и расспросить кое о чем старуху.

— Так он чинит обувь?

— Ой, как чинит! Прямо новенькие делает. По-старинному, на совесть. Теперь таких мастеров уж и не осталось. Он на пенсии сейчас. И не работал бы — много ли им со старухой надо! Сто раз зарекался: все, баста, мол! А соседи пристают: почини да почини. У Феди душа добрая. Отказать не может. Он сейчас обедает, раз занавеска опущена. А как поднимет, ты и иди. Прямо в окошко стучи. Старуха в дом не пустит, чтоб полы не пачкали. Лучше его никто не сделает.— Женщина вздохнула.— Сижу тут как справочное бюро. Скучаю. К внуку ребята пришли. А у меня от шума голова болит.

— Вообще-то у вас дом, как показалось, тихий,— заметила Кузьмичева.

— Тут одно старье вроде меня живет. Да внуки малолетние. Из молодежи-то Зоська с Нукзаром да Леня с Марьяной.

— Красивое имя — Марьяна.

— И девушка неплохая. Да что толку: живет, как в поле обсевок. Замуж пора. А без матери кому о ней забота.

— И что ж, никто не ухаживает за ней?

— Ходит тут один... Спрашиваю: скоро на свадьбу позовешь? Какая, говорит, свадьба! Это сослуживец.

Ефросинья Викентьевна поглубже засунула руки в карманы, переводя взгляд с окон Гнедкова на окна сапожника. Сапожник-то тоже мог что-нибудь заметить.

— Долго что-то ваш дядя Федя обедает.

— Подожди, сейчас откроет. Вот торопыга. Ох, молодые... Бегут, спешат. А куда? Все одно там будем.

«Мне совсем не нужно, чтоб старуха видела, как я буду разговаривать с сапожником,—

Окончание. См. «Огонек» №№ 11—13.

подумала Кузьмичева,— через окно неудобно, а входить в дом у нее на глазах — лишнее».

Но старуха пришла ей на помощь.

— Раз уж так спешишь, пойди позвони в квартиру. Небось, тебя она пустит,— не стоять же тебе на одной ноге на тротуаре, пока он гвоздь прибьет.

— Ой, спасибо за совет! — сказала Кузьмичева и побежала через дорогу к подъезду.

Позвонила. Дверь открыл сухонький лысый старичок в серой косоворотке, надетой навыпуск.

— Здравствуйте, Федор Абрамович. Можно войти?

— По какому делу?— спросил старичок, не двигаясь с места.

— Я из милиции, но, Федор Абрамович, мой визит не имеет никакого отношения к ботинкам, которые вы чините. Нам нужна ваша помощь.

Лицо Федора Абрамовича выразило веселое недоумение, он отступил в сторону, пропуская Кузьмичеву, повел рукой.

— Пожалуйста. А милиции я не боюсь. Мой прибыток — пара рублей в день от силы. Это соседи милиции боятся: если я закрою лавочку — им за два квартала ходить придется. Только документик мне ваш покажите.

Они вошли в большую, светлую, очень чистую кухню. Кузьмичева достала удостоверение, протянула старику. Тот нацепил на нос очки, покачал головой, вернул книжечку.

— Капитан, значит. Надо же! Мужиков-то что, не хватает в милиции?

— Почему же?— растерялась Ефросинья Викентьевна.

— Не женским делом занимаетесь.

Кузьмичева промолчала.

— Так слушаю я вас, капитан,— проговорил Федор Абрамович.

— Вопрос у меня деликатный, и я прошу вас о нашем разговоре никому не рассказывать. Вы, наверное, слышали, что в доме напротив ограбили квартиру?

— Болтают,— проговорил Федор Абрамович.

— Вы у окна сидите весь день... Не замечали чего-нибудь подозрительного?

— Сижу-то я у окна, да гляжу-то на башмаки. Что там на улице, я не вижу.

— Меня никто не спросит, а старуха и дочка уехали. До вечера не будет.

Когда Кузьмичева вышла из подъезда, женщины в толстом осеннем пальто уже не было. Увидев телефон-автомат, она вошла, нашла монетку, набрала номер.

— Валя,— попросила Ефросинья Викентьевна.— Ступай сейчас в «Гастроном», где работает Русакова, выясни, не трудится ли там с ней вместе темноволосый молодой человек и что он из себя представляет.

— Хорошо,— ответил Валентин.— Был Гнедков. Юрганова на фотографии он не опознал.

«Ключ,— думала Кузьмичева, шагая по улице.— Экспертиза категорически утверждает, что дверь открыта старым ключом, а не сработанным заново. Никаких свежих царапин. Ничего. Ключ... Может быть, Ирина обронила его все-таки на площадке? А Русакова подобрала его».

Вернувшись из «Гастронома», Петров сообщил Ефросинье Викентьевне, что никаких молодых чернявых работников он там не обнаружил. В основном там работают женщины, за исключением директора, немолодого армянина, толстого мясника и двух вечно полупьяных грузчиков.

— Давай рассуждать,— сказала Кузьмичева.— Если он провожал ее домой, значит, он работает где-то рядом. Иначе он просто приходил бы к ней домой. Гнедков же утверждает, что иногда они расставались, а иногда входили в подъезд.

— Допустим,— согласился Валентин.

— Какие-нибудь учреждения есть вокруг?

— Никаких. Жилые дома.

— Может быть, они по дороге встречались?

— Может быть,— флегматично ответил Петров, открыл блокнот и стал рисовать фломастером котов. Спины у котов были прямые, а хвосты они держали параллельно земле.

— Что хочешь думай обо мне,— проговорил Валентин,— но я уверен, что Тоня Рогожина как-то причастна к этому делу.

Ефросинья Викентьевна вытаращила на него глаза.

— Ну, ты даешь!

— Откуда Русакова знала истинную ценность икон? Ничего она в этом не понимает. И зачем они ей? А Тоня кому-то натрепала, и этот кто-то уже вышел на Русакову.

— Анна Львовна,— сказала Кузьмичева,— мне бы хотелось знать, кто бывает у вас дома.

— Много народа,— засмеялась Курдюмова,—и ко мне подружки заходят и к дочке.

— А какие подруги у дочки?

Курдюмова насторожилась.

— То, что меня интересует, к вашей дочери отношения не имеет.

— В основном это девочки, с которыми она учится в институте.

— А вне института у нее есть подруги?

— Ну, ходит к ней Варя Петровская, они еще со школы дружат. Зина.

— А Марьяна Русакова? Такая не бывает?

— А как же! Забегает. Они с Галей вместе в школе учились, только в разных классах. Раньше они особенно не дружили. А недавно Марьяна зашла, попросила меня кофточку ей скроить. А потом стала заходить. Нас нет, у соседки Шуры посидит. Иногда в магазин ей сбегает, пол подметет. Хорошая, уважительная девушка. Без матери выросла. Я жалею ее.

— А когда была последний раз?

— Когда? Дня два назад, по-моему. Уж и не помню.

В кабинет к Королеву Ефросинья Викентьевна почти влетела и даже не обратила внимания на то, что он вовсю дымил своей сигарой.

— Вы правы, Петр Антонович,— задыхаясь от быстрого бега, сказала она.— Юрганов тут ни при чем.

— А я разве утверждал, что Юрганов ни при чем? — удивился Королев.

— Я видела, что вам не нравится эта версия. Скорее всего дверь открывали ключом домработницы. И она могла взять его, попользоваться и положить обратно.

— Кто она?

— Марьяна Русакова. Соседка Рогожиной. Девушка под зонтиком.

— Так-так,— заинтересовался Королев.— Ну, а этого, с портфелем, высчитали?

— Пока нет. В «Гастрономе», где она работает, его никогда не видели. Теперь надо поговорить с ее подругами, кто-нибудь ведь знает его... Ой! — вскрикнула она, взглянув на стенные часы.— Восьмой час. В детский сад опаздываю, воспитательница убьет меня.

Кузьмичева метнулась к двери.

ЖОЙ КВАРТИРЕ

— Ну вот не обращали ли вы внимания на такую пару — девушка с очень красивым зонтом и молодой человек.

— Марьянка, что ли? Так она у меня всю жизнь туфли чинит. Чего мне на нее внимание обращать?

— А кто ее провожал в последнее время?

— Не видал.

— А не приходилось ли вам случайно увидеть, как из подъезда утром выходил человек с большим портфелем?

— Этого видел... Все удивлялся, где это он взял портфель из настоящей кожи. Такие давно уже не делают. Коричневая кожа, на ремнях, заграничный, очень хороший портфель. Я у Марьяны такой же видел. Хвасталась, что мать ей из-за границы прислала.

— А человек как выглядел?

— А на человека я как-то не обратил внимания.

— Узнали бы его?

— Портфель узнал бы, а его, наверное, нет.

— День, когда видели его, не помните?

— Пятого сентября.

— А почему вы уверены, что именно пятого сентября?

— В этот день концерт по заявкам по радио был. Мою заявку исполнили. «Степь да степь» пели. Русскую народную песню.

— Спасибо,—сказала Кузьмичева.—Если обо мне кто-нибудь спросит, скажите, пожалуйста, что вы мне гвоздь в туфле забивали.

— Ну, ты даешь! — повторила Кузьмичева.— Ты еще скажи, что Рогожина сама у себя иконы и деньги похитила.

— Мы с тобой замкнулись на ключе, который потеряла Ирина. А ведь есть еще один ключ, тот, который у бывшей домработницы. Мы ведь эту версию не разработали. Мы Рогожиной доверились.

— Яйца начинают учить курицу? — спросила Кузьмичева.

— Ты не обижайся, Ефросинья Викентьевна. Семейка-то своеобразная. Я уверен, что Антон знал, что Ирина ключ потеряла, иначе бы он принес его вам показать. Может, и Рогожина всей правды не говорит полностью, доверяя своей тете Шуре.

— Такие ценности не хотеть вернуть, скажешь тоже! — недоверчиво сказала Кузьмичева.

— Всяко бывает,— философски проговорил Валентин, отодвинул свой блокнот, полюбовался рисунками и снова стал водить фломастером.

— Хорошо,— Ефросинья Викентьевна поднялась,— проверим эту твою мысль. Я пойду сейчас на фабрику спортивного трикотажа, поговорю с соседкой тети Шуры.

...Они сидели в украшенной плакатами тесненькой комнате фабкома. Курдюмова оказалась улыбчивой, моложавой женщиной с быстрым взглядом черных глаз.

— Возьми машину! — крикнул ей вслед Королев, но она уже не слышала.

Ей повезло. У здания остановилось такси, вылез пассажир.

— Умоляю. За сыном опаздываю.

Шофер вздохнул и включил счетчик.

Викентий стоял на ступеньке крыльца, заложив руки за спину.

— Прости, сынуля,— залепетала Ефросинья Викентьевна.

— Папа же волнуется,— сурово сказал Вика.

Набегавшаяся за день, Ефросинья Викентьевна в этот вечер не чувствовала усталости. Наконец-то семья была в сборе. За столом сидели она, ее муж Аркадий и сын. Ужинали. В углу, свернувшись клубком, спал котенок. Было тепло, тихо, светло.

— Звонила тетя Тома,— сообщил Аркадий,— послезавтра приезжают Нюра с Костей. Звала нас в воскресенье на пироги.

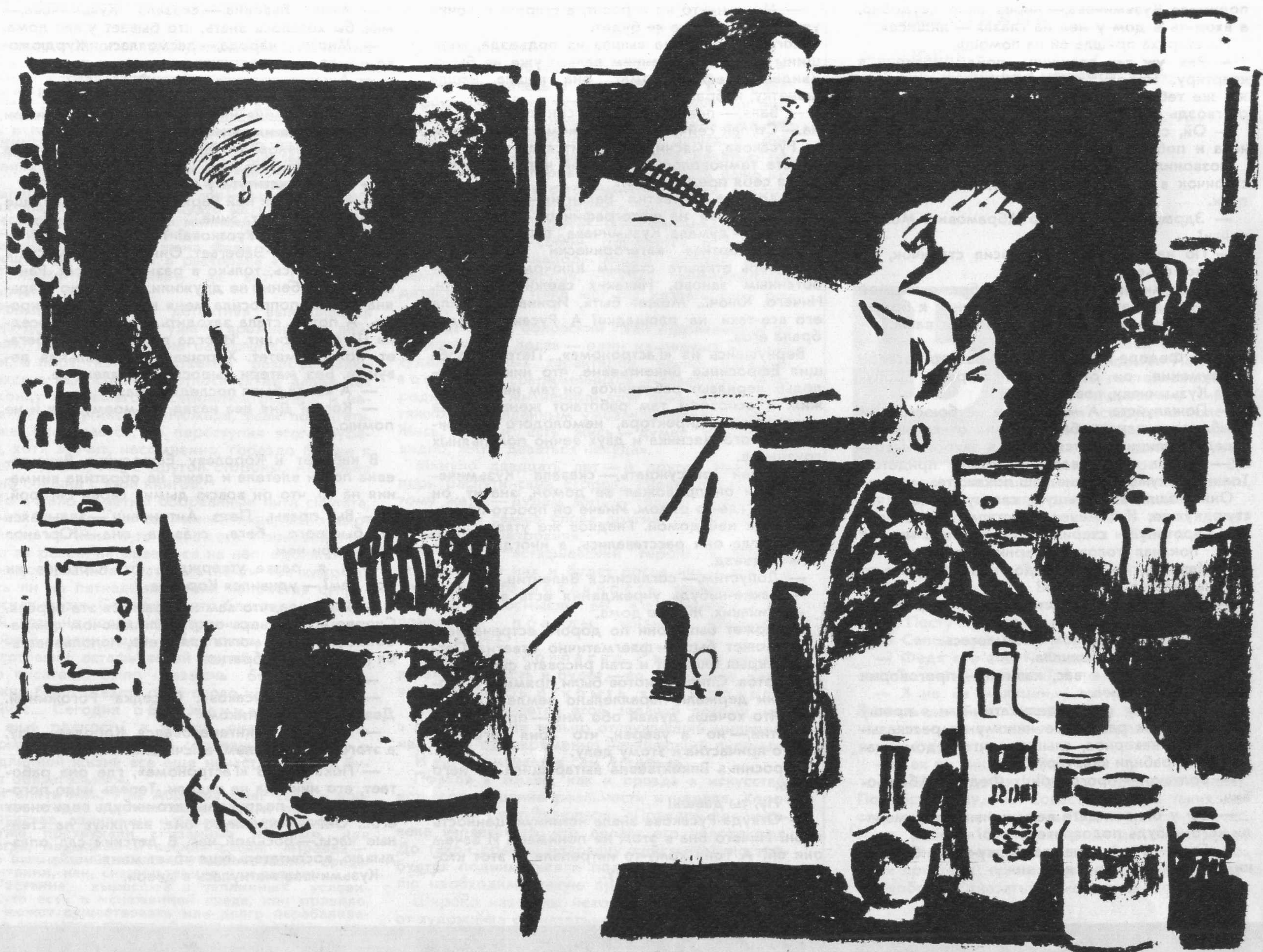
— С грибами, наверное,— мечтательно сказал Вика.— А, может, и торт испекут.

— Специально для тебя,— засмеялся Аркадий.

Тоне Одоевской Кузьмичева позвонила на работу и попросила зайти. Та приехала почти сразу.

— У меня возник ряд вопросов,— сказала Кузьмичева.— Так что вы уж извините, что потревожила вас.

— Ничего страшного. Я все готова сделать,



чтоб родителям побыстрее вернули деньги и иконы.

«Вернули,— подумала Кузьмичева,— скорая какая! Но в общем-то она права. За это нам и зарплату платят, чтоб быстро преступников находили».

— Вопрос вам, возможно, покажется странным... Мне бы хотелось поподробнее узнать о Марьяне Русаковой.

— О Марьяне? — Тоня даже засмеялась.— Да вы что, неужели вы думаете, что Марьяна залезла в квартиру?

— Вы считаете ее честным человеком?

— Конечно. Она всегда точно отдает деньги и-и...

— Что «и»?

— Ну просто смешно думать на Марьяну.

— Она замуж не собирается?

— Все девушки собираются. Вопрос в том, есть ли за кого? Она хорошенькая, но жениха у нее нет.

— И ни с кем не встречается?

Тоня задумалась.

— Лично я не знаю. Думаю, что если б кто-то был, она б рассказала. Вообще-то Марьяна с кем попало не встречается. Ей хочется пожить за границей. Значит, должен быть соответствующий муж. Правда, она как-то говорила, что если б могла уехать одна, то уехала. Одна ее подружка уехала, пишет, что довольна, устроилась хорошо.

— Вы когда-нибудь разговаривали с ней о покупке дачи, об иконах, их ценности?

— Ну, что вы! С какой стати! В основном разговоры о знакомых, о тряпках, где что можно купить. Потом мы встречались иногда в парикмахерской.

— В парикмахерской?

— Да, нас причесывает один парикмахер. Кстати, он сначала пытался ухаживать за Марьяной. Но это, как говорится, «попытка с негодными средствами», хотя деньги у него водятся.

— Откуда у него деньги?

Тоня чуть ли не с жалостью посмотрела на Кузьмичеву.

— Да он за одну стрижку десятку берет. К нему за месяц записываются.

— А кто вас с ним познакомил? Русакова?

— Нет, что вы! Он принимает только по рекомендации постоянных клиентов. А откуда у Марьяны деньги, чтоб ходить к нему часто?

— И давно вы его знаете?

— Пять лет, как переехала в свою квартиру. Парикмахерская у нас в доме.

«А «Гастроном» рядом,— подумала Кузьмичева.— Вполне мог провожать ее».

— Он работает каждый день или сменами?

— Нет, с девяти до шести, в субботу и воскресенье выходной... Директор ему все разрешает.

— Как его зовут?

— Володя.

— А почему вы сказали, что его ухаживание — это «попытка с негодными средствами»?

— Так он парикмахер! А она дипломата ждет или иностранца.

— Кстати, иностранки стригутся у него?

— Конечно. С одной он даже дружит, бывает у них в доме... Он и Марьяну как-то туда водил.

— Иконы он не собирает?

— Ну что вы! Он помешан на технике. Без конца системы меняет на еще более модные. Одну ему, по-моему, муж этой иностранки привозил...

— А вы об иконах в парикмахерской никогда не говорили?

— Ну разве вспомнишь все, о чем от нечего делать разговариваешь с парикмахером? Возможно.

— А о поисках дачи?

— Безусловно. Я всех спрашивала. И Володю просила. Он даже пытался помочь мне. У него родственница живет в Переделкине, он часто бывает у нее и спрашивал там у всех...

После разговора с Тоней у Ефросиньи Викентьевны отчаянно разболелась голова. Она выпила одну таблетку анальгина, потом другую, чашку горячего кофе, и лишь после этого стало полегче.

Версия выстраивалась довольно стройная. Тоня разболтала парикмахеру об иконах и деньгах. Он уговорил Марьяну выкрасть ключи у тети Шуры, вошел в квартиру, унес иконы и деньги, а ключ Марьяна вернула на место. Все это возможно. Но у любого преступника должен быть мотив. Зачем это нужно Марьяне? Она же не может воспользоваться лишними деньгами, не вызывая подозрения. Это место было самое уязвимое.

— Что-то у вас очень вид озадаченный,— сказал Королев, увидев входящих к нему в кабинет Ефросинью Викентьевну и Петрова. Он взял сигару, хотел раскурить, но, поймав умоляющий взгляд Ефросиньи Викентьевны, положил обратно на стол, достал из пачки сигарету.

— Придется тебе все-таки подарить противогаз, чтоб не лишала меня маленьких старческих радостей,— проворчал он.—Уж очень мне сигары нравятся.

— Можно подумать, что я день и ночь у вас в кабинете просиживаю. Курите на здоровье, когда меня нет,— сказала Кузьмичева. Помолчав, добавила:— Гнедков по фотографии опознал Владимира Шарова, парикмахера.

— Не ошибся? Все же он из окна его видел.
— А он дядька дотошный. Бывший разведчик. Не поленился и по моей просьбе возле парикмахерской утром погулял, когда народ на работу шел. И узнал Шарова.
— У парикмахерской был до того, как фотографии видел, или после?
— До того. Но это еще ничего не значит. Допустим, Шаров вышел из подъезда с портфелем. Это ни о чем не говорит. Он скажет, был у любимой девушки.
— А билет в третью зону? — спросил Королев.— Родственницу-то в Переделкине установили?
— Пока нет. В общем, кроме билета, ничего нет. И главное, никак не могу понять, зачем Русакова в это ввязалась. Никаких причин не вижу. Если б ей за это дали билет в Париж, тогда б еще поняла.
— А может, обещали,— заметил Петров.
— Кто? Парикмахер Шаров? Он еще не консульское управление.

Светловолосая девушка в комбинезоне из блестящей материи сидела напротив Кузьмичевой. Глядела чуть испуганно, но пыталась улыбаться. Правой рукой она теребила кольцо на пальце левой.
— Вы Русакова Марьяна Алексеевна? — спросила Кузьмичева.
Марьяна кивнула.
— Вы знакомы с Курдюмовой Галиной?
Марьяна опять кивнула.
— Знакомы?
— Мы учились вместе в школе.
— Часто видитесь?
— Относительно.
— А Назарову Александру Степановну знаете? Это ее соседка.
— Знаю,— тихо проговорила Марьяна.
— А зачем вы брали у нее ключ от квартиры Рогожиных?
— Я не брала.
— Брали и передали его Владимиру Шарову.
— Я ничего не брала.
Кузьмичева смотрела на девушку, ей было скорее даже жаль ее. Она все еще не могла понять, зачем она пошла на преступление.
— Пятого сентября утром к вам приходил Шаров?
— Я в это время была на работе.
— Вы действительно были на работе, но в начале одиннадцатого он выходил из подъезда с большим портфелем.
Марьяна пожала плечами.
— Не знаю. Можно мне закурить?
— Нет,— сказала Кузьмичева.— Я не терплю табачный дым.
Про себя подумала: «А она более крепкий орешек, чем я предполагала. Но ведь действительно фактов у меня маловато».
— Марьяна Алексеевна, вы предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний. Зачем вы говорите неправду? Ведь вы принимали участие в ограблении квартиры.
— Я никого не грабила,— сказала Марьяна. Губы у нее дрожали.
— Ладно.— Кузьмичева нажала кнопку. Вошел дежурный.— Проводите гражданку. Пусть отдохнет и покурит. А ко мне пригласите Шарова.
Марьяна вдруг побледнела. Она хотела что-то спросить, но сдержалась и пошла из кабинета.
Шаров оказался высок ростом, худощав, черноволос. «Красивый мужчина»,— отметила про себя Кузьмичева. Вот Марьяна и выходила бы за него замуж, денег у него много, наряжал бы как куклу. Шаров тоже разглядывал Ефросинью Викентьевну, машинально отметил ее отнюдь не изысканную стрижку. Избалованный женщинами, готовыми на все ради того, чтоб он красиво стриг и причесывал, он к слабому полу относился чуть презрительно.
— Что вы делали второго августа? — спросила Ефросинья.
— Второго? Не вспомню.
— Пожалуйста, постарайтесь вспомнить.
— Второго? Это, кажется, был выходной. Вроде ничего. Отдыхал.
— А что вы делали на Киевском вокзале?
— Ах, да, ездил на дачу!
— В гости?
— Да, пожалуй. К родственникам.
— В какое место?
— Почему вы об этом меня спрашиваете?
— Видите ли, в этом кабинете вопросы задаю я. Так в какое место вы ездили?
— В Переделкино.
«Билет его,— подумала Кузьмичева.— И рост подходящий».
— А что вы делали пятого сентября?
— Работал.
— С утра?
— Нет, во вторую смену.
— А с утра?
— Спал. Я люблю поспать.— И он широко улыбнулся.
— Пятого сентября, в начале одиннадцатого, вы выходили из подъезда дома, где живет ваша знакомая Марьяна Русакова.
— Я думаю, это ошибка. Меня с кем-то спутали.
— Есть два свидетеля.
— Возможно, я заходил к Марьяне.
— Зачем?
Шаров улыбнулся.
— Просто поболтать.
— Но она в это время была на работе.
— Ну... Не застал и ушел.
— А что лежало в портфеле, который вы несли в руках?
— В портфеле? Ах, да! Я собирался потом зайти в чистку.
— Зашли?
— Конечно.
— В какую? Адрес? Что сдавали?
— Возле парикмахерской у нас есть чистка.
— Все это мы проверим. Это был ваш портфель?
— Я чужого не беру.
— А где он сейчас?
— Да где-то валяется. На работе, кажется.
— В этот день произошло ограбление квартиры Рогожиных, той самой, что напротив квартиры Русаковых.
— Уж не хотите ли сказать, что я ограбил эту квартиру? — вызывающе спросил Шаров.
— Хочу. Ключ от нее вам дала Русакова.
— Вранье. Я честный человек.
— Вы какой номер ботинок носите?
— Сорок третий. Хотите мне что-нибудь предложить?
— Не паясничайте.— Она сняла трубку телефона, набрала номер.— Петров! Выясни в химчистке возле парикмахерской, какие вещи сдавал гражданин Шаров пятого сентября.
— Я без квитанции сдавал, меня там знают.
— Кому? — холодно спросила Кузьмичева.
— Не знаю, как ее зовут. Приемщица причесывается у меня... Может побояться сказать, что приняла без квитанции.
Ефросинья Викентьевна снова сняла трубку.
— Петров! Ты еще не уехал? Возможно, что вещи сдавались без квитанции. Так что там было, Шаров?
Шаров, нахмурившись, сказал:
— Костюм, пальто.
— Костюм и пальто,— повторила Кузьмичева в трубку.

— Так вот, Русакова,— проговорила Ефросинья Викентьевна.— Шаров не отрицает, что в день ограбления, пятого сентября, он заходил к вам утром.
— Ну и что?
— Зачем он мог прийти к вам, если знал, что в это время вы были на работе?
— Откуда я знаю?
— Вы что, поссорились?
— Почему вы так решили?
— Ну, после этого случая он перестал провожать вас, бывать у вас.
— Просто так.
— А как к нему попал ваш портфель?
— Какой еще портфель?
— Ну, с которым он вышел из подъезда.
— А почему вы решили, что это мой портфель?
— А сапожник Федор Абрамович опознал его.
— Не знаю я ничего... Я на работе в тот день была... откуда я знаю...
— Но ключ-то у Назаровой вы брали.
Марьяна вдруг разрыдалась. Слезы черными полосами пошли по щекам. Она терла глаза тыльной стороной руки, вздрагивала всем телом.
— Утрите глаза... У вас есть платок?
Марьяна достала из сумки платок. Кузьмичева налила ей в стакан воды, поставила возле на край стола. И вспомнила, как так же вот однажды допрашивала женщину, та рыдала, а воду, которую Ефросинья Викентьевна ей дала, выплеснула ей в лицо. Она поежилась от неприятного этого воспоминания. Затем сказала:
— Шаров без вашей помощи не смог бы войти в квартиру. А был там именно он. Остался след его ботинок, и билет он обронил на электричку. Его видели, когда он выходил после кражи. Он утверждает, что в портфеле были вещи, которые он потом сдал в чистку. Но он ничего не сдавал. Как вы думаете, почему он говорит неправду?
— Откуда я знаю? — Марьяна сидела, опустив низко голову.
— Вы ушли на работу, а он остался в вашей квартире... Потом открыл дверь Рогожиных... Взял иконы, деньги, сложил в ваш портфель, оставил ключ от квартиры Рогожиных, который вы вечером отнесли Назаровой и положили на место.
— Но я ж в квартиру не ходила.
— Ключ-то вы ему дали?
— А что мне за это будет? — Марьяна подняла опухшее, но почему-то похорошевшее от слез лицо.
— Зачем вы это сделали, Марьяна?
— Володя познакомил меня с одной иностранкой... Она у него причесывается. А Тонька всем рассказывает, что у родителей иконы четырнадцатого века... Очень редкие. У нее даже фотографии их есть. Она показывала. Мари зовут эту иностранку. Мы с Володей были у нее в гостях. Она просит: «Ах, как хочу такие иконы. Уговорите их продать. Ничего не пожалею». Я отвечаю: мне ничего не надо, и я знаю, не станут они продавать. А потом Володя говорит: Мари сказала, что если мы устроим иконы ей, то она сделает так, что нам вызов пришлют, как будто у нас за границей родственники, и тогда мы сможем уехать туда. Володя сказал, что он откроет салон... Я сначала не поверила, но Мари подтвердила, что получим вызов. И еще сказала, что деньги большие даст. Но я знала, что Рогожины не будут продавать. Ну и тогда...
— Что тогда?
— Я же знала, что у тети Шуры есть ключ... И... Ну вот и все... В конце концов Рогожиным эти иконы не нужны вовсе... Я не знала, что Володя взял деньги,— это, конечно, нехорошо.
— Деньги плохо, а иконы можно?
— Это ж религия. Одни дураки за них держатся или зарятся на них.
— Это государственное богатство. Рогожин завещал их Третьяковской галерее.
— Что же он сразу не отдал?
— Для него это память о родителях.— Кузьмичева помолчала.— И где же теперь иконы, вы знаете? Шаров отдал их иностранке?
Марьяна энергично покачала головой.
— Нет. Он только показал. Мы вообще-то решили, что если они ей не подойдут, мы вернем их Рогожиным потихоньку.
— Подошли?
Марьяна кивнула.
— Но Володя сказал: пока вызов не получим, не отдадим. Вообще отдадим перед самым отъездом...
— Так где они?
— Он их спрятал на даче... у родственников.
— В Переделкине?
— Он сказал вам?
Кузьмичева промолчала.
— Скажите, пожалуйста,— Марьяна попыталась улыбнуться, но улыбка получилась жалкая.— Что мне будет? Меня ведь не арестуют?
Ефросинья Викентьевна сидела, опершись локтями на стол, прислонив сжатую в кулачок ладонь к губам.
— Неужели вам так плохо жилось, Марьяна? — с горечью спросила она.
— Но мне жить хотелось по-настоящему,— жалобно проговорила девушка.— Знаете, чтоб был большой дом, красивая машина, путешествия... А здесь что? Скучная работа, старая квартира, плохая мебель, колготки иногда купить не на что...
— На путешествия, дом, машину и за границей нужны деньги.
— Так там, знаете, как все дешево? Безработный за свое пособие может купить сто «водолазок». Мне мама рассказывала. Да и читала я...— Она тяжело вздохнула, поднялась со стула.— Мне можно уйти?
Ефросинья Викентьевна отрицательно покачала головой.
— Вы совершили тяжелое преступление, Русакова. Боюсь, что придется вас задержать.

Рисует Лена Образцова

Кто же из детей не любит рисовать? Вопрос, понятно, не требует ответа. И рисовать дети любят, и на одной ножке скакать, и смеяться... И Леночка в этом отношении ничем не отличается от своих сверстниц и сверстников. Но одно дело — рисовать для себя, для бабушки, для мамы, пусть даже и занимаясь в кружке, а другое дело — для всех сразу. И вместе со всеми рисующими мальчишками и девчонками со всего света принять участие в конкурсе, и не простом — всемирном.

...Когда в подмосковный город Электросталь пришло сообщение, что девочку Лену как победительницу Международной выставки детского рисунка приглашают в Японию, бабушка только руками всплеснула, а дедушка, помогая укладывать чемодан для дальнего путешествия, не забыл вложить немного своих снимков-диапозитивов. Как они пригодились там, в далекой префектуре Канагава, где собрались не только строгие члены жюри, но и много детей! Японские ребятишки пели песни, красиво освещая зал маленькими фонариками, потом в детских руках расправили крылья бумажные журавлики, а потом Леночку попросили рассказать о себе и о своем городе. Вот тут-то и понадобились цветные дедушкины снимки. Рассказывала Лена о Москве, о «самом главном доме Москвы» — Кремле, на фоне зубчатой стены которого она была сфотографирована, о Красной площади, о белых березах, о светлых речках. Из всех этих красок, наверное, и рождались Ленины рисунки — чистые и понятные, откровенные и легкие. Словом, такие, каким и должен видеться мир десятилетней девочке.

Ленины папа и мама — геологи, много ходят по свету — не угнаться за ними, поэтому Лена проводит свое время с бабушкой и дедом. Наверное, и увлечение деда Сергея Александровича — собирать репродукции картин — сказалось на увлечении девочки, и одержимость руководителя студии детского рисунка заводского Дома культуры Анатолия Егоровича Косова, умеющего заронить искорки творчества в детские души. И бабушкины «уроки природы»... О бабушке нужно сказать особо. Марина Николаевна Шигина, бывший инженер-технолог,— самая современная бабушка. Во-первых, она никакая не старушка, во-вторых, спортсменка — заядлая туристка, в-третьих, всем бабушкам бабушка: забрав своих крохотных внуков, старшая из которых Лена, а младший чуть научился ходить, вместе с дедом, закинув рюкзаки за плечи, отправляются на все лето на Селигер. Там, на укромном островке, есть у них небольшой тайничок, в котором зимуют миски и сковородки, нехитрый походный скарб — дожидаются хозяев, очередного лета. Проносятся над Селигером сырые тучи, вспыхивают и гаснут алые зори, голубые звезды глядятся вниз с бездонного неба. Такие картины надолго западают в детскую душу...

И вот новое сообщение: еще один рисунок Лены Образцовой в прошлом году получил специальный приз ЮНЕСКО в Японии. Все дети рисуют, кто из них не любит рисовать? В их рисунках — окружающий мир. И чистота, которую черпают в нем наши дети.

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

Н. Бестемьянова и А. Букин.

ПОБЕДА ПОПОЛАМ

Чемпионат мира по фигурному катанию, завершившийся на женевском льду, принес золотые медали спортсменам лишь двух стран — СССР и США. В парном катании и в танцах на льду чемпионами мира стали фигуристы Советского Союза, а в одиночном катании — женском и мужском — спортсмены США.

Лишь в танцах на льду чемпионам мира 1985 года удалось сохранить первенство, в остальных трех номерах программы чемпионы сменились, причем наиболее острая борьба на чемпионате разыгралась между двумя танцевальными дуэтами из СССР. Ученики Татьяны Тарасовой Наталья Бестемьянова и Андрей Букин продолжили в Женеве свой спор с учениками Натальи Дубовой Мариной Климовой и Сергеем Пономаренко, и лишь считанные баллы после исполнения произвольной программы отделили одну пару от другой. Уже какой раз эти прекрасные дуэты занимают места рядом на пьедестале почета, и яркий творческий диспут, невиданный в истории фигурного катания, сулит в будущем дальнейший расцвет этого популярного спорта.

Не менее интересная борьба разыгралась между советскими фигуристами и в парном катании. И здесь чемпионы мира Елена Валова и Олег Васильев неожиданно для всех уступили дебютантам мировых чемпионатов Кате Гордеевой и Сергею Гринькову.

Пятую призовую медаль принес советской команде Александр Фадеев — прошлогодний чемпион мира; три дня он лидировал и на этом чемпионате, но в заключительный день выпустил вперед американца Б. Бойтано и канадца Б. Орсера, заняв лишь третье место на пьедестале почета. Вслед за ним завершили выступление еще два советских фигуриста — В. Котин и В. Петренко.

Е. Гордеева и С. Гриньков.

Телефото Рейтер — ТАСС

АВТОМАТНОЕ СЛОВО

ЮМОРЕСКА

— Девушка, мне вот эту кофточку с начесом покажите, пожалуйста.

— Не продается. Это для витрины. Не видите? Очки надо носить.

Невысокая средних лет женщина смутилась, слегка покраснела.

— Ну ладно. Я вот эту, наверное, возьму.

— Да вы что? Это для молодых, а вы...

Покупательница, оглядываясь, повесила кофту на место. Пряча лицо, стала прикидывать к себе другую. Робко спросила:

— Уж и не знаю, как она мне. Девушка, не взглянете?

— Что я, примеривать вам должна? С мужем надо было приходить. М-да-да... ну и талия у вас.

Окончательно сконфуженная гражданка заторопилась:

— Эту беру. Заверните получше, мне далеко ехать.

— Бумаги нет. Кончилась. На всех не напасешься. Нин, подожди закрывать кассу, здесь одна наконец-то выбрала. Стукни ей.

Кассирша недовольно подняла голову:

— Вер, закрывать пора. Уже без пятнадцати, а они все прут и прут. Ну, сколько пробить?

Резко стукнула кассовым аппаратом, сердито бросила клиентке изогнутый язычок чека, на котором поверх мелкой и блеклой цифири было крупно проштамповано: СПАСИБО!

Виктор ЕФИМЕНКОВ

●

Михаил ЮХМА

ЮМОРИНКИ

ОРЛОСЕЛ

Апломб
орлиный,
а лоб...
ослиный!

ТОЧНЫЙ ПЕРЕВОД...

Стихотворец Имяреков
переводит древних греков.
Автор:
«Быстро через реку
переплыл герой Геракл!»
Имяреков:
«Через реку
переплыли грек и... рак!»

ВОДОЛЕЙ

Литра три оратор
выпивал воды!
А... как литератор
выливал пруды!

ДРУЖЕСКИЙ ПАСКВИЛЯНТ

С миру взяв
по нитке-строчке,
щеголяет
в литсорочке!..

АРГУМЕНТ ТЕАТРАЛА

Цинично,
но...
сценично!

ЦЕНИТЕЛЬ МУЗЫКИ

— Как вам оркестр?
— Нелестно мненье.
Он добрых чувств не возбудил...
Сам дирижер в недоуменье
весь час...
руками разводил.

Перевод с чувашского
И. ЗАКОНОВА.

●

Юмор

Евг. ТАРАСОВ

ИЗ ЖИЗНИ ПРОТРОМБОНОВА

КРИТИКА ПРИНЯТА

Протромбонов был отзывчивый. Однажды его обвинили в холодном отношении к подчиненным, и он тут же начал давать им жару.

МУДРЫЙ СОВЕТ

Когда Протромбонов узнал, что для одного его знакомого все средства хороши, он посоветовал ему жить по безналичному расчету.

ЧИСТОТА — ЗАЛОГ...

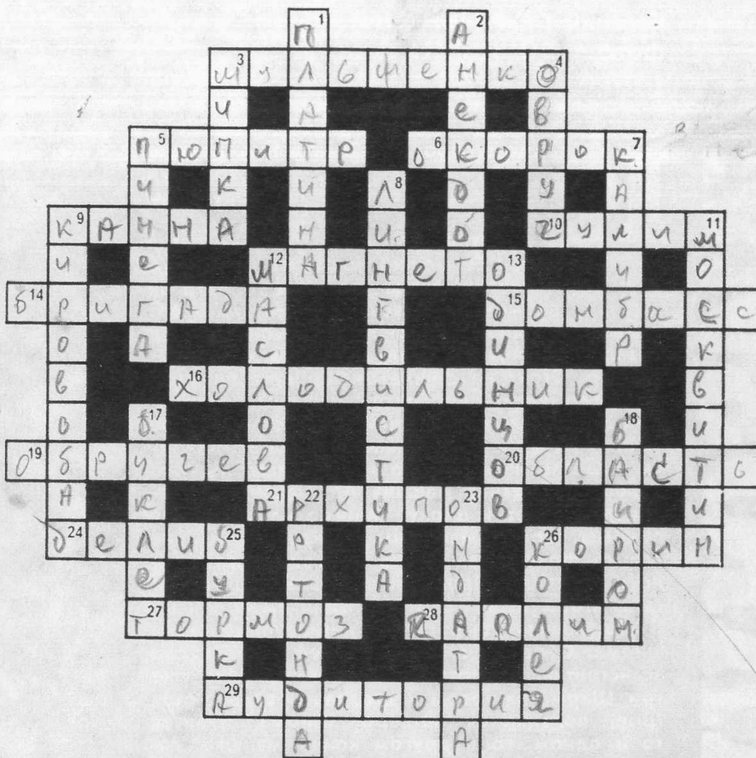
Протромбонов был чистоплотный. Он никогда не брал себя в руки, чтобы их не испачкать.

Фразы

Умному важно, что о нем думают, а глупому — что о нем говорят.

Плохо тому, кто скучает без друга, но еще хуже тому, кто скучает с ним.

К. МЕЛИХАН



КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Эстрадная певица, народная артистка СССР. 5. Подставка для нот. 6. Персонаж повести В. В. Иванова «Бронепоезд 14-69». 9. Антилопа, обитающая в Африке. 10. Приток Оби. 12. Генератор в цилиндрах двигателей внутреннего сгорания. 14. Производственный коллектив. 15. Роман Б. Л. Горбатова. 16. Сооружение, аппарат для хранения скоропортящихся продуктов. 19. Геолог и географ, академик, Герой Социалистического Труда. 20. Административно-территориальная единица в СССР. 21. Народный писатель Удмуртии. 24. Французский композитор XIX века. 26. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 27. Механизм для уменьшения скорости движения машины. 28. Американский актер, кинорежиссер, лауреат Международной премии Мира. 29. Помещение для лекций, докладов.

По вертикали: 1. Благородный металл. 2. Рассказ М. Горького. 3. Перевал в Болгарии. 4. Город в Житомирской области. 5. Приток Северной Двины. 7. Измерительный инструмент. 8. Языкознание. 9. Город в Азербайджане. 11. Русский землепроходец XVII века. 12. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение». 13. Советский военачальник, маршал артиллерии. 17. Краткий путеводитель, проспект. 18. Английский поэт XIX века. 22. Круглая постройка с куполом. 23. Пушной зверек. 25. Плащ из тонкого войлока. 26. Железнодорожный путь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 1. Процесс. 4. Экспорт. 9. «Надежда». 10. Нейтрон. 11. «Зенит». 14. Стенография. 15. Берсенев. 17. Строфика. 18. Горбатко. 21. Суботица. 25. Численность. 27. Клеть. 29. Стретто. 30. Няндома. 31. Радикал. 32. Скаррон.

По вертикали: 1. Плавание. 2. Овен. 3. Сказание. 5. Контракт. 6. Ость. 7. Тростник. 8. «Деньги». 12. Аттестация. 13. Шилохвость. 16. Веко. 17. Сакс. 19. Оператор. 20. «Колокола». 22. Угольник. 23. Цикламен. 24. Янгель. 26. Рейд. 28. Адур.

НА ПЕРВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦАХ ОБЛОЖКИ: Школьница Лена Образцова из подмосковного города Электросталь и ее рисунки. (См. в номере материал «Рисует Лена Образцова».)

Фото В. ВЯТКИНА

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 10.03.86. Подписано к печати 26.03.86. А 00655. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 608. Заказ № 2472.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ИЛЛЮЗИИ БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

Евгений ГОРТИНСКИЙ,
фото А. БОЧИНИНА

Как-то я спросил у Эмиля Кио, почему в век космонавтики, атомоходов и лазеров по-прежнему так популярны фокусы.

— Технику знают все,— ответил Кио.— Ее можно пощупать руками. А человека всегда поражает то, чего он не может объяснить, пусть это будет самый элементарный трюк иллюзиониста. Год назад в Японии я купил наручные часы-компьютер. Стоит на стекле циферблата пальцем начертать какие-либо числа и нужный математический знак: плюс, минус или, скажем, две точки — тут же выскакивает результат. Кажется, надевай часы и выходи на манеж: ты уже человек — счетная машина. Но какое отношение это имеет к цирку! Многие иллюзионные приемы хорошо известны, между прочим, не только фокусникам,— Кио тяжело вздохнул,— но и зрителям. Представляете, как надо работать, чтобы наши трюки сегодня смотрелись...

...На манеж выносится легкая переносная ширма. С одной стороны за нее заходят две ассистентки, с противоположной выходят уже три. Ширма на новом месте, за ней скрываются трое, появляются четверо. Ширма ставится то в одном, то в другом конце манежа, совсем рядом со зрителями на барьере, и всякий раз за ней оказывается на одного человека больше, чем заходило. В конце концов появляется Кио. И уже сам ведет дальше свой спектакль, показывая, как с обыкновенными вещами происходит необыкновенное.

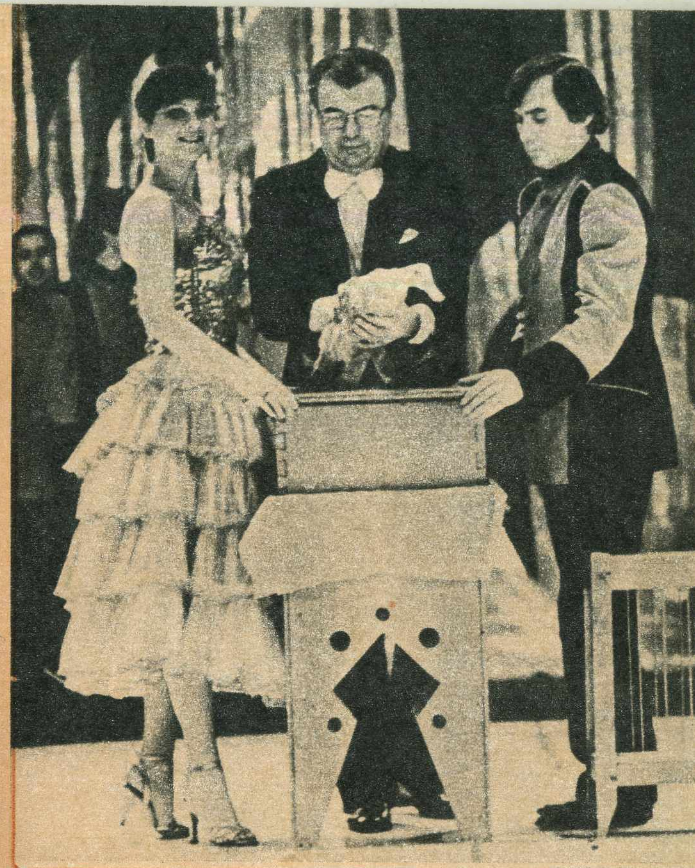
Между двух полубочонков вставлено рулевое колесо. Штурвал вращается что есть мочи. Но это отнюдь не помеха помощнице Кио. Каким-то образом она ухитряется перебраться сквозь вертящееся колесо из одной половины бочки в другую.

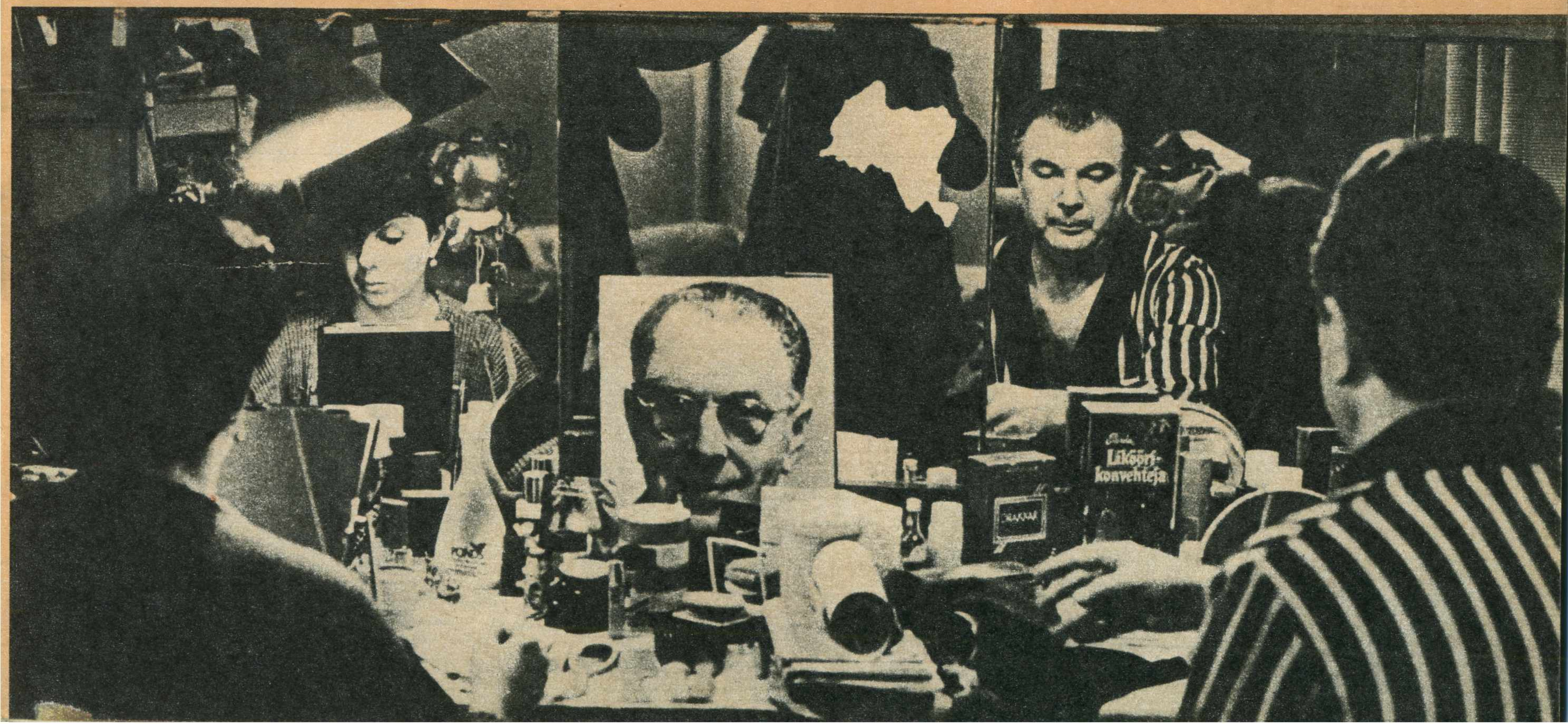
Знакомые трюки приобретают оттенок новизны. Клоуны, эти вечные завистники фокусников, изо всех сил стараются помешать Кио. Они нарочно отправляют его за кулисы, а сами меняют половинки ящиков, где лежат уже «распиленные» женщины. Когда женщины снова выбираются наружу, зал ахает от неожиданности — Кио составил их из разных половинок! В другой раз клоуны находят двойное дно в аппарате и радостно извлекают оттуда «исчезнувшего» ассистента. Но Кио невозмутим. Молодой человек, только что отправленный коверными с манежа, опять выходит из уже опустошенного аппарата.

Но клоунов не остановить, они во весь голос заявляют фокуснику: «Знаем мы эти штучки. Все ваши трюки делают близнецы». Что оставалось иллюзионисту! Кио согласился: «Конечно. Сейчас вы в этом убедитесь». В манеж по проходу спустилась девушка и скрылась за ширмой. Следом по другому проходу прошла вторая — точная копия первой. По третьему — еще одна, как две капли воды, похожая на своих предшественниц. И так — четвертая, пятая, шестая... Десять девушек, неотличимых друг от друга, сошли в манеж. «Довольно,— сказал наконец Кио.— Показываю своих помощниц разом». Когда ширму убрали, за ней стояли десять девушек, не имеющих ни малейшего сходства друг с другом.

— Сам не знаю, как это у меня получилось,— смеется Эмиль.— Нет ничего проще, как придумать новый трюк. Гораздо сложнее объяснить, как его сделать.

Кио уже привык, что с его именем связывают и быль, и небыль. В Донецке в цирк пришли датские футболисты, приехавшие на матч Кубка УЕФА. Когда на другой день они уступили «Шахтеру», тренер заявил на пресс-конференции: «Мы не проиграли бы, если бы у нас в защите был Кио». В Берлине цирковой клоун выудил из Шпрее рыбину, которая потянула одиннадцать с лишним килограммов. Газеты снабдили сенсационный снимок подписью: «Тут не обошлось без Кио». У его имени много веселых расшифровок. Но больше всего по душе Эмилю одна: «Как Интересно Обманывать». И если в свое время, выбирая себе псевдоним, Кио-старший даже не думал о таком его истолковании, значит, он сделал самый ловкий свой трюк. Трюк на долгие годы.




Likööri-
konvehteja

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663